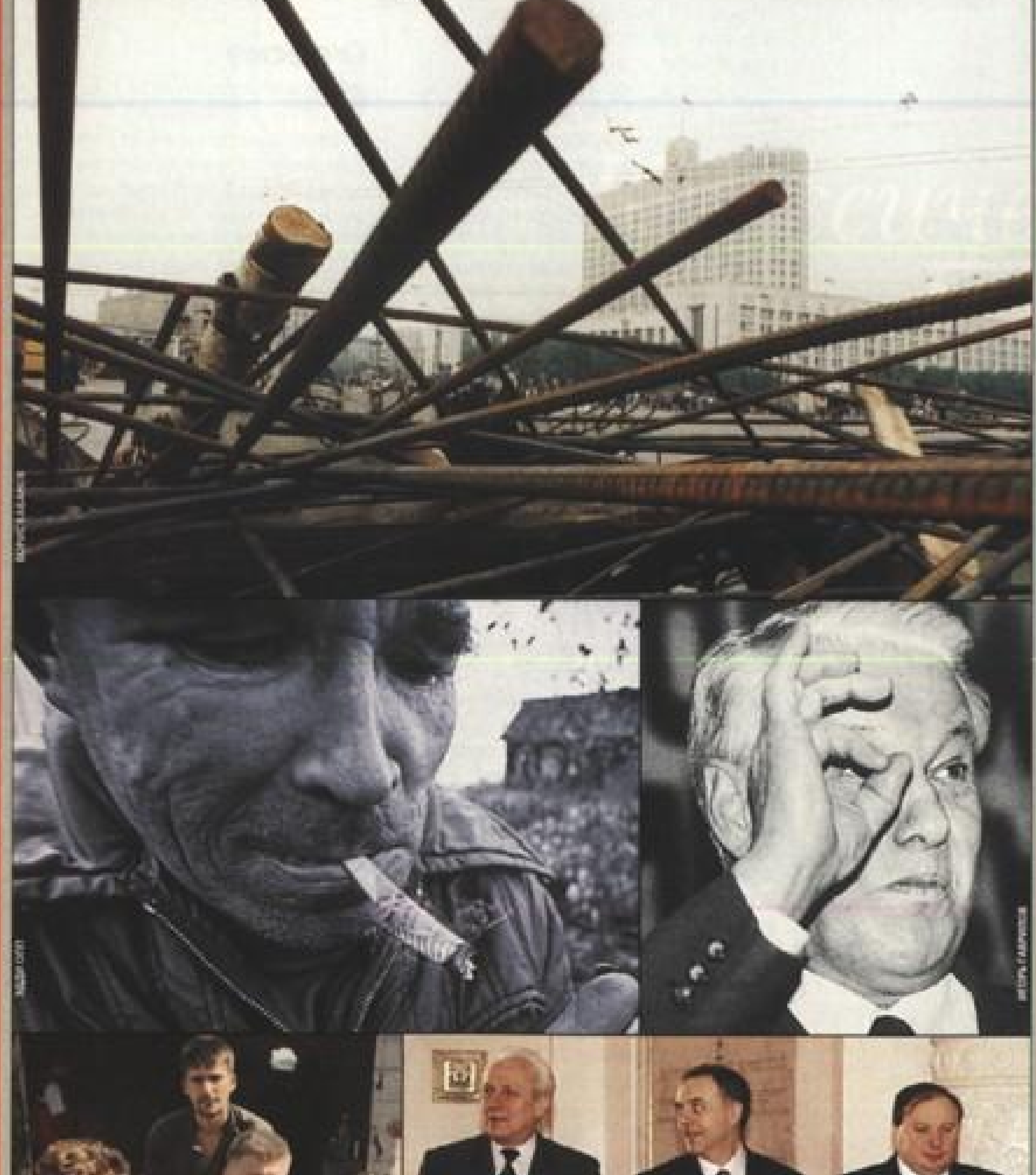

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
18 ИЮНЯ 1996
ИТОГИ
ВМЕСТЕ С Newsweek®
РОССИЯ:
ПЯТЬ ЛЕТ
СВОБОДЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 18 июня 1996 **Итоги** № 6

В минувшее воскресенье истек срок президентского мандата Бориса Ельцина. Пять лет назад мы доверили свою судьбу воле одного из нас — нами же выбранного, свободно и осознанно. Впервые в истории этой страны верховная власть родилась как будто бы из ничего, из бумажного мусора, из груды исчерканных бюллетеней. На самом деле мы просто «скинулись» по чуть-чуть нашей свободы на президента, мы все поделились с ним. Это как минимум доказывает, что нам было чем делиться.

Мы были свободны, выбирая свою судьбу. И прожили эти пять лет свободными. Подведем итоги.

На обложке фото **Бориса Бабанова** (съемка 1991 года)

Итоги

Еженедельный журнал
№ 6, 18 июня 1996 года
Издатель **ЗАО «Журнал «Итоги»**
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Ответственный секретарь Андрей Збарский
Заместитель ответственного секретаря Виталий Колбасюк
Выпускающие редакторы Владимир Орлов, Ирина Фрейдлин
Дизайнеры номера Алексей Афанасьев, Ирина Борисова, Галина Грозная, Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Величко, Владимир Иванов, Дмитрий Иванов, Ирина Иркина, Ирина Майорова, Алиса Петрова
Отдел политики («В России»)
Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Петр Журавлев, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Маргарита Хемлин **(редактор)**, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России»)
Дмитрий Сабов **(зав. отделом)**, Рубен Бекназар-Юзбашев **(редактор)**, Дмитрий Погоржельский **(корпункт в Бонне)**, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело»)
Ирина Розенберг **(зав. отделом)**, Александр Беккер, Елена Кузнецова, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Обстоятельства»)
Андрей Быстрицкий **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Маша Гессен, Денис Драгунский, Елена Каменская **(редактор)**, Григорий Крошин, Седа Пумпянская
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник»)
Дина Годер **(зав. отделом)**, Марианна Голубовская **(редактор)**, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**, Андрей Толстой
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бурт, Лариса Долбина, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Пряжникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова
Референты Анна Лощихина, Анна Старостина, Мария Стаценко, Елена Черкасова
Водитель Михаил Егоров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

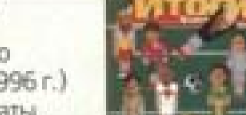
Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@TOD.NEWSBOX.MSK.SU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение №: 014592 от 14.03.96
Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Нана Цобехия **(директор),** телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Ирина Келина **(директор),** телефон (095) 195.9236
Служба распространения:
Александр Магатаев **(директор),** телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой «Инком-Пресс», телефон (095) 195. 2149, факс (095) 195.0060
Телефон для справок по вопросам распространения (095) 753.4103
Фотослужба газеты «Сегодня» Алексей Дитякин **(директор)**
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Василий Черный **(директор)**,
Павел Балченков, Роман Балашов, Наталья Галанина, Лев Галустов, Алена Гаранина, Олег Детинин, Андрей Дугин, Илья Дьяков, Анатолий Капчинский, Андрей Корзун, Ольга Круглова, Александр Мелешкин, Владимир Остапцев, Валентин Писаревский, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж, Наталья Шахова, Дина Щедринская

Номер подписан в печать 13 июня 1996 года
Тираж 50 000 экз.
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия)

Об опросах

В 3-м номере вашего журнала (28 мая 1996 г.) опубликованы результаты опросов различных социологических служб, проведенных перед декабрьскими выборами 1995 г. В частности, приведена таблица, сопоставляющая результаты этих опросов. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что сравнение сделано некорректно. И вот почему. В публикации представлены результаты опросов, выполненных в разное время. Так, например, в таблице приводятся данные ВЦИОМ, опубликованные в газете «Известия» 17 ноября 1995 года (понятно, что получены эти данные еще раньше).

В этой же таблице представлены данные фонда «Общественное мнение» и Института социологии парламентаризма, опубликованные в начале и середине декабря прошлого года (когда проведены опросы — неясно; скорее всего, в начале декабря). Таким образом, сравниваются данные, полученные с интервалом в месяц—полтора. Но намерения электората неустойчивы и могут измениться к моменту выборов. А потому нельзя делать выводы о точности социологических замеров той или иной службы, сравнивая данные, полученные в разное время. Чтобы оценка точности была объективной, следует, с нашей точки зрения, сравнивать данные опросов, проведенных примерно в одно время.

Ниже приведены результаты, полученные ВЦИОМ в ходе декабрьского опроса, проведенного накануне выборов (данные в процентах от числа собирающихся принять участие в голосовании):

КПРФ	19,1
ЛДПР	11,5
КДР	9,6
Яблоко	9,6
ЖР	9,0
КРО	4,3

Если воспользоваться методикой расчета ошибки, которая описана в журнале для приведенных данных, то сумма квадратов ошибок (СКО) составит для ВЦИОМ 37,23 процента, а не 73,8, как сказано в публикации.

Нам кажется, что подобного недоразумения не произошло бы, если бы вы обратились во ВЦИОМ и уточнили, какие результаты получены нами в декабрьском опросе. В этом случае и таблица, и выводы имели бы другой вид.

С уважением
В.Никитина,
руководитель пресс-службы ВЦИОМ

Об ошибках

В № 4 от 4 июня в статье «Голубь мира...» С. Пинжуренко говорится, что «... вертолетчиков, обеспечивающих поддержку ... наземных частей, часто называют кавалерией».

Пустяк, конечно, но так их не называют никогда. Во-первых, автор пишет по-русски, а пытается указать на факт терминологии армии США. Во-вторых, даже в армии США «CAVALRY» означает «разведка», а применительно к армейской авиации это разведывательные вертолеты, а не вертолеты огневой поддержки. Наконец, в-третьих, вместо шеврона (если только автор не имеет в виду нефтяную компанию) вполне сгодится НАШИВКА. В остальном — хорошая артикль в вашем новом, ярком, идейно близком магазине.

Примите и прочее
Александр А. Кандауров,
подполковник запаса

О песне

С удовольствием читаю ваш журнал, хотя и не со всеми его материалами согласен. Это, впрочем, естественно. С интересом прочел вашу публикацию на стр.53 третьего номера журнала «Итоги». Если возможно, расскажите, почему песня А.Городницкого «Над Канадой» заслужила ярлык «официозной». Право, песни Александра Моисеевича называли по-всякому, но вот официозом... Заметьте, я не веду разговор о художественных достоинствах текста или мелодии (авторская песня есть авторская песня), но, по-моему, здесь официоза не больше, чем в песне «Ленин всегда живой» лирики. Естественная для моряка (и знакомая мне не понаслышке) тоска по дому, по женщине, наконец.

С уважением
Кенарский Валерий Владимирович

О пожеланиях

С днем рождения замечательного журнала! Есть одно предложение — нельзя ли помещать в вашем журнале анонс наиболее интересных политических телепередач будущей недели? Это будет интересно многим.

Л.А.Парамонова

О выборах

...Неужели мы проголосуем за очереди на «фсе»?!

...Подрыв доверия населения к частному предпринимательству достиг космических масштабов, и тем не менее я за ельцинские реформы. Может быть, мои внуки будут жить по-человечески, без очередей за спичками и солью, без насильственной «помощи братским странам» за счет нищеты собственного народа. Скоро увидим, насколько поумнел наш народ, хочет ли он лучшей участи, чем очереди?!

Желаю вам творческих и коммерческих успехов. Смущает только название: ведь рано подводить еще итоги, новая жизнь страны только начинается.

С уважением и надеждой
Горбунов Юрий Васильевич,
бывший физик

Президентский рок

У президента есть повод для радости. Результаты своих последних исследований накануне выборов огласили социологи. По их данным, в первом туре Ельцин лидирует с двенадцатипроцентным отрывом. Цифры будут уточнены самой жизнью, а пока Борис Ельцин, забыв про возраст, танцует президентский рок-н-рол. Или просто — президентский рок.

Выборы проигрывают журналисты

Накануне выборов российского президента нью-йоркский Комитет по защите журналистов выпустил доклад, утверждающий, что, «кто бы ни выиграл в России выборы, проиграют в результате средства массовой информации».

«В случае прихода к власти Зюганова, как и в случае переизбрания Ельцина, российским журналистам предстоит отстаивать ту хрупкую свободу, что они приобрели за последние 10 лет, — заявил исполнительный директор Комитета по защите журналистов Уильям Орм. — За время правления Ельцина пресса испытала на себе самые яростные нападения за последние десятилетия. С 1994 года в России убиты 13 журналистов».

По подсчетам Комитета по защите журналистов, за последние несколько лет по крайней мере восемь российских журналистов стали жертвами киллеров, пятеро погибли в Чечне — из них трое в этом году, а четверо пропали там без вести. Кроме того, по сведениям комитета, во время предвыборной кампании администрация президента открыто оказала давление на провинциальные средства массовой информации. ■

Привет, мальчишки!

Жестокая конкуренция среди манекенщиц — досужий вымысел сладострастных журналистов. Им, похотливым и плешивым, и невдомек, что на самом деле в королевстве стандартизованной красоты царит корпоративная солидарность и взаимовыручка.

Две симпатичные «топлетки» — Сандра Кейн и Дебби Флетт — откликнулись на просьбу их более известной коллеги, топ-модели Евы Герциговой, и поддержали своими формами рекламную кампанию бюстгальтеров «Уандербра» с кокетливой надписью «Привет, мальчишки». ■

Ядерный реактор Олимпиаде не помеха

Как выяснилось, в Атланте, в центре Олимпийской деревни, есть ядерный реактор. Правда, говорят, что он не будет опасен для участников Олимпиады-96. «Безопасность всей окружающей среды вокруг Олимпийской деревни — важнейшая наша забота, — заявил шеф Оргкомитета Игр (АКОГ) Билли Пейн. — И работа в Олимпийской деревне ядерного реактора, принадлежащего технологическому институту штата Джорджия, не составляет риска для олимпийцев». ■

У японцев болят ладони

9 июня в Токио завершились гастроли артистов Московского цирка на Цветном бульваре. «Одним из самых активных среди ныне живущих цирковых режиссеров мира» назвала руководителя проекта Валентина Гнеушева газета «Джапан таймс»; «Асахи» писала про «бьющую через край оригинальность замысла, сочетающуюся с высочайшим исполнительским мастерством». Цирковое шоу можно считать интернациональным: здесь органично слились российское цирковое мастерство, живая американская музыка и вокал и японская «подача». Впрочем, аплодисменты, а также вопли и визги от страха и восторга были адресованы, конечно же, в первую очередь нашим. ■

«Гринпис» на Янцзы

После того как Китай произвел сорок четвертый ядерный взрыв, радикальная экологическая организация «Гринпис» провела 44-минутную демонстрацию у здания китайского консульства в новозеландском порту Окленд, требуя немедленно прекратить ядерные испытания. Но этого экологистам было мало. Несмотря на запрет китайских властей, судно «Гринпис» вошло в устье реки Янцзы близ Шанхая. На его борт поднялся патруль пограничной стражи китайской армии. Портовые власти предупредили капитана о нарушении международных и китайских законов. Через полтора часа судно покинуло территориальные воды Китая и направилось в Гонконг. В состав экипажа входят и россияне.

ШЛАГБАУМ

Лужков	↑	Гром, и молнии сверкают! У врагов очко играет.
Кафельников	↓	Вам рукоплещет человечество Французы кубок вам вручили И только граждане Отечества Стакана даже не налили.
Гульдиманн	↓	Куда же я дену чеченскую грусть, Когда я в родную Женеву вернусь? И как объясню я швейцарскому брату, За что объявили persona non grata?
Романцев	↓	Я не учил их забивать, Я им сказал: «Поймите, братцы! Ну не побить нам итальянцев. Важней КРАСИВО проиграть».
Депардье	↓	Безвольное тело Жерара. Пляж. Птицы домашней перо и пустые бутылки. Зачем посетил «Кинотавр»?

Отречемся от пережитков

«Свобода, равенство и братство» — девиз нашей нации, основа нашего общества далек от реальности», — заявили в своем манифесте 10 ведущих женщин-политиков Франции, среди которых бывший премьер-министр Эдит Крессон. «Настала пора расстаться со стереотипами и пережитками прошлого путем феминизации республики».

Вероятно, им действительно есть за что бороться. Франция, где право голоса было дано женщинам лишь в 1945 году, сильно отстает от других европейских стран по количеству женщин — парламентариев и членов местных администраций. Так, если в среднем по Европе и Северной Америке в парламентах насчитывается до 11% женщин, то во Франции только 5,5%.

Премьер-министр Ален Жюппе не отрицает идею проведения национального референдума или даже внесения конституционных поправок.

Коммунистам «Найк» не нужен

Известные во всем мире как непревзойденные обувщики, итальянцы весьма озабочены экспансией лидера по производству спортивной обуви — американской фирмы «Найк». Как заявил заместитель министра промышленности Умберто Карпи, политика «Найк», пример типичного рыночного перекоса, ставит под угрозу существование сотен мелких итальянских фирм и способствует росту безработицы.

Заявление Карпи, по всей видимости, является ответом на призыв Партии коммунистического преобразования бойкотировать продукцию «Найк» на Апеннинах. ■

Шуры-муры с Юрой

10 июня в Москве, в Малом манеже открылась очередная персональная выставка Александра Шилова. Великосветское мероприятие проходило в присутствии высоких особ, советы которых художник издавна внимательно выслушивал и, вероятно, потому был ими обласкан. «Пишите, Шура, пишите! Я вам скажу как родному, вы — наше культурное достояние, и мы вас будем беречь и преумножать!»

20 фунтов в секунду

Первое, что поражает российского автолюбителя, впервые попавшего в Англию, это то, что британцы, выходя из своих автомобилей, не тащат с собой в магазин или офис автомагнитолу или не прячут ее под сиденье.

Зная эту особенность национального характера, автомобильные грабители Великобритании заработали за 1995 год 622 млн. фунтов стерлингов (933 млн. долларов). Подсчитано, что автоворы увеличивают свой доход со скоростью 20 фунтов (30 долларов) в секунду.

Из автомобилей крадут портативные компьютеры, видеокамеры, а некоторые бандиты готовы залезть в автомобиль хотя бы для того, чтобы вытащить из бардачка бутылку виски. ■

Переселение слонов

В последнее время в Кении — в национальном заповеднике Мвеа — происходят столкновения между слонами и местными крестьянами, которые распахивают места, где пасутся слоны. Чтобы не допустить кровопролития, было принято решение переселить самых строптивых слонов в парк Тцава. ■

Наемные убийцы остаются неуловимыми

Из 560 заказных убийств, совершенных в России за 1995 год, раскрыто только 60, а привлечено к суду 92 организатора и исполнителя. Чаще всего жертвами заказных убийств становились предприниматели — 46% от общего числа зарегестрированных умышленных убийств. Лидеры уголовной среды — 38%, госслужащие — 3%. ■

Не дадим задушить свободу

Через год после принятия федеральным парламентом ФРГ закона об аборте, сочетавшего в себе восточногерманский либерализм и западногерманское запретительство, власти католической Баварии хотят ввести на своей территории поправку, согласно которой женщины будут обязаны давать объяснения, почему они решили прервать беременность.

Министр юстиции Эдзард Шмидт-Йордзиг расценил попытки столь архиконсервативного нововведения как противоречащие конституции страны и пригрозил баварцам судом. ■

Тумана нет, но нам не светит

На английских газонах продолжается футбольное пиршество — чемпионат Европы. Наш читатель в отличие от нас уже знает результаты вторых матчей в группах и все необходимые подсчеты, связанные со сборной России и ее возможным участием в следующей стадии чемпионата, несомненно, уже произвел. Мы же можем только сделать некоторые предположения. (Ужасно хочется, чтобы они не оправдались...) Италия и Германия сыграют третью встречу между собой почти вторыми составами. Хлопать дверями придется русским и чехам, и совершенно неясно лишь одно — кто из двух неудачников сохранит больше тщеславия к концу этой недели.

После матча с Италией букмекерские ставки на нашу сборную и ее выигрыш чемпионата Европы составили незавидную пропорцию — 1 : 50. Похоже, на этой неделе никакому азартному игроку не придет в голову ставить на русских (разве что на Кафельникова).

Зато российские болельщики обретут объективность и смогут наслаждаться финальным этапом чемпионата и самим футболом беспристрастно.

Утешение не из лучших.

К нашим читателям

Обращаем внимание уважаемых читателей, что следующий номер «Итогов» (№7,1996) поступит в продажу не в понедельник, как обычно, а в среду, 26 июня. Мы надеемся, что дополнительные сутки работы над номером позволят нашим журналистам подготовить более точный и подробный анализ первого тура выборов российского президента, основанный на более полных и достоверных сведениях о результатах голосования.

По информации «Итогов», REUTER, AFP, Интерфакс, ИТАР-ТАСС. ФОТО AP, REUTER, «ЮМИНА»

Urbi et orbi

Сергей Иванов

РОВНО 150 ЛЕТ НАЗАД

Ближе к вечеру 17 июня 1846 года в замке Святого Ангела выстрелила пушка. Что возвещало городу и миру: кардиналы, голосовавшие в Квиринальском дворце, избрали папу. Это было тем более удивительно, что в предыдущий раз, за пятнадцать лет до этого, конклав заседал шестьдесят четыре дня — теперь же князьям церкви удалось договориться за два, хотя кворума едва хватало: из семидесяти кардиналов в Рим съехались лишь пятьдесят четыре. Между тем победителю голосования необходимо было набрать большинство именно от списочного состава. Ситуация осложнялась еще и тем, что у двух соперничавших партий силы были примерно равны, предстояло мучительное перетягивание каната. И вдруг кардиналы пошли на неожиданный шаг — они разом отставили обоих основных претендентов, Ламбруччини и Гицци, и выбрали никому не известного кандидата.

Со всех концов Рима люди спешили к Квиринальскому дворцу. Там, на «балконе благословения», появилась фигура секретаря Святого престола, кардинала Риарио-Сфорца. Обратившись к народу, он произнес традиционную латинскую формулу: «Возвещаю вам великую радость: у нас есть папа». Это значило, что Церковь получила своего двести шестьдесят третьего, если считать от апостола Петра, верховного главу. Весь ритуал до мелочей повторялся с каждым новым папой, из века в век, но в тот день никто не знал, что этот раз — последний, и не будет больше ни пушки в замке Святого Ангела, ни Квиринальского дворца как места заседаний конклава, ни папы как владетельного князя обширного государства, занимавшего пятую часть всей Италии. Впрочем, не стоит забегать вперед.

Имя нового папы вызвало бешеный взрыв ликования. Архиепископ города Имолы кардинал Джованни Мастаи-Ферретти, ставший после избрания Пием IX, слыл вольнодумцем. О нем говорили, что в его доме даже кошки — либералы. Мастаи-Ферретти находился под обаянием демократических настроений, захлестнувших тогда всю Италию. Приближалась революция 1848 года, и многие ее идеологи рассчитывали на папу как на возможный символ национального единения в противовес своекорыстным удельным властителям раздробленной и слабой Италии.

«Пий ты этакий девятый...»
А.К. Толстой

Уже 17 июля Пий IX объявил всеобщую амнистию политзаключенным и эмигрантам Папского государства. Потом последовало ослабление церковной цензуры и разрешение светской прессы. Город Рим получил самоуправление, а в Государственный совет были введены миряне. Каждый четверг папа стал проводить открытую аудиенцию. На улицах восторженные толпы кричали ему: «Доверься народу, святой отец!» В конце концов Пий согласился на провозглашение конституции, и его примеру последовали несколько итальянских суверенов.

Все это весьма не нравилось австрийцам, оккупировавшим северо-восток Италии. Чтобы наказать строптивого Пия, Меттерних захватил принадлежавшую Папскому государству Феррару. Святой престол выразил протест, всколыхнувший всю страну. Когда коалиция итальянских княжеств объявила Австрии войну, Понтифик также послал свою армию на фронт. Казалось, еще одно усилие — и с иноземным владычеством будет покончено.

И тут Пий IX заколебался: какое будущее ожидало папство после победы и возможного объединения Италии? Захотят ли его, наднационального главу католического мира, видеть во главе национального государства? Он отозвал войска и объявил, что ему одинаково дороги все католические нации. Коалиция распалась, австрийцы победили, а в Риме вспыхнула революция против папы ренегата.

24 ноября 1848 года Пий IX, переодевшись в цивильное платье, бежал от своего восставшего народа и семнадцать месяцев пережидал в замке Гаэта, пока революция, бушевавшая по всей Италии, будет подавлена иностранной интервенцией. Начиная с этого момента, он последовательно, в течение тридцати лет предавал анафеме выборы, либерализм, гражданский брак, общества по изучению Библии, светские школы и все остальное, в чем ему чудился дух новшества. Водворенный на свой престол французскими штыками, Пий IX стал для Европы воплощением обскурантизма и реакции, а для Италии — главным врагом объединения. Когда в 1870 году оно все же завершилось, папа до последнего проклинал итальянскую независимость. Он заперся в Ватикане (который с тех пор остался единственным владением пап) и оттуда предавал анафеме короля Виктора-Эммануила, переехавшего в Квиринальский дворец и объявившего его резиденцией итальянских королей. Когда в 1878 году Пий IX скончался, став самым долгоправящим Понтификом в истории, его гроб забросали камнями и чуть не скинули в Тибр.

Так проходит слава мира сего. ■

Культурный культ

Арт-галереи принадлежат коллежским асессорам

Ксения Богемская

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СВИСТ

Коллежский асессор Ковалев проснулся довольно рано и, как известно, обнаружил, что у него вместо носа совершенно гладкое место. Современный писатель-постмодернист начал бы свою повесть иначе: художественный критик Ковалев посмотрел в свою записную книжку и обнаружил, что там не значится никаких вернисажей!

Если в период тоталитарного социализма расцвет искусства призваны были подтверждать выставки самодеятельного творчества, то витриной арт-расцвета стали самостийно возникшие галереи. Здесь что ни день — праздник свободных предпринимателей и свободных художников в отдельно взятой стране. А если бы вместо них — да совершенно гладкое место?

Галереи должны быть. Они подтверждают, что у нас все как у всех. Социологи традиционно спрашивают: сколько раз в год вы ходите в театр? Большинство отвечает: ни разу. Но это большинство почувствовало бы себя обделенным, если бы театры закрыли. Новое общество должно потреблять искусство так, как это принято во всем цивилизованном мире.

В галерее частный человек реализует свои амбиции по приобщению к художественному опыту. Он имеет возможность не только присутствовать в храме искусства, созерцать и благоговеть, но и принести частицу подлинных художественных «мощей» в собственный домашний реликварий. Посредством приобретенного в собственность произведения обыватель вступает в контакт с его создателем, который «свят» благодаря своей принадлежности к художественному миру. Личная коллекция становится средством коммуникации с высшими силами, а галереи осуществляют двустороннюю связь. Реальную же потребность в современном искусстве испытывает ничтожно малая часть общества.

Поэтому афиша галерейных выставок во многих газетах, подобно рекламе коттеджей и «мерседесов», помогает формированию представлений о том, каков должен быть уровень процветания общества и отдельного человека. Механизм воздействия горстки маленьких галерей на жизнь огромного российского социума построен на демонстративности их присутствия в информационном пространстве, а не на реальном существовании арт-рынка. Осмелюсь кощунственно предположить, что галереи даже не отражают действительного состояния дел в современном искусстве.

Фантасмагория приключений арта в сегодняшней общественной жизни — это повесть о знаках и символах, обретших свободу и самоценность в культурном обращении.

«Есть два человека, которые известны, — Горбачев и Ельцин. А все остальные — коты в мешке».

Михаил Горбачев

«...И волки будут сыты, то есть наши социальные программы, и овца — Центральный банк, с которого мы хотим сейчас спустить шкуру с помощью коммунистической фракции».
Владимир Брынцалов

«...Клинтон, ведя свою предвыборную кампанию, заимствует некоторые слова из программы Зюганова».
Татьяна Корягина

«Да, люди щиплют, общипывают газоны руками, но не для того, чтобы эту траву есть, а для того, чтобы, как говорится, вечная аккуратность корейцев была продемонстрирована... А то, что они травоядные, мы давно знаем».
Геннадий Селезнев

О планах на будущее «...Учителя нам дороги. Учителя — это святое дело. Я сам на пенсию пойду и, видимо, тоже буду учителем в школе».
Владимир Жириновский

ВСЕ ФЛАГИ БУДУТ В ГОСТИ К НАМ!

В Башкирии: «...Когда выйду на пенсию, я тоже в деревню уеду».
Борис Ельцин

С заседания московского правительства: «Ведь это ваши, господин главный архитектор, дурацкие инструкции! Это вы превратили Москву в ублюдок с иероглифами и отсутствующими русскими названиями!»
Юрий Лужков

«Я иду на выборы сам по себе, как кот».
Александр Лебедь

«Какие люди! Бабурин, Тулеев, Варенников! Вот где силища!! Вот где мощь нации!!! С нами Дмитрий Донской, с нами Сергей Радонежский! С нами Стенька Разин! Пушкин и Лермонтов!.. С нами Ленин, с нами Сталин!»
Виктор Анпилов

«Ребята будут иметь возможность бесплатно пообщаться с гориллами, слонами».
Юрий Лужков

Слушал и записывал **Григорий Крошин**

Воля ваша

Свобода продать себя в рабство — это тоже свобода

С ТЕХ ПОР КАК НАС ОТПУСТИЛИ, СЛУЧИЛОСЬ СТОЛЬКО ВСЕГО, ЧТО ТЕПЕРЬ очень трудно толком вспомнить хотя бы самое важное. Мы тут, например, всей редакцией ухитрились запутаться даже в спорах о том, сколько, собственно, лет прожили на свободе. Большинство из нас принимает за точку отсчета все-таки август 1991-го. Чисто субъективно мне тоже кажется, что испытанные тогда ощущения изумительной легкости, ясности и собственной правоты — это как раз и есть то абсолютное счастье, которое, должно быть, охватывает человека, выходящего из тюрьмы на волю.

Впрочем, составители строгих хроник — люди не столь сентиментальные, и август 91-го для них ориентир неудобный. Неточный. В самом деле, одни будут утверждать, что свобода была обретена Россией в тот вечер, когда на шее Дзержинского завязали железный трос и тащили памятник краном с постамента. А другие убеждены, будто перелом случился еще тремя днями раньше, когда в телевизоре стало ясно видно, что главный мятежник при большом стечении мировой прессы совершенно запутался в собственных соплях.

С корректных юридических позиций, конечно, правильнее всего отсчитывать историю новой России от официальной даты принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР в июне 1990-го. Получается шесть лет. Политик-практик возразит: мол, едва наберется четыре с половиной — и предложит рассматривать в качестве поворотного момента истории роспуск СССР и обретение Российской Федерацией реально независимого статуса в декабре 1991-го.

Давайте совершим волевое усилие и наконец уже на чем-нибудь остановимся. Скажем — пять лет. Срок действия первого мандата, врученного Россией своему первому президенту. Время, на которое мы доверили свою судьбу воле одного из нас — нами же выбранного, свободно и осознанно. Впервые в истории этой страны верховная власть родилась как будто бы из ничего, из бумажного мусора, из груды исчерканных бюллетеней. На самом деле мы просто «скинулись» по чуть-чуть нашей свободы на президента, мы все поделились с ним. Это как минимум доказывает, что нам было чем делиться.

Весь вопрос в том, на что Борис Ельцин употребил свободу, которую мы ему одолжили.

Теперь следовало бы, вероятно, применить классический метод. Отыскать программу кандидата Ельцина образца 1991 года и подвергнуть ее придирчивому анализу. В современной Европе и Америке стало принято объяснять политические события в рациональных терминах коммерции, приравнивая процедуру избрания главы государства к заключению «контракта между президентом и нацией». Пять лет назад это было еще не модно. Но все же не попытаться ли задним числом реконструировать тот давний «подряд», взятый первым президентом России на управление страной?..

Я пробовал. Получается полная чушь. У Бориса Ельцина тогда не было никакой программы — были обрывки разнородных манифестов, набор кое-как прилаженных друг к другу стандартных риторических оборотов, отшлифованных в бесконечных стычках с Горбачевым, союзным правительством и легендарным «агрессивно-послушным большинством» советского парламента.

Наиболее полным считается изложение намерений кандидата Ельцина, прозвучавшее в его выступлении перед активистами демократического движения в кинотеатре «Октябрь» 1 июня 1991 года.

«Установить контроль над эмиссией денег...» «Отстаивать одноканальную систему налогов...» «При формировании союзного бюджета добиваться рассекречивания всех его статей...» «Передать Союзу всего три функции — МО, МПС и энергетику...»

Хватит или продолжить? Там еще навалом таких шедевров политического антиквариата.

Все объясняется потрясающе просто: Борис Ельцин был убежден, что одной этой битвы с Союзом не на жизнь, а на смерть будет достаточно, чтобы наполнить смыслом пять лет его президентского правления целиком — с первого до последнего дня. И еще на второй срок останется. Он готовился травить коммунистического зверя, как кровяная гончая, до полного его измождения.

А не хватило и на один зуб. Союз — вместе с коммунизмом — сдох через полтора месяца. И ровно через полгода — не истекло и десятой части ельцинского президентства — великий и ужасный Горбачев уже тихо сидел в своем Фонде на дальнем конце Ленинградского проспекта.

Борис Ельцин вдруг остался один на один со страной. И с нами. И с нашей свободой. И выяснилось, что предстоит уже не ломать что бы то ни было, а нечто такое строить. В общем, нужно было по ходу дела решить, на что потратить четыре с половиной года, которые были еще впереди.

По существу, они ушли у Ельцина и всей его администрации (точнее, конечно, череды последовательно сменявших друг друга администраций, команд и группировок) на то, чтобы удержаться у власти до конца срока. В конечном итоге к этой борьбе за сохранение всей полноты президентских полномочий и прерогатив можно свести любую политическую, экономическую или идеологическую акцию Кремля, предпринятую им «за отчетный период». Речь вовсе не только о ситуациях, в которых борьба за власть принимала открытые, «горячие» формы, — о референдуме 1993 года, о подавлении октябрьского мятежа или о чеченской войне. Подчиненными той же неумолимой логике окажутся всякое административное решение, всякий декрет, всякое назначение, всякая законодательная инициатива — самого что ни на есть локального, рутинного характера.

Это логика самосохранения власти. И — как ни парадоксально на первый взгляд — логика демократии.

Признаем, что постулат о высшей миссии президента как гаранта стабильности конституционного строя действительно содержит в себе какую-то первичную ценность. Значит, придется согласиться и с тем, что на практике всенародно избранный глава государства берет на себя только три самых общих, универсальных, базовых обязательства: принять из рук граждан законно вверяемую ему власть; удержать ее на протяжении всего отмеренного законом срока; и в установленный законом момент передать ее законно же избранному преемнику.

Все остальное — не более чем формы, в которые конкретный президент облекает исполнение этого своего долга. И не более чем обстоятельства, в которых предлагает ему исполнить этот долг история.

Такова, видимо, основа демократической системы, справедливее и гуманнее которой, как не устают повторять любители банальностей, человечество пока ничего не придумало. И в рамках ее тягчайшим из преступлений президента стала бы попытка остановить этот метроном, сбить тяжкий ритм смены избранников, получающих взаймы частицу народной свободы. Чем бы такой сбой ни объяснялся, как бы изощренно ни был замаскирован, заболтан, он сам по себе означает просто-напросто, что президент присваивает эту свободу и в ту же минуту перерождается в узурпатора.

В минувшее воскресенье срок президентского мандата Бориса Ельцина истек. Сам факт состоявшегося голосования должен свидетельствовать о том, что третье, тяжелейшее из испытаний, выдержано первым президентом России. Это было испытание нашей свободой. Той самой, которой каждый из нас был вправе снова ссудить одного из кандидатов. На строгих условиях возврата.

Впрочем, многие предпочли отдать ее навсегда. Что ж, воля ваша, и свобода продать себя в рабство — это тоже свобода. Частное исключение из универсального правила. Только и всего.

Пять лет без права переписки

ВЦИОМ

В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ, КОГДА СТАЛО ЯСНО, что Советский Союз уходит в небытие, Всероссийский центр изучения общественного мнения подготовил книгу «Простой советский человек», в которой попытался осмыслить, что же представлял собой наш соотечественник. С тех пор прошло пять лет, появилась независимая Россия. Видимо, изменились и мы с вами. Но как?

Пять лет назад мы, если вы еще об этом помните, требовали от власти прежде всего покончить с коммунистической идеологией, устранить дефицит товаров и услуг, создать условия для демократического развития общества и возродить национальное самосознание. В мае же 1996 года от президента (то есть все от той же власти) мы требовали следующего:

— покончить с войной в Чечне — 59,7%;
— обеспечить укрепление законности и порядка — 53,6%;
— вернуть России статус великой и уважаемой державы — 43,1%;
— обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей — 36,4%;
— вернуть простым людям средства, которые были ими утеряны в ходе реформ, — 36,0%;
— продолжить реформы, но с большим вниманием к социальной защите населения — 30,6%;
— усилить роль государства в экономике — 24,6%;
— проводить курс на воссоединение бывших республик СССР — 12,1%;
— удержать Россию на пути реформ — 11,1%;
— продолжать курс на сближение со странами Запада — 8,1%.

Любопытно, что на прямой вопрос — продолжать или не продолжать реформы — 40 процентов отвечают утвердительно. По всей видимости, у большинства граждан эмоциональная реакция не совпадает с рациональным осмыслением происходящего.

Пять лет назад мы явно были бо́льшими коллективистами, сегодня рассчитываем в основном на себя. Во всяком случае, 60 процентов граждан думают именно так. Довольно неожиданно выяснилось, что мы очень полюбили работать.

В 1989 году каждый второй из нас считал,что «работа — дело важное, но есть вещи, занимающие гораздо больше, чем работа». Сейчас так отвечают всего 18 процентов респондентов. Тогда же только 25 процентов из нас работали исключительно из-за денег, сейчас таких — 63 процента. И только 10 процентов работают потому, что им нравится то, чем они занимаются, независимо от оплаты.

Считается, что наше время хорошо для молодых людей. Но в 1989 году молодых людей, довольных своей работой, было в полтора раза больше, чем в 1995-м: 33 процента против 20. Число же недовольных несколько выросло — с 27 процентов до 33. При этом стоит заметить, что пик недовольства своей работой среди людей до 30 лет был в 1991 году — 37 процентов.

Граждане России любят предпринимательскую деятельность, но странною любовью. Например, ответы на вопросы: «Кто, по-вашему, реально владеет вашим предприятием после его приватизации?» и «Кого бы вы хотели видеть владельцем вашего предприятия?» выглядят следующим образом. Трудовой коллектив и собрание акционеров, состоящее из работников предприятия, кажутся идеальными владельцами 60 процентам опрошенных. Частный хозяин симпатичен только 5 процентам, а сохранение прежней администрации «улыбается» 11 процентам. В то же время каждый четвертый работник госсектора мечтает уйти в частный. В центральных городах уже до 20 процентов работников занято в частном бизнесе.

Пять-шесть лет назад наши ценности располагались в следующей иерархии:	Сейчас иерархия иная:
семья	**семья**
коллектив	**собственные интересы**
интересная работа	**деньги**

В целом 25 процентов из нас приспособились к этой жизни, 28 процентов — нет. Остальные молчат. Бунтовать же никто не хочет.

Вопрос же о результатах реформ и прежде всего приватизации вызывает недоумение у 80 процентов россиян, которые не могут четко сказать, что же они выиграли от нее. Правда, целых 5 (пять!) процентов респондентов отмечают положительные изменения в результате приватизации.

Среди молодежи несколько иная картина. Твердое большинство — 60 процентов — за частный бизнес.

В целом же за пять лет число людей, полагающих, что рыночная система лучше государственной, уменьшилось — с 45 процентов до 35. Предпочитающих же планирование стало в полтора раза больше: вместо 27 процентов — 42.

Весьма интересен вопрос о том, кто мы такие в наших представлениях. Понятно, что в 1989 году мы все были советскими. Сейчас мы уже не советские, мы россияне. Но ясно понимают это не все.

Так, среди молодых людей 56 процентов твердо считают себя россиянами, а целых 11 процентов так же твердо полагают, что они все еще советские люди.

В сознании старшего и среднего поколения пока царит хаос. Около 70 процентов (старшие более ответственны) чувствуют себя россиянами. Но одновременно 40—45 процентов из них ощущают себя советскими. Это довольно интересное пограничное состояние, свидетельствующее о серьезном душевном разладе у миллионов наших сограждан.

Материалы подготовлены **Валерией Михалюк**

Странный взрыв

Несколько политических заявлений и недоумение как результат теракта в московском метро

Михаил Коровкин

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Террористические акции, подобные взрыву в московском метро во вторник 11 июня, крайне тяжело расследовать. Это вам скажет любой мало-мальски опытный профессионал, причастный к борьбе с терроризмом. Если идея именно таким образом добиться своего возникла в результате, что называется, «преступного сговора группы лиц», у оперативников, как правило, есть шанс какими-то путями выйти на эту организацию. Если же за дело взялся фанатик-одиночка или маньяк (что, в сущности, одно и то же), сотрудникам органов остается лишь уповать на его собственный хвастливый язык и иную грубую ошибку.

Однажды органам удалось арестовать и расстрелять трех бандитов. И даже очень быстро. Случилось это после взрыва бомбы на станции метро «Курская» в 1977 году.

За двадцать лет после того громкого дела бомбы не раз еще взрывались, и не только в метро. Но ни один из этих случаев не был раскрыт. Преступники не осуждены. И потому убийство четырех ни в чем не повинных людей скорее всего останется безнаказанным.

Возможно, кто-то ожидал, что в течение суток кто-нибудь возьмет на себя ответственность за теракт — во всяком случае так обычно поступают террористы. В Ирландии, к примеру, или на Ближнем Востоке. Но здесь — Россия. И никаких признаний нам не дождаться.

Создается впечатление, что у следствия фактически нет ни одной ниточки, способной привести к преступнику.

Кто бы ни был московский «бомбер» («бомберы»), какую бы цель перед собой ни ставил, он добился вполне предсказуемых в нынешней ситуации заявлений политиков и должностных лиц — и только.

Контрразведчики мялись-мялись, но в конце концов признали, что имел место «теракт политического характера». По словам и. о. начальника ЦОС ФСБ Александра Здановича, на мысль об этом наводит «время совершения преступления» — накануне Дня независимости и в преддверии выборов, «характер взрывного устройства и место его установления в вагоне поезда, направленные на поражение наибольшего числа пассажиров».

«Дикая, варварская акция в канун выборов направлена на дестабилизацию ситуации в столице, на создание атмосферы неуверенности и страха в России», — говорилось в появившейся чуть позднее телеграмме Бориса Ельцина жителям Москвы.

Мэр Лужков — известный «дипломат» — был, естественно, более резок. Он призвал правоохранительные органы к решительным действиям: «Те, кто совершает дикие, необузданные, звериные злодеяния, должны выявляться и уничтожаться, как звери». Кроме того, сказал городской голова, «те, кто не хочет выборов или сомневается в их результате, в самой возможности достичь своих политических целей, стремятся обострить обстановку и сорвать выборы».

ЗНАК БЕДЫ — УСТАЛЫЕ ПОЖАРНЫЕ И СПАСАТЕЛИ

С Лужковым не согласился лидер компартии Геннадий Зюганов. Подобные заявления, по его убеждению, можно делать только после расследования обстоятельств трагедии. Сам же глава КПРФ расценил взрыв как «проявление политического беспредела» последних лет, ярким образцом которого является война в Чечне.

Председатель думского Комитета по безопасности Виктор Илюхин высказался гораздо определеннее. Случившееся, считает он, может быть использовано президентом России как повод для «начала репрессий против оппозиции». По словам Илюхина, «среди множества версий случившегося нельзя не учитывать противоречия в группировках даже внутри правительственного клана». Поэтому основной версией, сказал депутат, «должен быть не «чеченский след», хотя и его нельзя исключать, а попытки дестабилизировать обстановку в стране».

И московские чеченцы — тут как тут. Взрыв устроили «те, кто потерял надежду на успешный для себя исход выборов президента РФ», — говорится в их заявлении.

Иными словами, политики сделали, а вернее, сказали то, чего от них прежде всего ожидали. Более того, публика и журналисты, успевшие изучить предвыборную аргументацию, смогли бы, наверное, и без самих политиков сформулировать их оценки и выводы.

Взрыв — странный. Допустим, все, чем располагали террористы, — это те самые 300 — 400 граммов тротила, хотя и это, как говорится, «сумма» немалая. Допустим даже, что у них не нашлось гвоздей или, на худой конец, стальной проволоки, чтобы как-то усилить поражающий эффект (как в случае с Шанцевым). Не было радиоуправляемого взрывателя — правда, в метро от него толку мало. Приладили «будильник». Значит, должны были рассчитать время. Поездить с секундомером по «серой» Серпуховской линии, где задержек в движении поездов в среднем бывает чуть больше, чем на других линиях, а составы ходят в среднем чуть реже. Затем с немалым риском пронести бомбу на территорию метрополитена, выбрать момент закладки, с еще большим риском ее произвести. И все для того, чтобы взрыв произошел на «Тульской»? Почему не на «Театральной» — в самом центре столицы, или, как в 1977-м, на «Курской», где в любой час дня народу полно? Почему в начале десятого вечера, а не в начале десятого утра?

Можно предположить, что взрыв — только демонстрация. Но это же все равно что, подвергшись в темном переулке нападению бандита и имея в руке исправный и заряженный пистолет, не выстрелить на поражение, а пытаться ткнуть этого бандита стволом в глаз, причем обязательно правый. Зачем тогда вообще устраивать взрыв в метро?

Возможно, происшедшее на «Тульской» — часть сложной, масштабной, изощренной провокации. Какую цель преследовали организаторы чудовищной акции? Да и кто они — организаторы? Вряд ли это когда-нибудь станет известно. Может быть, взрыв — дело рук одиночки, каким-то образом связанного именно с этим районом Москвы. Но тогда мотивация его действий лежит, скорее, в сфере компетенции психиатров.

Как бы там ни было — недели две граждане будут спускаться под своды метро с опаской, внимательно приглядываясь к чужим сумкам. Милиция чаще станет прохаживаться по вагонам. Потом всё забудется. До следующего взрыва. Лекарство от терроризма лежит совсем в другой тумбочке. ■

Чеченский бумеранг

Доку Завгаев, которого до недавнего времени Москва считала абсолютно управляемым, сегодня может свести на нет все попытки Кремля установить мир в Чечне

Григорий Воскобойников

ПРОВОКАЦИЯ

Вступив в переговоры с чеченскими оппозиционерами, Кремль, похоже, на это раз учел все — неуступчивость сепаратистов, нежелание отдельных полевых командиров подчиняться Яндарбиеву и тем более замиряться с Россией, возможные вылазки мстителей-одиночек, настроения федералов. Позабыли лишь об одном — об амбициях бывшего председателя ВС Чечено-Ингушетии Доку Завгаева. Не учли, что власть, даже если она эфемерна, никто просто так не отдает. И действительно — Завгаев пошел ва-банк.

Наместник

Завгаев вернулся в Чечню осенью прошлого года. Он не скрывал, что является ставленником Москвы, но выставлял себя как фигуру в республике весьма авторитетную. Ему вторили аналитики из администрации президента, которые утверждали, что рейтинг бывшего главы республики никак не ниже дудаевского. Гипотетический авторитет решили подкрепить народным волеизъявлением, дабы наместник стал легитимным.

Но тут грянули президентские выборы. Борису Ельцину требовался прорыв в решении чеченской проблемы. И прорыв произошел. Следом за московской встречей и стремительным визитом президента на Кавказ начались переговоры. В общей сложности они длились неделю и оказались не в пример более результативными, чем прошлогодние в Грозном, тянувшиеся больше месяца.

До конца августа из Чечни будут выведены федеральные войска, до 7 июля будут сняты блок-посты и снята осада населенных пунктов. В свою очередь оппозиция берет на себя обязательства в те же сроки провести демилитаризацию, а говоря проще — разоружение. «Конечно, все население разоружить нереально, — признал по возвращении в Москву глава российской делегации Вячеслав Михайлов, — но должны быть разоружены основные незаконные вооруженные формирования». Одновременно будет производиться поэтапный обмен пленными, численность которых с каждой стороны достигает тысячи человек.

И без того тяжелые переговоры постоянно осложнялись спорадическими стычками и терактами в Чечне. Но не по вине ельцинской или яндарбиевской команды диалог то и дело оказывался на грани срыва. Масла в огонь подливал своими заявлениями Доку Завгаев: дескать, переговоры в Москве могли состояться только с его ведома и согласия, а встреча в Назрани вообще бессмысленна, поскольку «эти люди никого не представляют». После каждого такого высказывания членам российской делегации стоило большого труда удержать чеченцев за столом переговоров. «Лучше было бы меньше таких заявлений, а жесткость лучше проявлять в другом», — так прокоментировал Михайлов слова Завгаева.

Однако от слов официальный Грозный, похоже, перешел к делу. Стоило возвращающейся из Назрани колонне с чеченской делегацией, дипломатами ОБСЕ и журналистами пересечь границу Чечни, как на дороге начали рваться мины. Грозный, словно не замечая взрывов, старательно цитировал представителя Генштаба Андрея Иванова, который заявил в Москве, что из колонны с делегацией сепаратистов был обстрелян российский вертолет. Свидетели отмечают, что вертолет, который должен был сопровождать и охранять делегацию, появился как раз после первого взрыва, отчего могло создаться впечатление, что это он обстрелял колонну. Представитель оппозиции Мовлади Удугов обвинил в этой провокации Олега Лобова и Доку Завгаева. В ответ прозвучали обвинения в преднамеренном распространении провокационных заявлений. Тем не менее очевидно, что сами себя оппозиционеры взрывать не станут. А противоречия, которые есть в их рядах, не столь существенны, чтобы перерасти в вооруженное противостояние.

Последний оплот

Пожалуй, главной причиной активного противодействия переговорам со стороны «всенародно избранного» чеченского лидера стала готовность федеральных властей пойти навстречу требованиям сепаратистов о переносе даты выборов в Народное собрание республики. У оппозиции в случае переноса будет достаточно времени, чтобы утвердить свой законный статус и фактически вернуть власть, в сильной степени утраченную с началом войны — на сей раз уже с одобрения Москвы. Завгаеву вряд ли найдется место в новом руководстве.

Вячеслав Михайлов, долго не желавший или не имевший полномочий обсуждать тему выборов, в конце концов выдвинул в Назрани формулу — «выборы органов власти Чеченской Республики — внутреннее дело субъекта Федерации». Оппозиционерам он предложил «разговаривать напрямую» с Завгаевым, а официальному Грозному — «сделать мужественный шаг и не обманывать друг друга». Заместитель Михайлова Сергей Степашин признал на пресс-конференции в Москве, что проведение выборов «может сильно осложнить ситуацию», и при этом уверил журналистов, что никто на Завгаева давить не будет. Здесь он слукавил.

По словам одного из членов делегации, пока шли переговоры, Михайлов и Степашин трижды встречались с Завгаевым, пытаясь убедить его в необходимости переноса выборов. Разговоры велись на повышенных тонах, поскольку чеченский лидер не желал слушать никаких доводов.

Неожиданно сторону российской делегации заняли представители Завгаева на переговорах в Назрани. Председатель Верховного совета Чечни Амин Осмаев убеждал чеченского лидера, что проведение выборов 16 июня поставит крест на мирном процессе. Осмаев это, видимо, хорошо понял во время трехчасовой встречи, которую официальные чеченские представители провели с оппозиционерами. Глава Чечни оставался непреклонен. «Он просто струсил» — таково мнение почти всех членов российской делегации.

Выборы Грозный решил проводить все-таки 16 июня, поскольку их перенос, по словам Завгаева, «означал бы поражение перед сепаратистами». Однако это решение было принято не на заседании Верховного совета, а на совместном совещании правительства, руководства ВС, глав администраций и кандидатов в члены Народного собрания. Впрочем, большинство чиновников правительства и администраций сами баллотируются в этот законодательный орган, так что иного решения от них едва ли можно было ожидать. И потому предложение заседавшего 11 июня президиума ВС Чечни отложить выборы просто проигнорировали.

Очевидно, что, настаивая на выборах, Доку Гапурович сознательно провоцирует сепаратистов. Его цель — торпедировать мирный процесс. Завгаеву нужен новый кризис, тогда Москве опять понадобится Завгаев — этот «рупор воли чеченского народа». ■

Кто будет президентом, решит глубинка

Провинция прислушивается к своему лидеру, но не всегда его слушается

Дмитрий Бороденков

РЕГИОНЫ

Когда речь заходит о сюрпризах выборов, имеют в виду прежде всего регионы. Как и прежде, настроение в небольших городах зависит от настроения их руководства. И не только потому, что у глав администраций, губернаторов — деньги, практически неограниченные возможности воздействия на местную прессу, телевидение. Есть еще и российская традиция провинциальной жизни, когда мнение местного руководителя принимается как директива.

Ассоциация региональных организаций Демократической партии России «В поддержку Бориса Ельцина» совместно с агентством «Регион-Информ» провела исследование в 78 из 89 субъектов Федерации и выяснила, что 48 глав местных администраций — «твердые» ельцинисты; 18 — «мягкие», то есть в целом поддерживают президента, но не принимают активного участия в его кампании; 11 — те, позиция которых окончательно не ясна, но есть вероятность, что она прозюгановская. «Твердого» зюгановца удалось выявить лишь одного — это губернатор Тамбовской области Александр Рябов. Не станем пренебрегать тем фактом, что опрос проводился в разгар предвыборной борьбы. Далеко не всякий руководитель способен открыто заявить о своей оппозиции действующему президенту.

Связывая переход губернаторов на сторону Ельцина с ростом его рейтинга, директор «Регион-Информ» Владимир Жарихин делает вывод: в случае неудачного для президента исхода первого тура местные элиты от него отвернутся.

Но скорее всего на финишной прямой руководители регионов от своего кандитата не отвернутся. Выбор сделан ими до 16 июня. Поддерживая того или иного претендента, эти люди уже связали себя с ним накрепко. Во всяком случае, ясно, что свои посты они сохранят, лишь если на выборах победит кандидат, за которого они агитировали. Ни Ельцин, ни Зюганов в случае победы не потерпят на руководящих постах приверженцев соперника. Так что «переход на три недели» до второго тура в противоположный стан маловероятен. Он — бессмыслен.

Красные порозовели

Регионы «красного пояса», очевидно, останутся оплотом Зюганова, хотя и не таким прочным, как ему бы хотелось. Сегодня коммунисты могут быть совершенно уверены в безоговорочной любви к красному цвету лишь одной области — Тамбовской. Что касается других привычно красных регионов, то со времени последних выборов в Думу в них произошли серьезные изменения.

К примеру, Тверь. При губернаторе Суслове на думских выборах 1995 года КПРФ действительно набрала здесь в три с половиной раза больше голосов, чем НДР. Однако в начале 1996 года губернатором стал Владимир Платов, который привел к власти новую команду. Два заместителя губернатора — предприниматели. Однако первый заместитель Платова — бывший секретарь обкома компартии, а в случае победы Зюганова — скорее всего и будущий. Присутствие коммунистов в аппарате, очевидно, вызвало колебания губернатора — кого из кандидатов в президенты поддержать. Нерешительность губернатора, естественно, передалась и местным СМИ, о позиции региона в целом и администрации в частности в марте-апреле писалось весьма осторожно и скупо. И все-таки месяц назад глава местной администрации уверенно заявил, что будет поддерживать на выборах Ельцина. С тех пор ведет активную пропаганду президента. За ним — и газеты. Это дает результаты. В Твери, по последним социологическим исследованиям, популярность Бориса Ельцина выросла.

В Воронежской области дела коммунистов тоже не так хороши, как им бы хотелось. Хотя в целом КПРФ там популярна.

Полномочный представитель президента в области Борис Кузнецов еще в апреле обратился к районным руководителям с такими словами: «Вы хоть и являетесь главами местных самоуправлений, но не забывайте, кто вас кормит. Вы по-прежнему остались в вертикали исполнительной власти и будьте добры эту власть уважать. Если против существующего государства — уходите. На двух стульях сидеть нельзя».

Вскоре в местной газете появилась статья о том, что руководитель одного из районов ушел в неоплачиваемый отпуск, чтобы вести пропаганду Геннадия Зюганова.

Администрация Воронежской области приняла сторону президента, как говорится, со слезами на глазах и уныло принялась агитировать. Сам губернатор возглавил областной штаб избирательной кампании Ельцина и заявил, что если к власти придет Зюганов, он уйдет с поста губернатора, поскольку тогда «не будет морального права поступить иначе». И в самом деле иначе ему поступить не дадут.

Как считают специалисты Института географии РАН, Ингушетия, Тува, Мордовия, Башкирия, Дагестан занимают в целом пропрезидентскую позицию вовсе не потому, что согласны с проводимыми реформами. А потому, что в этих регионах исключительно сильны роль и влияние глав местных администраций. «Начальник лучше знает, за кого голосовать», — это спасительное провинциальное убеждение может сослужить Ельцину хорошую службу. До поры.

Трансформации

Особый интерес представляют регионы, которые не считаются оплотом ни реформаторов, ни коммунистов.

Волгоградская область, например, в декабре 1995-го дружно выступила за КПРФ, к тому же избрала в собственную городскую Думу чуть ли не одних коммунистов. Перед нынешними выборами картина иная: в конце мая — начале июня по опросу, проведенному Волгоградской академией государственной службы, в первом туре за Ельцина собирались голосовать 29% (за Зюганова — 20%), а во втором — 40 против 24 соответственно.

Волгоградский губернатор Иван Шабунин решительно выступил в поддержку курса реформ. Городская администрация была далека от политики. Но мэр Волгограда Юрий Чехов также выступил в поддержку президента Ельцина. Правда, у мэра-демократа возникли проблемы с коммунистической гордумой, но они решаются на фоне улучшающейся экономической обстановки. В Волгограде меньше экономических проблем, чем в «чисто красных» регионах. За 1995-1996 годы выросли доходы населения, намечаются некоторые сдвиги с неплатежами (удачно проведен областной заем), спад производства замедлился, недавно был создан специальный совет по поддержке предпринимательства — и Волгоград сильно качнулся вправо.

Подобная закономерность очевидна. По итогам предварительных выборов, проведенных, например, в экономически и социально благополучном Нижнем Новгороде (участвовало около 3000 человек), во втором туре Ельцина были готовы поддержать 44,3%, тогда как Зюганова — 41,7.

Но никакие прогнозы не бывают точными. Российская глубинка лукава и переменчива. И единственное, что ей доподлинно известно, — начальники имеют обыкновение пристраиваться к теплым местам при любой власти. ■

В РОССИИ

Гусеницы истории

Хронология российских кризисов

Петр Журавлев

ХРОНИКА

«Кризис (от греч. krisis — решение, поворотный пункт, исход) 1) резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние. 2) Острое затруднение с чем-либо, тяжелое положение». Советский энциклопедический словарь, М., 1984, стр. 653

Определение кризиса как «тяжелого положения» вряд ли подходит для темы этого материала — тогда уж надо описывать всю историю страны последних пяти лет. Что до политической истории России за тот же срок, то из обострений, «переломов» она состоит больше чем на половину.

Выделим хотя бы главные эпизоды. С первым из них связано утверждение России как независимого государства.

Куда посылают русские люди

20 августа 1991 года в Кремле должен был быть подписан «ново-огаревский» Союзный договор. Текст своей речи по этому случаю президент СССР Михаил Горбачев готовил у себя на даче в Форосе (объект «Заря»), заказав самолет для вылета в Москву на 19 августа.

В 16.50 18 августа Горбачев обнаружил, что все телефонные линии на даче отключены. Одновременно у дверей его кабинета появилась «группа товарищей», ведомая Олегом Баклановым, членом тогда еще не известного широкой публике Государственного комитета по чрезвычайному положению. Президенту предъявили ультиматум: или указ о чрезвычайном положении, или передача полномочий вице-президенту. «Ультиматум их я отверг... А в конце разговора я послал их туда, куда в подобных случаях посылают русские люди», — напишет Горбачев в своей книге «Августовский путч».

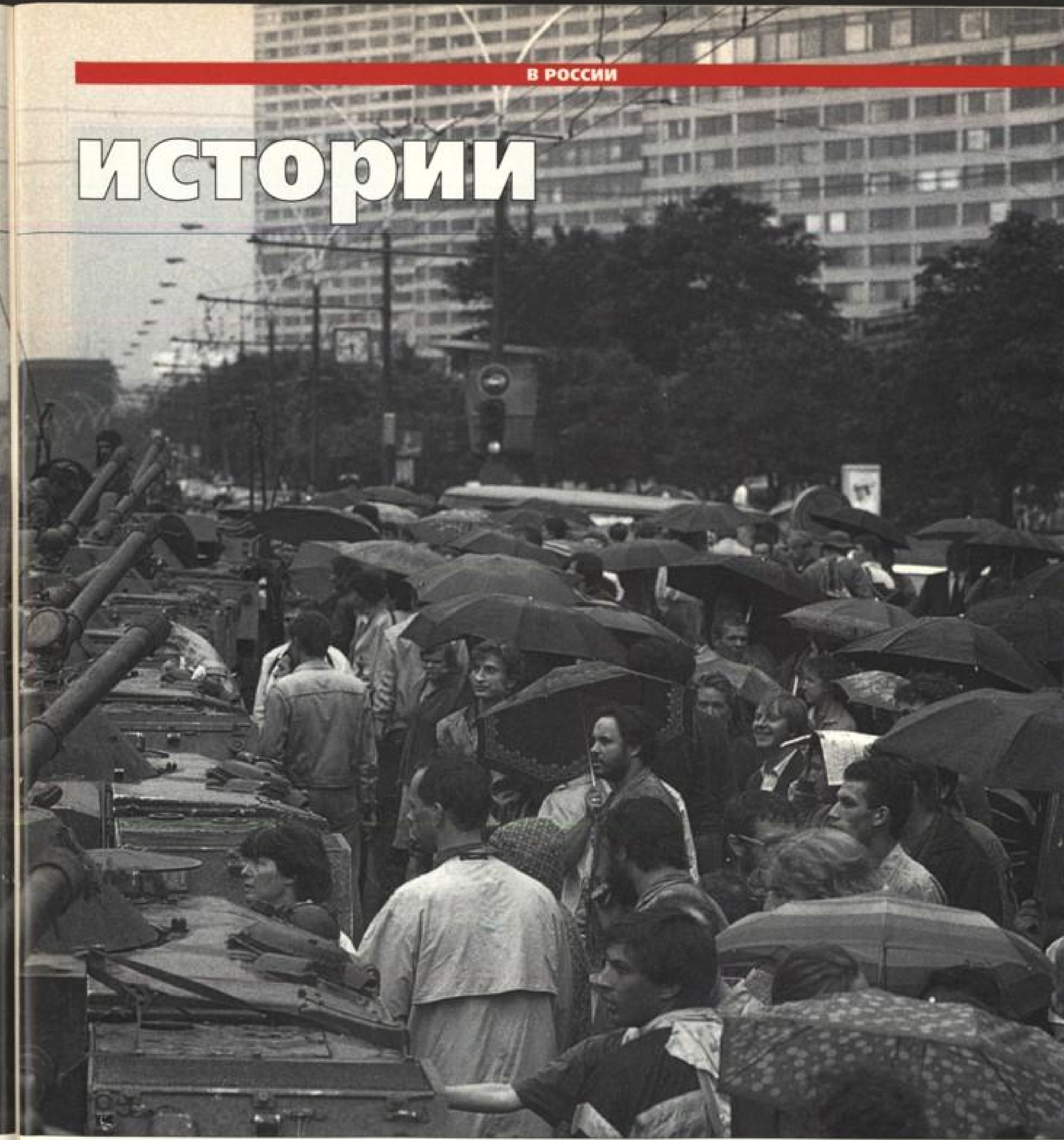
В 4 утра в понедельник 19 августа взлетная полоса аэродрома в Бельбеке, где находились президентские «Ту-134» и «Ми-8», была перекрыта двумя тягачами, а сама «Заря» блокирована севастопольским полком КГБ. На рейд к востоку от мыса Форос было выведено до 16 кораблей и катеров. Вечером горбачевский «Ту» с «ядерной кнопкой» вылетел в Москву. Первая фаза того, что почти всеми сразу стало квалифицироваться как государственный переворот, была завершена. С Горбачевым остались жена, дочь, зять, внучка и 32 телохранителя, решивших до конца исполнить свой долг. В Москву все они вернутся в ночь на 22 августа.

Со второй — и решающей — фазой у ГКЧП (вице-президент Геннадий Янаев, председатель правительства Валентин Павлов, председатель КГБ Владимир Крючков, министр внутренних дел Борис Пуго, министр обороны Дмитрий Язов, председатель Крестьянского союза Василий Стародубцев, член Совета обороны Олег Бакланов, вице-президент Научно-промышленного союза Александр Тизяков) ничего в результате не получилось.

С 6 утра 19 августа начал вещание общесоюзный телеканал, раз в час передававший «пакет» документов ГКЧП о «болезни» президента Горбачева и чрезвычайном положении «на части территории» страны. К 9 часам, когда в центре Москвы появились танки и БТРы, на даче Бориса Ельцина в Архангельском был составлен текст обращения «К гражданам России» с призывом ко всеобщей бессрочной забастовке. Появилось постановление правительства РСФСР «О незаконном введении чрезвычайного положения». В 12.10 — указ президента Ельцина о признании ГКЧП неконституционным.

В это время танки Таманской и бронемашины Тульской дивизий ВДВ брали в кольцо Белый дом. В 13.30 «таманцы» заняли Центральный телеграф. Ближе к вечеру с Манежной площади был вытеснен митинг, длившийся с утра. В 17.30 Ельцин подписал указ о «правительстве в изгнании» во главе с Олегом Лобовым, которое в тот же день вылетело в Свердловск.

Ближе к ночи были отмечены первые случаи перехода солдат на сторону российского руководства. Это снова были «таманцы», стоявшие вокруг Белого дома. Позднее восемь

19 АВГУСТА1991. КОГДА ТАНКИ ПОДХОДИЛИ К КРЕМЛЮ, БОРИС ЕЛЬЦИН ЗАКАНЧИВАЛ РАБОТУ НАД ОБРАЩЕНИЕМ «К ГРАЖДАНАМ РОССИИ»

БРДМ «привел» замглавкома ВДВ генерал Лебедь. Очевидно, неблагонадежность отдельных частей, введенных в город, побудила ГКЧП заменить их во вторник на другие, «свежие».

До сих пор остаются сомнения относительно того, планировался ли в ночь с 20 на 21 августа штурм Белого дома. Но, так или иначе, планы не были осуществлены. Назвать штурмом беспорядочную эпизодическую стрельбу и хаотические перемещения бронетехники, наверное, нельзя. Но легче от этого не стало.

22 АВГУСТА НАРОД СКИНУЛ СТАТУЮ ДЗЕРЖИНСКОГО.
24 АВГУСТА СТРАНА ХОРОНИЛА ПОГИБШИХ

Ночь принесла с собой трагическую гибель Дмитрия Комаря, Ильи Кричевского и Владимира Усова.

По рассказам очевидцев, время с полуночи до 5 утра было самым напряженным за три дня переворота. Дальше все пошло на убыль. В 6 часов начался отвод техники от Белого дома, а в 9 утра Язов подписал приказ о начале возвращения войск в места постоянной дислокации с 21 августа.

Днем Крючков от имени ГКЧП предложил Ельцину отправиться в Крым — к Горбачеву. Однако вместо президента Верховный совет делегировал Руцкого и Силаева. Тогда же экстренная сессия ВС приняла решение об аресте путчистов.

«Ил-62» с членами ГКЧП вылетел на Бельбек в 14.18 — за несколько минут до появления на летном поле группы сотрудников МВД, которым был поручен арест. В 16.52 в Крым на «Ту-134» улетели Силаев, Руцкой, Бакатин, Примаков и десять российских депутатов. В Форосе ко всем прибывшим присоединились секретарь ЦК Ивашко и Лукьянов. С Крючковым, Язовым и Баклановым Горбачев разговаривать так и не стал.

Уже утром 21 августа стало ясно, что путч провалился. Демонтаж памятника Дзержинскому на Лубянке или, к примеру, едва остановленный погром на Старой площади ознаменовали полную победу Ельцина. Остается напомнить, что члены ГКЧП, а также Лукьянов и Варенников были арестованы. Не дожидаясь возможного ареста, покончили с собой Пуго и маршал Ахромеев. Все были амнистированы Думой 23 февраля 1994 года. Варенников оказался единственным, кто отказался от амнистии и дождался оправдательного приговора.

«Реформы под угрозой»

Москве «везет» с танками — только за последние 5 лет они выходили на улицы дважды (не считая, конечно, парадов). Но прежде чем обратиться к событиям сентября — октября 1993 года, нелишне, видимо, вспомнить, как развивались события после августа 1991 года.

«VI съезд народных депутатов России, состоявшийся в апреле 1992 года, — первая и неудавшаяся попытка антиреформаторских сил резко свернуть нашу политику «быстрого сдвига» (может, и не совсем удачное определение, но краткое)», — пишет Борис Ельцин в своих «Записках президента».

Как явствует из книги, президент «подошел» к съезду с твердым намерением «подстегнуть» правительство, чем, как выяснилось, сослужил ему хорошую службу. Направив Егору Гайдару список из четырех фамилий министров, чья работа вызывала у него «недовольство» (Лопухин, Днепров, Воробьев, Авен), Ельцин выступил затем на чрезвычайном заседании кабинета.

На следующий день Гайдар с трибуны съезда объявил об отставке правительства, что было для всех, и прежде всего для президента, полной неожиданностью. «И в первый момент это неприятно удивило, — свидетельствует Ельцин, — однако вскоре я оценил последствия этого рискованного шага. (...) Егор Тимурович интуитивно почувствовал природу съезда как большого политического спектакля, большого цирка, где только такими неожиданными и резкими выпадами можно добиться победы. А победа была полной».

И действительно, проект постановления с «неудом» кабинету Гайдара не прошел, а сам президент получил дополнительные полномочия. Очередной съезд был назначен на осень.

И все-таки это был только «отложенный штраф». В промежутке между съездами Верховный совет принял резолюцию с негативной оценкой работы правительства. Был также одобрен закон о Совете министров, закрепляющий за парламентом право формировать правительство. Ельцин воспользовался правом вето, а также обратился к депутатам с призывом перенести VII съезд на весну 1993 года, аргументируя это тем, что его проведение осенью или зимой «несвоевременно». И получил отказ. В кулуарах заговорили о «разгоне» и «прямом президентском правлении».

Съезд открылся 1 декабря. Президент, делавший основной доклад, сразу перешел в наступление и обвинил депутатов в том, что нередко от имени народа они пытаются «заменить собой другие институты власти». Он предложил съезду принять постановление о стабилизационном периоде, которое бы, в частности, предполагало, что законы, затрагивающие принципиальные положения экономической реформы, не могут быть приняты без заключения президента. При этом он отказывался от дополнительных полномочий, если в этот стабилизационный период (год-полтора) съезд будет собираться только для внесения поправок в Конституцию, передав всю остальную законодательную работу Верховному совету.

Выступавший следом Руслан Хасбулатов не остался в долгу и прежде всего заявил о «полном крахе экономической политики» правительства и обнищании населения.

Масла в огонь подлил председатель Конституционного суда Валерий Зорькин: «Власть представляет собой чрезвычайно слабое явление». Сославшись на публичные призывы распустить съезд, в том числе исходящие от «должностных лиц», глава КС поставил вопрос: «А есть ли вообще в России власть, которая способна обеспечить Конституцию».

На этом фоне отчетный доклад Егора Гайдара выглядел вполне мирно, но деятельность правительства была снова признана неудовлетворительной. Это случилось 3 декабря, а 4 декабря войдет в историю как день, когда впервые возникла тема «обращения к народу». Пальма первенства принадлежит тогдашнему пресс-секретарю президента Вячеславу Костикову, который заявил журналистам, что «своей неконструктивной позицией съезд фактически подводит президента к мысли о необходимости референдума».

5 декабря состоялось большое голосование по поправкам к Конституции, из которых прошли только три, касающиеся взаимоотношений ветвей власти: правительство получало право законодательной инициативы, становилось подотчетно съезду, ВС и президенту и обязывалось представлять парламенту все проекты упразднения и образования министерств. 8 декабря была отвергнута поправка президента, закреплявшая за главой государства право самостоятельно назначать референдум.

Тем не менее Ельцина, по-видимому, все это ничуть не расстроило. Он даже пошел на еще большее «закабаление» кабинета, предложив новую поправку о том, что «силовые» министры назначаются с согласия Верховного совета. Ее приняли. Мир, казалось, восторжествовал.

Ан нет. 9 декабря Егор Гайдар, выдвинутый Ельциным на пост премьер-министра, набрал при тайном голосовании лишь 467 голосов при 521 необходимом. И вот уже 10 декабря президент с трибуны съезда заявляет: реформы под угрозой! События на съезде были названы попыткой совершить то, что «не удалось сделать в августе прошлого года». Гайдар остается и.о. премьера, заявил Ельцин, призвав граждан начать сбор подписей за проведение референдума.

Съезд ответил Обращением к народу, где выступление президента расценивалось как попытка «сорвать работу высшего законодательного органа».

Трудно сказать, чем бы дело кончилось, не вмешайся Конституционный суд. Начались переговоры, результатом которых стало принятие постановления о стабилизации конституционного строя. Обращения президента и съезда утрачивали силу. На 11 апреля назначался референдум по основным положениям новой Конституции. Президенту же вменялось в обязанность представить VII съезду «для мягкого рейтингового голосования» несколько кандидатур возможных премьеров. Ельцин свою часть договоренности выполнил: депутатам было предложено выбирать из шести кандидатов. В результате главой кабинета был утвержден почти никому тогда не известный министр-газовик Виктор Черномырдин.

РУСЛАН ХАСБУЛАТОВ С ТРИБУНЫ ОБВИНЯЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЕЛЬЦИНА В ОШИБКАХ

«Поиск согласия»

Постановление, или соглашение, о стабилизации конституционного строя продержалось недолго — до середины зимы. Выступив 1 марта с заявлением, что принципы разделения властей и «всевластия Советов» не могут ужиться в одной Конституции, Борис Ельцин лишь подвел итог дискуссиям, длившимся уже несколько недель. Вместе с тем президент предложил народным депутатам оставить соглашение в силе, при этом не возражая против двухлетнего моратория на референдумы, выборы и «другие крупные политические мероприятия».

Открывшийся 10 марта внеочередной VIII съезд окончательно поставил крест на декабрьском компромиссном документе. «Не может быть и речи» о сохранении соглашения о стабилизации, подчеркнул в сво-

БАРРИКАДЫ НА УЛИЦАХ МОСКВЫ ЗАКОНЧИЛИСЬ ШТУРМОМ БЕЛОГО ДОМА

ей речи с трибуны Руслан Хасбулатов, ибо «поиск согласия возможен только на основе Конституции, а не отхода от нее».

Через неделю после окончания работы съезда Борис Ельцин обнародовал указ об особом порядке управления, который стал классическим примером «пробного шара» в современной российской политике. Указ, зачитанный по ТВ в субботу 20 марта, предусматривал гораздо более крутые меры, чем тот документ, что на следующей неделе был опубликован в газетах. «Не имеют силы любые решения, направленные на отмену указов президента», «По утвержденной вами Конституции будут проведены выборы, но не съезда, а нового парламента»... Эти и другие рискованные фрагменты просто исчезли из «официального» варианта.

Тем не менее референдум 25 апреля, предусмотренный указом, как известно, состоялся и занял свое место в истории под лозунгом-названием, удачно найденным президентской командой, — «Да-да-нет-да». В результате подсчета голосов получилось, правда, «Да-да-нет-нет»: «Да» политике президента, «да» курсу реформ, «нет» досрочным выборам главы государства и депутатского корпуса.

К ВЕЧЕРУ 4 ОКТЯБРЯ БОЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ БЫЛА ЗАКОНЧЕНА

Осажденная крепость

Итоги референдума снова просто отсрочили очередное обострение. К осени было уже не до «пробных шаров». Указ №1400 был обнародован Борисом Ельциным в 8 вечера во вторник 21 сентября. Сразу после этого на заседании президиума Верховного совета было объявлено о созыве чрезвычайной сессии парламента и начале подготовки чрезвычайного же съезда. На открывшейся ночью сессии принес присягу в качестве «президента» Александр Руцкой. Сессия, а затем и съезд продолжались практически круглосуточно — несмотря на то, что Белом доме сразу были отключены телефоны, чуть позднее — горячая вода, отопление и электричество, а еще позднее стали иссякать запасы продовольствия. Появился указ президента о социальных гарантиях тем депутатам, которые добровольно уйдут из здания. В конце сентября вокруг Белого дома выставили сплошное оцепление.

Попытки вести переговоры окончились безрезультатно. Рамазана Абдулатипова и Вениамина Соколова, которые принимали в них участие со стороны осажденных, на съезде слушать не захотели.

Демонстрация, начавшаяся в полдень 3 октября на Калужской площади, смела кордоны на Садовом кольце, вокруг Белого дома и прорвала блокаду. Альберт Макашов возглавил штурм здания мэрии. Вечером сторонники парламента пытались захватить «Останкино». На рассвете 4 октября, после напряженного заседания коллегии министерства обороны под председательством Виктора Черномырдина, части ВВ и ВДВ при поддержке вертолетов и танков начали штурм Белого дома.

Зачем принимаются конституции

События осени 1993 года на сегодня являются последним эпизодом того жесточайшего противостояния двух властей, или даже двух

идеологий, которым была отмечена посткоммунистическая история России. Принятие в декабре 1993 года новой Конституции и выборы в Думу существенно стабилизировали политическую ситуацию. Оппозиция, конечно, продолжает атаковать проводимый курс и действия президента в Чечне. В июне 1995 года едва не случился правительственный кризис. Но даже вынося 21 июня вотум недоверия кабинету, многие депутаты, скорее всего, лишь по старой памяти рассуждали в кулуарах Думы на тему: «Разгонит — не разгонит». Отчасти виноват в этом сам Ельцин — создал прецедент. Но — кто старое помянет, тому глаз вон. Но кто забудет, тому, как известно, два. ■

Волен казнить, но любит миловать

Ельцин, пожалуй, первый за послереволюционный период глава Российского государства, для которого соратники не человеческий материал, а живые люди

Дмитрий Пинскер

ДВОР

Борис Ельцин обращается со своей командой в лучших традициях российских самодержцев. Совершенно неожиданно чиновник может впасть в немилость, следствием которой зачастую становится отставка. И так же неожиданно его могут призвать пред светлы очи и даже сделать на время фаворитом. Достаточно вспомнить перипетии взаимоотношений Ельцина и Бурбулиса в 93-м году.

Практика последних лет показала, что лучший способ вернуть себе расположение президента — самому распустить слух о своей скорой отставке. За этим непременно последует заявление, что более ценного кадра в команде президента не было, нет и никогда не будет. Большими специалистами по этой части всегда считались Михаил Полторанин и Павел Грачев.

Близость к главе государства совсем не всегда определяется личными отношениями с Ельциным. Немалое значение играет и принадлежность или близость к одной из группировок, существующих при дворе. Таких за пять лет в Кремле и Белом доме сложилось три. Самая малочисленная, но при этом самая заслуженная и могущественная — свердловская.

Уральцы

Группа стала формироваться в начале восьмидесятых, когда Ельцин возглавлял Свердловский обком КПСС. Тогда в его окружении появились помощник Виктор Илюшин, второй секретарь обкома Олег Лобов, секретарь обкома Юрий Петров. Последний стараниями Ельцина был переведен в Москву — в ЦК. Остальные перебрались в столицу вместе с шефом.

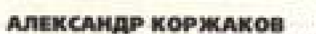
Примечательно, что после снятия будущего президента с поста первого секретаря МГК полетели и его протеже: Илюшин был отправлен в Афганистан помогать братской партии; Лобова вначале переместили из ЦК в Совмин, а потом услали в Армению; Петров сменил пост секретаря Свердловского обкома, куда его в свое время рекомендовал Ельцин, на должность посла на Кубе. Правда, в этом случае могло сыграть роль и то, что Петров активно приветствовал появление статьи Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами».

ОЛЕГ ЛОБОВ

ЮРИЙ СКОКОВ

Так или иначе, но близость к Ельцину на карьере каждого из этой троицы сказалась тогда отрицательно. Но когда Борис Николаевич стал Председателем Верховного Совета, все трое были вознесены. Илюшин оказался в новой команде российского лидера летом 90-го, год спустя к нему присоединились Петров и Лобов. Никто из них не предал шефа в августе 91-го. Более того, Олег Лобов в дни путча отправился на Урал, чтобы возглавить «резервное правительство».

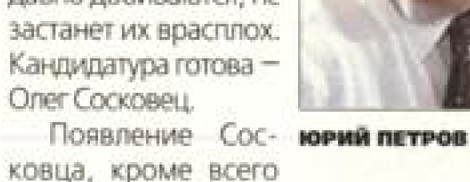

АЛЕКСАНДР КОРЖАКОВ

Довольно легко в свердловскую группу вписался Александр Коржаков. Заслуги телохранителя были очевидны — не боясь преследований, он продолжал поддерживать отношения с Ельциным после его снятия с поста секретаря МГК. Посещения в больнице лежавшего с инфарктом бывшего подопечного стоили Коржакову карьеры — он был уволен из органов «по возрасту и состоянию здоровья». Естественно, охрана Ельцина—председателя ВС РСФСР была доверена испытанному другу. Хорошие отношения у Коржакова наладились и с Илюшиным.

В принципе в эту команду мог войти и Юрий Скоков. Оказавшись в российском правительстве еще в 90-м, он не единожды демонстрировал лояльность Ельцину: активно участвовал в кампании по выборам в президенты, создавал вместе с Лобовым резервное правительство на Урале. Однако отношения со свердловчанами у Скокова не заладились. Лобов считал его выскочкой, а Илюшин подозревал бывшего гендиректора НПО «Квант» в чрезмерных амбициях и предсказывал скорый его разрыв с президентом. Так оно и получилось, после того как в марте 93-го Скоков отказался визировать указ о введении особого порядка управления страной. Тем не менее президент, по некоторым данным, продолжает поддерживать контакт с бывшим секретарем СБ и, судя по всему, поручил ему малоприятную миссию — расколоть оппозицию.

Заменой Скокову стал нынешний первый вице-премьер Олег Сосковец. За его назначение в правительство весной 93-го выступали Коржаков и Лобов. Они видели в тогдашнем председателе Роскомметаллургии «крепкого хозяйственника», своего парня, а самое главное — человека, способного стать противовесом Черномырдину, возможной его альтернативой. И Сосковец оправдал надежды. Во всяком случае, в многочисленных слухах он фигурирует как кандидат номер один на пост премьера. Это, во-первых, оказывает на Черномырдина психологическое давление, а во-вторых, «свердловчане» могут быть уверены, что внезапная отставка председателя Кабинета министров, которой они давно добиваются, не застанет их врасплох. Кандидатура готова — Олег Сосковец.

ЮРИЙ ПЕТРОВ

Появление Сосковца, кроме всего прочего, отчасти компенсировало потерю позиций свердловской группы после отставки главы президентской администрации Юрия Петрова. На этой отставке весь 1992 год настаивали демократы, которые считали Петрова противником реформ и главой «номенклатурного заговора». Возглавлял борьбу Геннадий Бурбулис. Победу он отпраздновал уже после собственной отставки.

Москвичи

В отличие от свердловчан, связанных с Ельциным долгими годами партийной работы, команда Бурбулиса сплошь состояла из молодых политиков и экономистов. Сам Бурбулис, хоть и земляк президента, хоть и создал в 1988-м инициативную группу в Свердловске по выдвижению Ельцина в народные депутаты, познакомился с будущим президентом уже в Москве, на союзном съезде. Тогда они оба входили в межрегиональную депутатскую группу. Бурбулис стал доверенным лицом Ельцина на

выборах народных депутатов России, а потом возглавил предвыборный штаб Бориса Николаевича на президентских выборах.

Бурбулис быстро шел наверх. В 1991-м он был уже вице-премьером и госсекретарем. Бывшие соратники президента объясняют «феномен Бурбулиса» умением Геннадия Эдуардовича практически мгновенно находить нестандартные выходы из кризисных ситуаций и еще организаторскими способностями, которые проявились, в частности, весной 91-го, когда перед Ельциным встал вопрос о формировании команды, способной выработать экономическую программу. Тогда-то и появилась группа Бурбулиса.

В нее вошли почти все, кто составил потом так называемое гайдаровское правительство. Близки к группе были Андрей Козырев и Михаил Полторанин. Последнего Бурбулис считал человеком негибким и вообще его побаивался. Однако Полторанин был незаменим, когда требовалась лобовая атака. Пожалуй, благодаря именно его поддержке госсекретарю осенью все того же 91-го удалось одержать свою первую победу.

Тогда Бурбулис привел к Ельцину Гайдара и убедил президента в том, что только этот молодой человек и уж никак не «старый партийный хозяйственник» Иван Силаев сможет провести радикальные экономические преобразования. Была, правда, одна загвоздка: в правительстве Силаева имелся свой молодой экономист — министр экономики Евгений Сабуров, выступавший за экономическую самостоятельность России, написавший экономическую часть предвыборной программы Ельцина, разработавший схему либерализации цен и приватизации. Сабуровым занялся Полторанин. На заседании Совмина в октябре он заявил, что министр экономики не имел права парафировать от имени РСФСР договор об экономическом сообществе республик Союза. Это было прямым оскорблением, за которым последовало заявление об отставке. И хотя президент ее не принял, в списке нового правительства реформ имени Сабурова не оказалось. Не оказалось в нем и фамилии Лобова, которого прочили на пост министра экономики. Свердловчане получили первый удар.

Ярким свидетельством огромного влияния Бурбулиса на президента стала история с Беловежским соглашением. Бурбулис тогда возглавлял российскую часть рабочей группы, в недрах которой рождался текст итогового документа. И именно Бурбулис убедил президента в необходимости подписания соглашения.

ГЕННАДИЙ БУРБУЛИС

Триумф кремлевского комбинатора длился недолго. Уже к концу весны 92-го, под нажимом депутатского корпуса, с одной стороны, и свердловской группы — с другой, президент подрезал реформаторам крылышки — в правительство была введена группа хозяйственников во главе с Черномырдиным. Бурбулис сопротивлялся этому как мог, пока осенью того же года не был отправлен в отставку.

Уже в качестве президента центра «Стратегия» Бурбулис принимал самое непосредственное участие в подготовке референдума 1993 года (утверждают, что это ему пришло в голову вдолбить в головы сограждан слоган «Да—Да—Нет—Да») и в подавлении октябрьского путча. И тем не менее президент, по его собственным словам, «стал задыхаться» от Бурбулиса и все больше и больше отдалял его от себя. В конце концов Бурбулис совсем исчез с политической арены.

Жители Белого дома

СЕРГЕЙ ШАХРАЙ

Со временем на смену группе Бурбулиса пришла команда Черномырдина. Это была именно команда. В отличие от свердловчан и Бурбулиса Черномырдин формировал свое окружение не для политических интриг, хотя и был в команде свой стратег — Сергей Шахрай. С премьером хорошо сработались гайдаровцы Шохин и Чубайс. Неплохо ладил с Черномырдиным и Борис Федоров, занимавший в 1993-м пост министра финансов.

За три года глава кабинета добился того, что в правительстве фактически все ключевые посты заняли его люди. Исключение составляют Олег Сосковец и силовики, находящиеся в непосредственном подчинении президента. Но зато у премьера установились хорошие отношения с весьма влиятельными бывшим спикером Совета Федерации Владимиром Шумейко и главой Центробанка Сергеем Дубининым.

«Я готов пригласить в состав кабинета всех — и белых, и красных, и пестрых. Лишь бы у них были идеи». В свете этого высказывания Черномырдина интересно проследить за трансформацией Александра Заверюхи, главного аграрника в правительстве. Назначенный в 1993-м вице-премьером, курирующим сельское хозяйство, он считался человеком оппозиции. Однако во время октябрьских событий Заверюха хранил полное молчание и в дальнейшем всячески пытался смягчить агрессивность Аграрной партии и ее фракции в Думе. Когда же аграрии в нынешней президентской гонке решили поддержать Зюганова, Заверюха попросту порвал с ними.

ВИКТОР ЧЕРНОМЫРДИН

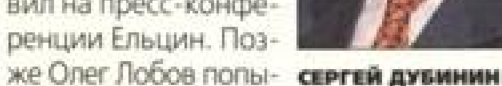

ВЛАДИМИР КАДАННИКОВ

Сосредоточив свое внимание в первую очередь на экономических вопросах, Черномырдин на происки свердловчан реагировал более чем сдержанно. Те же, начав с мелких уколов, в 1994 году взялись за премьера по-настоящему. Началось с того, что верного соратника премьера отлучили от приватизации в столице. Причем сделано это было в крайне оскорбительной форме. «Я велел Сосковцу сказать Чубайсу, чтоб он Москвой больше не занимался», — заявил на пресс-конференции Ельцин. Позже Олег Лобов попытался свалить всю вину за «черный вторник» на правительство. Усилиями Виктора Илюшина, неустанно убеждавшего Ельцина в том, что Черномырдин метит в президентское кресло, летом 1995-го была фактически провалена идея правительственного блока. После выборов в Думу все та же троица принялась доказывать, что опираться в президентских выборах на структуры НДР не имеет смысла.

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ, АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ, ЕГОР ГАЙДАР

СЕРГЕЙ ДУБИНИН

Но Черномырдин стоял на ногах крепко и всякий раз умудрялся подыскивать вполне полноценную замену уволенному соратнику. Так в правительстве появились Пансков, Ясин, Каданников. Характерна фраза, оброненная одним из членов правительства, когда обсуждалась кандидатура директора ВАЗа: «У него нет программы и амбиций, а работать он умеет и хочет». В конце концов премьер доказал, что может держать удар и — когда надо — в состоянии отстоять перед президентом свою точку зрения.

Возможно, связку Илюшин—Коржаков—Сосковец не устраивает такое положение вещей, но, кроме групповых интересов, они должны учитывать и личные симпатии президента.

Силовики

СЕРГЕЙ СТЕПАШИН

Еще на посту Председателя ВС РСФСР в самом начале своей деятельности Борис Ельцин настойчиво добивался полного контроля над силовыми министерствами. Он сам подбирал людей на руководящие посты в МВД, МО, спецслужбах. В итоге во главе этих ведомств оказались чиновники, доказавшие личную преданность президенту во время путча 1991 года, октябрьских событий 1993-го и в чеченской кампании. Но если с военным ведомством и МВД все было более или менее ясно, то реорганизация бывшего КГБ затянулась до прошлого лета.

Российское КГБ перестало существовать вскоре после путча. Отдельные его подразделения были преобразованы в самостоятельные ведомства: Службу внешней разведки, Федеральную пограничную службу, Главное управление охраны, Федеральное агентство правительственной связи и Министерство безопасности России (МБР). С той поры никаких изменений в структуре и никаких значительных кадровых перестановок во всех этих организациях, кроме МБР, не проводилось.

И только это бывшее подразделение КГБ, занимавшееся внутренней безопасностью, никак не оставляли в покое. Сначала была сделана попытка объединить МВД и спецслужбы. Ее пресек Конституционный суд, после чего главным милиционером был назначен Виктор Ерин, а безопасностью стал заведовать Виктор Баранников.

Кандидатура вполне для президента приемлемая — кадровый милиционер, руководил арестом членов ГКЧП, безоговорочно поддержал президента в марте 93-го. И все же от его услуг довольно скоро пришлось отказаться. Дело тут не в настоятельных требованиях демократической общественности, да и обвинения в злоупотреблении служебным положением были лишь формальным поводом к отставке. К Ельцину поступали сведения о дружбе Баранникова и Руцкого, о симпатиях, которые испытывал глава МБР к оппозиционным фракциям в Верховном Совете. Барсуков и Коржаков докладывали Ельцину, что министр собирает компромат на президента и его окружение. В итоге Баранников лишился поста, а потом, после 4 октября 93-го, и свободы.

ВИКТОР ЕРИН, ПАВЕЛ ГРАЧЕВ

В очередной раз началась перетряска спецслужб. Назначенный на место Баранникова Николай Голушко был даже рад, когда через полгода, в начале 1994-го, его тоже отправили в отставку. Сменивший Голушко Сергей Степашин в принципе президента устраивал. Хотя бы потому, что последнюю реорганизацию, когда ФСК превратилось в ФСБ, сумел провести без переаттестации и других столь же непопулярных мер.

ВИКТОР БАРАННИКОВ, АЛЕКСАНДР ШОХИН

Однако, когда после Буденновска встал вопрос, кого «сбросить с раската», в числе трех была названа фамилия Степашина. Никто не встал на его защиту, а сам президент, хотя и ценил директора ФСБ за преданность, понимал, что кроме Ерина и министра по делам национальностей Николая Егорова придется пожертвовать еще кем-то.

Свердловская группа не дремала и убедила Ельцина назначить директором ФСБ Михаила Барсукова. Никто из чекистов всерьез эту фигуру не воспринимает, и все-таки с назначением Барсукова можно говорить о начале периода стабильности на Лубянке, поскольку Барсуков уйдет с этого поста только в случае ухода Ельцина из Кремля. Тому доказательство — отсутствие каких-либо последствий для главы контрразведки январских событий в Кизляре и Первомайском.

Просто свои

В кадровой политике президента есть и еще одна немаловажная особенность — он никогда не бросает на произвол судьбы уволенных чиновников. Они либо получают возможность создать собственный институт или центр, как Гайдар и Бурбулис, либо их переводят на малозаметную государственную должность. Для Юрия Петрова создали целую Государственную инвестиционную компанию, Виктора Ерина назначили одним из заместителей директора СВР.

НИКОЛАЙ ЕГОРОВ

Уход того или иного чиновника в тень вовсе не означает, что он полностью выбыл из игры. Николай Егоров — «жертва» Шамиля Басаева — спустя два месяца после отставки возглавил работу с территориями в администрации президента, а в январе переместился на пост главы администрации.

Примечательна и такая деталь — Ельцин, проведший такое количество кадровых перестановок, практически не нажил себе врагов. Он почти никого не наказал, не сдал правосудию. Исключениями стали уже упомянутый Виктор Баранников и Алексей Ильюшенко. Первый в результате думской амнистии суда избежал и впоследствии отошел от политики, второй имеет все шансы оказаться на скамье подсудимых. Но вполне вероятно, что, выиграв выборы, президент амнистирует Ильюшенко, поскольку тот может потянуть за собой фигуры весьма влиятельные. Амнистирует — и по установившейся традиции поставит каким-нибудь скромным истопником в Кремле. С министерским окладом и персональным автомобилем. ■

Пятилетка мутаций

Политические пристрастия меняются — жажда власти остается

Дмитрий Хитаров

ЛЖЕНАУКА

Межрегиональная депутатская группа (МДГ), ставшая чем-то вроде трамплина для первого российского президента, сегодня уже лишь глава из еще не написанного «Курса истории России эпохи зарождения демократии». На заре перестройки она стала символом и оплотом этой самой демократии, хотя вошедшие в МДГ люди прекрасно сосуществовали и с прежним режимом.

Юрий Афанасьев — горком, крайком, ЦК ВЛКСМ, журнал «Коммунист».

Юрий Рыжов — МАИ, кузница кадров для оборонки.

Михаил Полторанин — идеологический фронт, путь от собкора «Лениногорской правды» до главного редактора «Московской правды» и политического обозревателя АПН.

Николай Травкин — образцово-показательный бригадный подряд в строительстве, Герой Социалистического Труда.

Гавриил Попов — экономика победившего социализма, многие годы лекций для студентов МГУ о «самой прогрессивной системе хозяйствования» — социалистической.

Анатолий Собчак — советское право, допуск к кафедре в святая святых — ленинградской специальной школе милиции, делегатский мандат XXVIII съезда КПСС.

Все они были людьми старой системы, но система рухнула. Михаил Горбачев, первым вогнавший лом в старый фундамент, испугался собственной смелости. Однако «процесс пошел». Состояние страны можно было определить модным в те годы словом «эйфория».

Оказавшись на вершине власти, куда межрегионалы внесли Ельцина буквально на руках, Борис Николаевич приступил к решительным действиям. Реформы Егора Гайдара оказались шоковыми в первую очередь для межрегионалов. Кроме того, по их мнению, президент вскоре стал отходить от идеалов демократии и скатываться к авторитаризму. Кто-то не простил Ельцину «измены», кто-то просто разочаровался в политике. МДГ начала постепенно сходить с политической арены.

Юрий Рыжов был отправлен послом во Францию. Юрий Афанасьев добровольно вернулся к себе в бывший «Историко-пыльный» институт, позднее переименованный в Российский государственный гуманитарный университет. Николай Травкин, потерпев неудачу в строительстве партийном, принялся строить светлое завтра в отдельно взятом Шаховском районе, но, в конце концов изгнанный оттуда, вернулся в политику рядовым «партии власти». Перед последними выборами в Госдуму из Леты неожиданно вынырнул Гавриил Попов: быстро потерпел фиаско со своими социал-демократическими идеями и вновь погрузился в неспешные воды реки забвения. Декабрьские выборы 1995 года стали последними и для Михаила Полторанина: на закате своей политической карьеры он занял практически антипрезидентскую позицию. Анатолий Собчак удержался в политике, пожалуй, дольше всех межрегионалов: мэр Санкт-Петербурга был всегда лоялен президенту и, видимо, очень рассчитывал на его поддержку, но Ельцин сохранил нейтралитет и одним из первых поздравил нового губернатора — Владимира Яковлева.

Из межрегионалов в активной политике остался лишь один — Борис Николаевич Ельцин.

Да и Гайдар, позднейшее приобретение, тоже недолго работал рядом с президентом. Едва мавр сделал свое дело, президент пожертвовал им. Решение об отставке Егора Тимуровича далось Ельцину непросто, но принесло определенные дивиденды. Шокированные демократы оценили «работу над ошибками».

Гайдар и его команда (Анатолий Чубайс, Александр Шохин, Борис Федоров и другие) при всей изменчивости политической конъюнктуры вошли в политическую элиту. В этот же список можно внести Владимира Шумейко и Сергея Шахрая. У них были свои взлеты и падения, но они остаются на виду и сохраняют определенный вес.

Другой реформатор-теоретик, так и не получивший возможности поэкспериментировать над страной, — Григорий Явлинский. Молодость, откровенно западная экономическая направленность, более или менее чистое некоммунистическое прошлое вызывали симпатию и вселяли утерянную было надежду на счастливое завтра. Правда, живого взгляда, грамотной речи и псевдонародной лукавинки («все знаю, но покуда не скажу») в какой-то момент стало недостаточно для всеобщего умиления. Эпоху надежд на реформаторов-теоретиков Явлинский продлил ненадолго.

Пробил час хозяйственников-практиков. На смену Гайдару пришел Черномырдин.

На том берегу

Естественно, в противоположном лагере за эти годы тоже многое изменилось. Суд над КПСС вдруг обернулся триумфом коммунистов и только стимулировал активное партийное строительство. Однако наличие полутора десятков организаций коммунистического толка сильно дезориентировало народные массы, и к президентским выборам 96-го года коммунистические и родственные им движения оформились в блок народно-патриотических сил. Даже учитывая неоднородность его главной составляющей — КПРФ, — можно сказать, что основной упор делается здесь на идею державности России. Для коммунистов эта идея не нова, но в последнее время она окрасилась в ностальгические тона: тоска по СССР, по руководящей роли КПСС, по власти в целом, по отдельным ее атрибутам («вертушкам», телефонному праву, спецраспределителям и т. д. — всему тому, что сохранилось в полном объеме, но перешло в другие руки).

Конечно, влияние ортодоксов (Анатолия Лукьянова, Альберта Макашова, Светланы Горячевой) очень велико, но на широкую аудиторию уже подзабытые догмы действуют удручающе. Видимо, поэтому новую песню о светлом экономическом будущем поручили написать бывшему травкинцу Сергею Глазьеву. Кстати, предвыборный блок Геннадия Зюганова свел Глазьева с другим ДПРовцем — Станиславом Говорухиным. Не поделив с Глазьевым партию, вчерашний режиссер осел в депутатской группе «Народовластие» Николая Рыжкова и Сергея Бабурина. Кто сейчас вспомнит, что тот же Сергей Бабурин, а с ним и прочие радикальные патриоты — Илья Константинов, Виктор Аксючиц, Владимир Исаков, — явились на политическом горизонте, высоко неся демократические знамена. Но, как известно, от любви до ненависти один шаг. Впрочем, политическая одиссея Александра Руцкого, нашедшего успокоение в своей «Державе», кажется, должна бы отучить нас чему-либо удивляться.

Совсем другие

Владимир Жириновский тоже использовал демократический трамплин для начала политической карьеры. Его имя вначале поминалось где-то рядом с Демсоюзом Валерии Новодворской. Ставка на откровенную продажность, эпатаж и заборные лозунги («Каждой бабе — по мужику, каждому мужику — по бутылке, каждому демократу — отдельные нары») остается неизменной. Сейчас речь может идти лишь о повышении личного благосостояния Владимира Вольфовича и уровня его ораторского мастерства. Кстати, именно Жириновский ввел моду на идею великодержавности, столь широко эксплуатируемую нынешними кандидатами на президентский пост.

Не стал исключением и Александр Лебедь. Скандальная отставка с поста командующего 14-й армией совпала с предвыборной кампанией 95-го года. Заполучить в союзники опального генерала стремились и левые, и правые. После многочисленных консультаций и блужданий по политическому спектру генерал Лебедь занял позицию батьки Ангела: «Бей красных, пока не побелеют. Бей белых, пока не покраснеют». Умноженная на «некоммунистическую» державность и образ бравого служаки, верного Родине и присяге, такая позиция позволяла надеяться на дополнительный благоприятный эффект на выборах. Свой расчет был и на «правило чичако» — «на новенького», когда любое свежее лицо на фоне уже примелькавшихся политиков выглядит привлекательнее. В любом случае Александр Иванович занял определенную, ранее пустовавшую нишу в российской политической системе.

Полностью избежать мутаций удалось лишь микроскопическим политическим образованиям. «Трудовая Россия» радикал-коммуниста Виктора Анпилова и Демсоюз профессиональной революционерки Валерии Новодворской сохранили непримиримость и митингово-площадные методы борьбы, традиционные для фанатиков. К какому бы лагерю они себя ни причисляли.

Мир сквозь зубы

Восторги первых посткоммунистических лет прошли. Пока демократы выясняли между собой отношения, зазвучали унылые причитания об ушедшем золотом веке правления коммунистов. И тут спохватились даже те, кто в свое время отвернулись от Ельцина: время личных обид и амбиций прошло.

В сознании многих демократов действующий президент оказался единственным кандидатом, способным не допустить реванша тоталитарных сил. Егор Гайдар, смирив гордыню, все-таки поддержал президента. Борис Федоров, то ли из искреннего страха перед возвращением коммунистов, то ли из опасения навсегда остаться за бортом большой политики, стал доверенным лицом кандидата Ельцина. Размежевавшиеся, разодравшиеся в междоусобицах, демократы вновь собрались под знамена нелюбимого вождя. И не только они. Иван Рыбкин — протеже Аграрной партии, спикер Думы прежнего созыва — вошел в команду Ельцина на нынешних президентских выборах.

Причины? Традиционный российский принцип выбора из двух зол.

Сам Борис Николаевич, полностью отождествив себя с демократией, ПОЗВОЛИЛ приблизиться к себе тем, «кому дороги принципы демократии». Но на вершину политической горы им путь заказан. Царем горы Ельцин пребывает в гордом одиночестве. ■

Непоправимое

Как и почему началась чеченская война

Галина Ковальская

ПРОРВА

ПОДВАЛ, КУДА С КРИКОМ «ВОЗДУХ! Прячься!» втолкнул меня чеченский боевик, битком набит русскими стариками. То, что здесь не только старики, я поняла позже. Люди выглядели дряхлыми после трех дней безвылазного сидения без воды, еды, без каких-либо человеческих удобств. Но едва ли не больше они были подавлены ужасом и непониманием случившегося. «Вы были ТАМ? — спросили меня. — Что ТАМ?» Я рассказала, что у вокзала, метрах в пятидесяти от подвала, догорает бронетехника. Очень много. Я не знала сколько, не успела сосчитать — начался налет. «Трупов много?» — «Несколько лежат на земле. Но, судя по запаху, больше догорают внутри. Вот, нашла у одного». Я показала военный билет, его осторожно приняли у меня из рук, разглядывали, передавая друг другу. Вдруг пронзительно закричала женщина, до тех пор отчужденно стоявшая в стороне: «Нет! Неправда! Неправда! Дудаевская ложь! Не может быть, чтобы на нас свои напали!»

Это было 2 января 1995 года. Дней через десять район вокзала перешел под контроль Российской армии.

Не знаю, пережил ли зиму хоть кто-нибудь из обитателей того подвала. Когда федералы занимали город, они забрасывали подвалы гранатами.

За что убивают и гибнут

Чеченская война — абсурд в стиле Кафки. Чеченские боевики и русские военные с одинаковой убежденностью рассказывают, что война порождена Всемирным Заговором с целью погубить — нет, не Чечню — Россию. Не реже говорят, что война отмывает чьи-то деньги. Речь идет не о понятных, прозаических вещах вроде торговли оружием. Подразумеваются некие абстрактные, чуть ли не наделенные некоей сверхъестественной силой Большие Деньги, непостижимым образом заставляющие российских солдат убивать и гибнуть. Есть еще несколько популярных объяснений: извечная «историческая» ненависть русских и чеченцев, перенаселенность России, которой просто необходимо время от времени избавляться от лишних людей, новая волна крестовых походов. О «территориальной целостности России» и «восстановлении конституционного порядка» вспоминают разве что на Старой площади. Но и там собственным заклинаниям не верят.

Дудаев пришел

Начиналось все почти как везде. «Декларация о суверенитете», принятая весной 91-го завгаевским Верховным советом Чечено-Ингушской АССР, ничем не отличалась от таких же деклараций прочих российских автономий. Помните — «парад суверенитетов», главенство местных законов над общероссийскими? По сути дела эти декларации списывались с российской «Декларации о суверенитете». В начале 90-х элиты союзных республик были «за демократов» (потому что противостояли союзному центру), а элиты автономий «против». Конечно, и «за», и «против» — условно. Образовался парадоксальный тактический союз национальных движений и партийного руководства, пытавшегося с их помощью противостоять сепаратизму на уровне республиканской государственности и сохранить СССР.

В Чечне такой альянс не сложился. Там национальное движение с самого начала противостояло партийному руководству. Общенациональный конгресс чеченского народа всегда рассматривал себя как движение антикоммунистическое и антизавгаевское. Своим естественным союзником в борьбе с партократами конгресс считал руководство России. Население Чечено-Ингушетии поддерживало Ельцина вопреки давлению местных партийных боссов. На президентских выборах за него проголосовала почти вся республика. Сейчас как-то запамятовали тот многодневный митинг, на котором свергли Завгаева, обвинив его в поддержке ГКЧП, и разогнали чечено-ингушский Верховный совет. Джохар Дудаев, который позже будет искренне горевать о распаде СССР, клеймил Завгаева «предателем» за то, что он не поддержал Ельцина 19 — 21 августа.

Теперь только ленивый не пинает Ельцина за то, что он якобы сам привел Дудаева к власти. Но в начале сентября 91-го российская власть оказалась перед совершенно новой для нее проблемой. С одной стороны, демократическая волна. С другой — массовые беспорядки. Чеченский митинг требует роспуска законной власти — это плохо. Но ведь выборы-то проходили «по-советски», почти сплошь безальтернативно. А не утратил ли легитимность глава чечено-ингушского Верховного совета (как, впрочем, и другие его коллеги из автономий), выступив заодно с мятежниками-гекачепистами? Взять сторону Верховного совета, обозвать митинг мятежом и разогнать его — означало навсегда похоронить в республике веру в Россию и российскую демократию. Поддержать роспуск Верховного совета — создать в Чечено-Ингушетии вакуум власти.

Нашли компромисс. Представители российского руководства уговорили Верховный совет «самораспуститься» и назначить из своей среды комитет, который подготовил бы новые выборы. Кандидатуры членов этого комитета были согласованы с конгрессом чеченского народа. Митинг сам по себе сошел на нет. Кризис казался улаженным.

Ни в Кремле, ни в глухом чеченском селе никто не сомневался: новый состав Верховного совета изберет своим председателем Джохара Дудаева — признанного лидера Общенационального конгресса чеченского народа, любимца митингов, победителя Завгаева.

Дудаев мог довольствоваться этой должностью. А мог, как это сделали Шаймиев и многие другие, провести через послушный Верховный совет закон о выборах президента, баллотироваться и быть избранным. Почему Дудаев с бухты-барахты объявил президентские выборы, даже не дожидаясь закона о президентстве? Ведь тем самым он дал основание считать выборы незаконными, а его самого до самой смерти и величать «так называемым президентом». Куда он спешил и почему так легко пожертвовал наметившейся дружбой с Москвой?

Сам Джохар, когда журналисты домогались ответа, кажется, не понимал, о чем его спрашивают. Какая такая легитимность? Есть ясно выраженная воля чеченского народа. Кто-нибудь сомневается, что народ поддерживает Джохара, а не «этих грязных партократов»? Никто не сомневался. Так кто же может помешать народу сделать свой выбор? Москва? Значит, придется обойтись без Москвы. И будет не какой-то там ограниченный «суверенитет», а полная государственная независимость. Ингуши не хотят идти с Джохаром? Их право, их воля. Никого не принуждаем.

Дудаев искренне считал себя демократом. Борцом за демократию. Объясняя, что стоит за лозунгом чеченской независимости, он говорил примерно то же самое, что теперь повторяет Ельцин: «Чеченский народ должен сам решать, как ему жить. Никто не смеет навязывать ему свою волю». Саламбек Хаджиев, конкурент Дудаева на президентских выборах, потом пытавшийся с ним сотрудничать, а впоследствии возглавивший антидудаевскую оппозицию, произносил в ту пору очень похожие слова: «Я во многом не согласен с Джохаром, но полностью солидарен с ним в вопросе о независимости. Чеченский народ должен быть гарантирован от повторения трагедии депортации».

А в Москве царило смятение. Поведение генерала не укладывалось ни в какие политические каноны. Те, кто с самого начала предлагал делать ставку на старые партократические элиты, помогать им и приручать их, видели в чеченских событиях подтверждение собственной правоты. Раздавили бы митинг, защитили бы Завгаева — теперь горя бы не знали. Российские власти шарахались от одного решения к другому, к тому же действовали вразнобой. Стремительный вояж в Грозный Руцкого, братание с Дудаевым («Я к нему пришел как мужчина к мужчине, как генерал к генералу, как летчик к летчику») — и тотчас по возвращении требование немедленного введения в Чечне чрезвычайного положения. Ельцин издает соответствующий указ — Чечня немедленно поднимается в едином порыве протеста: «Значит, вправду с Россией жить нельзя!» Верховный совет России ельцинский указ отменил. Дудаев снова оказался победителем.

Два вождя

Недавно, вспомнив события осени 91-го, Ельцин попрекнул хасбулатовский Верховный совет отменой чрезвычайного положения. Дескать, дали бы скрутить Дудаева тогда, все обошлось бы малой кровью. Нет. Не обошлось бы. У чеченцев было меньше оружия, но готовность умереть за свободу была не меньшей. А у России — вспомним — еще не было армии. Даже такой, как сейчас.

Той осенью рождались предрассудки и обиды, которым суждено было сыграть роковую роль. Ельцинская команда утвердилась в представлении, что с Дудаевым нельзя иметь дело: непредсказуемый, не поймешь, чего ему надо, просто ненормальный какой-то. Дудаев понял, что его недавний кумир окружил себя людьми бесчестными, для которых державность важнее свободы и справедливости. Словом, такими, как Руцкой. Но в самом Ельцине еще не совсем разочаровался. Дудаев надеялся на встречу с ним, надеялся открыть ему глаза на истинное положение дел. Ельцин принял решение ни в коем случае не встречаться с Дудаевым — встречу могли истолковать как признание дудаевского статуса.

Перебирая тогдашние события и обстоятельства, не стоит обольщаться: у Москвы не было никаких возможностей силой или хитростью не пустить Дудаева во власть. После августа 91-го он был обречен стать чеченским лидером. Кремлю оставалось единственное: пытаться выстроить с ним нормальные отношения.

Джохар Мусаевич был не самым удобным партнером. Импульсивный, непредсказуемый, не способный и категорически не желающий соблюдать правила политической игры. Разговаривать с Дудаевым было бы невероятно трудно. Но он был пусть и нелегитимным, однако признанным чеченцами лидером. В диалоге с ним, и только с ним, можно было бы разграничивать полномочия между Москвой и Грозным.

Слишком долго не падал

Диалог не состоялся. Была избрана другая тактика: Дудаева решили переждать. Государственным мужем он, как и предполагалось, оказался никудышным. Управлять республикой не умел. Начал в порядке «борьбы с коррупцией» чистку МВД и прокуратуры. Коррупцию не искоренил, зато полностью развалил милицию, следствие, уголовный розыск. Цены отпускать не позволил, «грабительскую реформу» у себя решил не проводить. Цены не послушались президентского слова и рванули вверх — вслед за российскими. Население, как и в России, возроптало. Дудаев все списывал на «кремлевские козни». При этом не выплачивались пенсии, зарплаты, все трещало и разваливалось. Джохар месяц за месяцем наживал себе все новых врагов из числа бывших сторонников. Сложилось политическое движение «Даймокх», оппозиционное Дудаеву. Выглядело оно вполне респектабельно, чего никак нельзя было сказать о большинстве лидеров дудаевского правительства. В Кремле крепла уверенность, что если Дудаева «не расчесывать», то он через какое-то время сам неизбежно «рассосется». Лопнет же когда-нибудь у чеченцев терпение.

Год проходил за годом, а Дудаев все не «рассасывался». Он пережил несколько серьезных кризисов: разогнал парламент (за полгода до Ельцина), подавил мятеж своего недавнего соратника Руслана Лабазанова, наотрез (как и Ельцин) отказался идти на досрочные выборы и — уцелел. Более того, «рассосалась» как раз антидудаевская оппозиция. Ее лидеры перебрались в Москву, их влияние в республике заметно ослабло.

Между тем в Москве все оппозиционные силы, от патриотов до демократов, усердно били власть чеченским козырем. Все те, кто на следующий день после начала войны возопил о ее преступности и бессмысленности, последний период перед войной не упускали случая публично указать, что «ни одна власть в мире не допустила бы», «не позволила бы» и «как можно мириться». К середине 94-го Ельцин стал проявлять признаки некоторого нетерпения. К выборам 96-го требовались победы и достижения. Если бы Дудаев к тому времени пал и на его место пришел бы кто-то лояльный России, победа была бы явной. И тогда он, Ельцин, пришел бы к выборам Политиком, Сохранившим Единую Россию. Но этот чертов Дудаев все никак не падал вопреки прогнозам и обещаниям аналитиков. Правда, на осень 95-го в Чечне были назначены президентские выборы. Но полной уверенности в том, что Дудаев их проиграет, быть не могло: так и не нашлось сильного лидера, который мог бы соперничать с Дудаевым в популярности. Разве что Хасбулатов. Но преподнести успех Хасбулатова как собственное достижение Ельцину было бы затруднительно. На фоне таких сомнений прекрасно воспринимались доводы антидудаевцев. Дудаев, мол, абсолютно не популярен и держится только на штыках своих головорезов. Никаких выборов он, конечно, не допустит, власть добровольно не отдаст — словом, Москва просто обязана вмешаться.

Помнится, осенью 94-го я гостила в Грозном у своих друзей. За столом, где сидели вперемежку чеченцы и русские — в основном университетские преподаватели, — все были настроены антидудаевски. Вздыхали: «Хоть бы русские пришли. Может, порядок будет».

Через два месяца в дом, где мы собирались, попала бомба. Двое из моих тогдашних собеседников ушли в ополчение к ненавистному Дудаеву. Один, очень пожилой человек, умер во время бомбежки от разрыва сердца в подвале своего дома.

ПОВЕДЕНИЕ ГЕНЕРАЛА НЕ УКЛАДЫВАЛОСЬ НИ В КАКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАМКИ

Коготок увяз — всей птичке пропасть

Нельзя сказать, чтобы информация, приходившая в Кремль из Чечни, была неверной. Скорее, она была неполной. Докладывали, например, что у Дудаева есть хорошо обученная и вооруженная гвардия — 600 человек. Что популярность Дудаева падает. Что идея независимости от России постепенно теряет свою привлекательность. Все это правда.

Не понимали, что к независимости можно относиться спокойно до тех пор, пока на нее не посягают. Что Дудаев ничтожен в роли прези-

дента, но великолепен как вождь, поднимающий на борьбу. Что подавить чеченское партизанское сопротивление «к выборам» не удастся. Да и к следующим, наверное, тоже.

Сначала хотели обойтись без вооруженного вторжения. Решили «помочь» чеченской оппозиции. Снабдили деньгами, оружием, дали военных инструкторов. Результат был вполне предсказуем. Настолько, что главный оппозиционер Умар Автурханов еще в сентябре 94-го, не таясь, объяснял, что, конечно, Россия вскоре увидит, что без нее Дудаева не скинуть, и вынуждена будет вмешаться. «В нас уже столько вложено, что теперь Москва не отступится».

Сколь бы трудно теперь ни шли переговоры (а Черномырдин совершенно прав: они не могут не идти трудно), надежда на успех пока не потеряна. Однако российским позициям в регионе нанесен серьезнейший и, возможно, невосполнимый ущерб.

Долгосрочные интересы России на Северном Кавказе не сводятся к тому, чтобы закрашивать его на карте тем же цветом, что и остальную территорию. Сегодня война идет, по существу, за слова и символы: Ичкерия или Чеченская Республика, флаг с волком или без волка. Если Россия собирается остаться на Кавказе всерьез и навсегда, так ли важно, как это будет называться — протекторат, особый порядок управления или даже государственная независимость? Гораздо важнее ускорить интеграционные процессы, добиться, чтобы модернизация в Чечне происходила параллельно с общероссийской. Чечня не может претендовать на обгоняющее Россию развитие, как Карабах по отношению к Азербайджану или Абхазия по отношению к Грузии. Исторически и географически чеченцы сегодня поставлены перед выбором: либо входить в мировую цивилизацию через Россию, либо сохранять и возрождать национальную самобытность, но обречь себя на культурную изоляцию и технологическую отсталость.

За полтора года войны произошла стремительная деурбанизация. Практически не работают школы, и уже появилось поколение детей, совсем не понимающих по-русски. Отторжение всего русского так сильно, что для его преодоления, возможно, понадобятся десятилетия. ■

Наказание для Буденновска

Беззащитный город год спустя

Галина Ковальская

СТРАХ

Я видела воюющие города. Видела Степанакерт, Цхинвали, Грозный, Шатой. Буденновск — другой. Там больше было погибших и разрушений явных, здесь — разрушения глубже, внутри каждого человека. Там приучались жить под стрекот автоматных очередей и буханье разрывов, боялись чего-то конкретного, например самолетов. Здесь пугаются куста, собственной тени. Собственного воображения. Дело не в трусости и бесстрашии. Человек способен привыкнуть ко всему — к войне, к постоянному соседству со смертью. Буденновская травма иной природы.

Как это было

Петр Петрович Костюченко, заместитель главврача, рассказывает обо всем не в первый раз. (Год назад журналисты буквально роились вокруг него: он оказался тогда в эпицентре. Главврач, женщина, по счастью, была в отъезде, и Костюченко выпало за все отвечать.) Говорит спокойно и просто. «Время сгладило остроту переживания, хотя, знаете, любая травма еще долго дает о себе знать».

Рассказывает, как несколько раз связывался с администрацией, потом со штабом и говорил, что, по его оценкам, в больнице около двух тысяч заложников. Ему не верили или делали вид, что не верят, хамили в ответ. Потом своими ушами слышал по СМИ, что заложников «около ста». Как хохотали от таких сообщений боевики и в ужасе вскрикивали заложники, понимали — общественное мнение готовят к тому, что больницу уничтожат.

Вспоминает, как вместе с Басаевым («это был наш общий интерес») настаивал, чтобы разрешили провести в больнице пресс-конференцию. Как им морочили голову, будто бы журналистов нет или они все боятся туда идти. Как три часа после названного Басаевым срока удавалось правдами и неправдами удерживать его от расстрела заложников, а потом он все-таки расстрелял пятерых. Как после этого расстрела Петр Петрович вышел из больницы в город искать и уговаривать журналистов, а

их долго уговаривать не пришлось. Но потом его уже вместе с журналистами блок-пост отказался пропустить обратно. Тогда со словами «Что, стрелять в нас будете?» он пошел в больницу, и журналисты за ним. Солдаты не стреляли.

Как его заверили из штаба, что больницу штурмовать не собираются, а потом начался штурм. Он звонил в штаб, ему отвечали, что это, мол, досужие вымыслы, никто ничего не штурмует. А женщины уже стояли в окнах и кричали: «Не стреляйте!» По окнам лупили из автоматов, женщины падали, убитые и раненые, и раненых сразу же несли в операционную.

Петру Петровичу удалось дозвониться в Госдуму, но, как только там сняли трубку, связь оборвалась. В штабе ему врали, что провод оборвался. Он от души попросил не держать его за дурака: какой обрыв провода, если связь по городу сохраняется?

Потом Петр Петрович вместе с другим врачом, Верой Васильевной, взяли простыню, намалевали губной помадой крест и снова пошли в город уговаривать прекратить штурм. Николая Егорова, тогдашнего вице-премьера, находившегося в Буденновске, найти никак не удавалось, зато им встретился «этот, как его? К нему по-разному можно относиться, но тогда он нам помог — Ковалев».

Эти люди крепко усвоили — государство им не защитник

Ковалев сказал, что у него лично связи с Черномырдиным нет, но можно позвонить Гайдару. Гайдара дома не оказалось, но его жена нашла черномырдинский телефон. Ковалев соединился с референтом премьер-министра, потом передал трубку Петру Петровичу. Референт выслушал, сказал, что в настоящий момент Виктор Степанович разговаривает с Гайдаром, но, как только закончит, он ему все передаст. Через пятнадцать минут штурм прекратился.

Петр Петрович с Верой Васильевной пошли обратно в больницу, но тут их затребовал к себе Егоров. Долго и с пристрастием допрашивал: откуда в больнице паникерские настроения, не на Басаева ли Петр Петрович с Верой Васильевной работают. У него, мол, у Егорова, сведения совсем другие — и насчет числа заложников, и насчет жертв при начале штурма. На самом деле никаких сведений у Егорова быть не могло, потому что после начала штурма из больницы, кроме этих двух врачей, никто не выходил, а боевики тщательно контролировали два оставшихся телефона.

Все это Петр Петрович излагает сжато, даже суховато. Понимает ли он, что спас около двух тысяч жизней? Наверное, понимает. Знал ведь, за что рисковал. Но видно — героем себя не чувствует.

Отдает ли себе отчет, насколько тонким был волосок, на котором висели жизни? Не выйди они с Верой Васильевной с простыней в губной помаде, не встреться им Ковалев, не окажись дома гайдаровской жены, не пробейся они к Черномырдину, как раз когда на того уже изрядно надавил Гайдар...

Две тысячи человек — пустяк для огромной и привыкшей к смерти страны.

Петр Петрович досадливо морщится. «Не мы с Верой Васильевной — другие бы нашлись. Незаменимых не бывает».

На самом деле случайность, чудесность спасения почувствовали все. В первую очередь, конечно, заложники. «Пока штурм не начался, мы и испугаться-то толком не успели. Думали: ну что они с нами сделают — нас же во-он сколько. Подержат-подержат и отпустят. А потом, когда начали стрелять, Асланбек нас в окна поставил. Тут мы поняли: не выживем. Дочка говорит: «Мам, а ведь мне через месяц должно было семнадцать лет исполниться».

Вряд ли жители Буденновска вникают в политические хитросплетения и догадываются, что звонок какого-нибудь Егорова или Ерина, вклинься он между Гайдаром и Петром Петровичем, мог бы обречь больницу, а то и весь город, на судьбу Первомайского. Но они усвоили крепко — государство им не спаситель и не защитник. Их пощадили — так легли в тот момент политические карты. Могли бы стереть в пыль, если бы расклад вышел иным. То, что случилось в Первомайском, буденновцев ужаснуло, но не удивило.

Вот почему их страх глубже и отчаяннее, чем у армян Карабаха или чеченцев Самашек. Те чувствуют за спиной спасителей: фидаинов или боевиков. Эти знают, что, окажись они снова в заложниках, никто не озаботится всерьез их спасением. Только Петр Петрович и Вера Васильевна.

Лужковский подарок

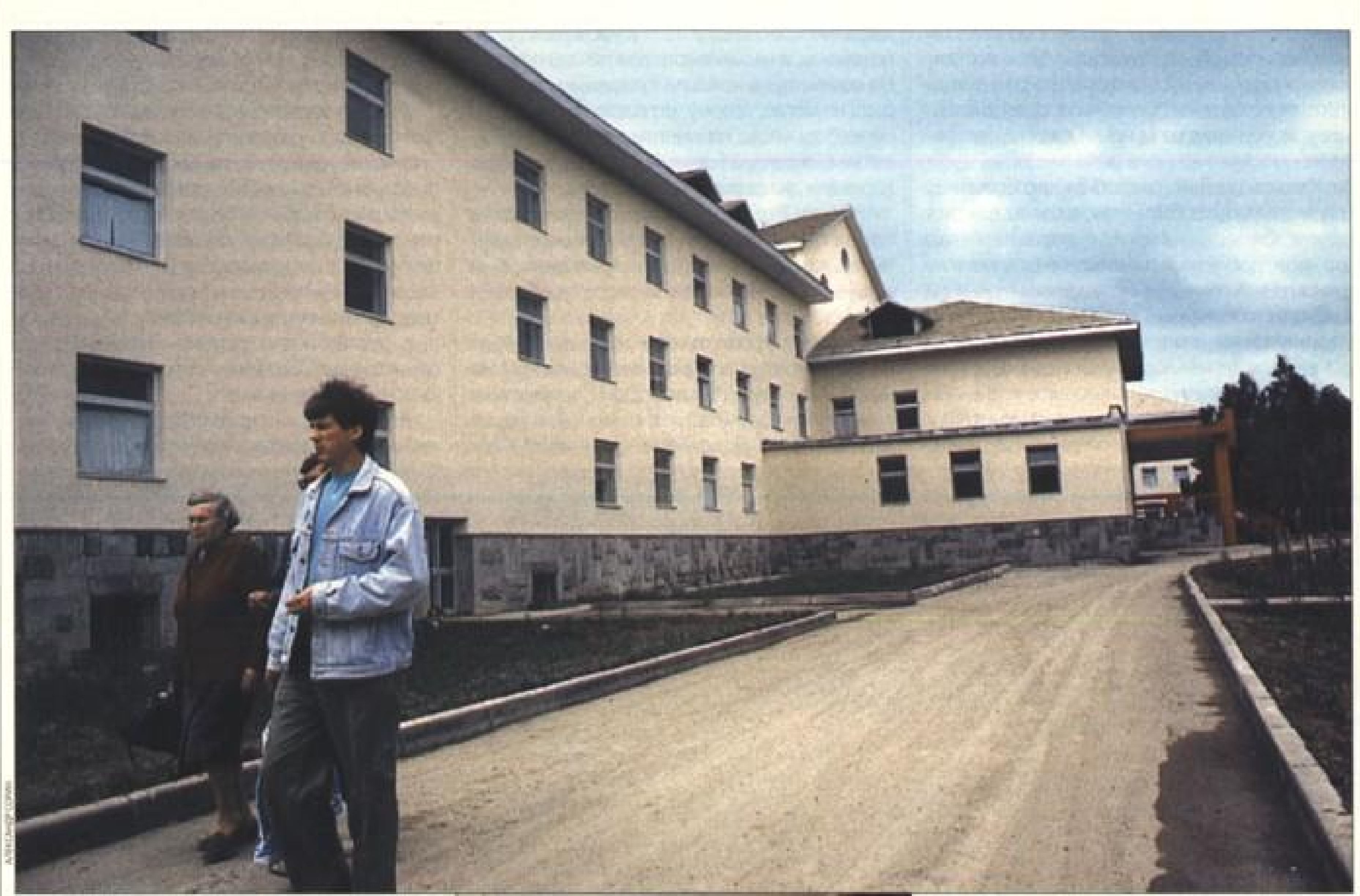
Жара прошлым летом сводила с ума. И Буденновск, только что переживший трагедию, казалось, лишился рассудка. Воздуха просто не было — все заполнил трупный запах.

Мы с коллегами бродили вокруг искалеченной больницы — внутрь ходу не было, подозревали, что все заминировано. Обсуждали новые подробности: как отпускали заложников, по какому маршруту теперь движется колонна басаевцев. Гадали: дадут уйти или накроют вместе с оставшимися заложниками и многочисленными журналистами?

Сейчас, когда такси остановилось у здания больницы, я ее не узнала. Зрелище впечатляющее.

«Вообще-то не полагается пускать, но москвичам нельзя отказать. Это ж ваш подарок». Первый раз в жизни хорошо принимают не несмотря, а благодаря тому, что ты москвич.

Четырнадцатого июня, в годовщину, открыли три больничных корпуса. А хирургический, тот, где реанимация, уже больше полугода ра-

НОВАЯ БОЛЬНИЦА — НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

ботает. Но и врачи, и сестры, и больные все еще радостно изумляются. «Когда-нибудь все больницы в стране станут, как наша. Если, конечно, Лужкова выберут президентом России».

Олег Стасенко, врач-реаниматор и наш добровольный гид, каждой третьей фразой благодарно поминает Лужкова. Правда, постоянно оговаривается: «Не только в Лужкове дело. Мы же понимаем: ваши, московские, деньги, вы от себя оторвали». Олег потом щедро угощал у себя дома и ночевать оставил — «что вы будете по гостиницам мыкаться» — и все с тем же рефреном. «Всех москвичей отблагодарить не удастся — хоть кому-то приятное сделаем». Олег, кстати, единственный встреченный мной в Буденновске собеседник, готовый во втором туре стиснув зубы и скрепя сердце голосовать за Ельцина. «Просто я знаю — вы-то, может, и не в курсе, — что преемником Ельцина будет Лужков».

Милицию отстраивать заново не понадобилось. Отремонтировали, покрасили, вставили окна-двери. Перед зданием — мемориал с фотографиями милиционеров, погибших от рук басаевцев. Перед каждой фотографией — живые цветы. Цветы у всех городских мемориалов, а их немало. В больнице, в ТОМ САМОМ корпусе, выгорожен уголок изрешеченной пулями стены, и мраморная табличка: «Здесь бандиты расстреляли заложников». На территории больницы часовня, тоже поставленная в

У ЭТОЙ СТЕНЫ БАНДИТЫ РАССТРЕЛЯЛИ ЗАЛОЖНИКОВ

память о погибших. Ельцин, когда приезжал в середине апреля в Буденновск, предлагал эту часовню городу «подарить». Буденновцы отказались: решили, что ЭТУ часовню возведут на свои средства. Есть кладбище, где похоронены жертвы буденновской войны. (В городе никак иначе эти события и не называют. «Это было еще до войны». «Это случилось через две недели после войны».) И несколько небольших памятников-напоминаний: «Здесь погиб...», «Здесь расстреляны...».

Больной город

Кто-то меня признал: «Журналистка? Вы здесь вроде год назад были?»

Год назад я приехала в тяжело больной город. Больными казались и только-только отпущенные на волю заложники, с пеной у рта готовые защищать басаевцев и доказывавшие, что чуть ли не по собственной воле они бросались на окна при начале штурма. (Потом ученые объяснили, что это такой специальный синдром: захваченный заложник через несколько часов начинает отождествлять себя с террористом.) Не в себе были и те, кто не побывал в заложниках: натерпелись страху за своих близких и соседей, исходили ненавистью ко всем чеченцам на свете, безумно злились и недоумевали от того, что говорили с бывшими пленниками словно на разных языках. За неимением под рукой чеченцев (буденновские чеченцы благоразумно спрятались) раздражение готовы были срывать на журналистах, друг на друге, даже на вернувшихся из плена. Любой прохожий, остановленный вопросом, через пару фраз срывался на крик или плач.

Буденновск хотелось жалеть и лечить.

Теперь вернулась южнорусская приветливость. Теплые улыбки, мягкий говорок с бесконечным «жужжанием» («я же ж тебе же ж про что ж толкую...»). Вроде и ненависти той противоестественной не осталось, и любви патологической. О чеченцах говорят, прямо скажем, без нежности, но спокойно. «Как я к ним могу относиться? К бандитам — как к бандитам, к нормальным — как к нормальным».

Несколько чеченских семей рискнули остаться в Буденновске — деваться-то некуда. Прошлым летом очень неуютно им здесь было. А теперь — ничего.

Неперевернутая страница

В подобных случаях шок должен постепенно перетекать в скорбь. Пережитый ужас — пре-

ЖИЗНЬ В БУДЕННОВСКЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

вращаться в воспоминания. Без этой трансформации не вернется мир, война не станет перевернутой страницей.

Так и здесь — кажется, изжил Буденновск трагедию. Работают, рожают (в новеньком родильном отделении!), радуются лужковскому подарку, поминают павших, ухаживают за могилами.

Но Буденновск страшную страницу еще не перевернул. Ужас не переварился — затаился где-то в подкорке. Только это замечаешь не сразу. Вот хлопнула шина, и женщины вскрикивают несообразно громко, и даже бесстрашные мальчишки вздрагивают и пригибаются. Вот готовятся отмечать годовщину: в режиме аврала доделывают к дате больничные корпуса, сговариваются вместе ехать на кладбище на поминки. Вдруг проносится по городу слух — Басаев появится в городе, будто бы обещал: «Я больницу закрыл, я ее и открою». Страх, смятение, слезы. Вот заговариваешь с бывшими заложниками, просишь рассказать про плен. Они тотчас замыкаются, наотрез отказываются вспоминать. На лицах проступают тогдашняя напряженность и отчуждение.

Перед майскими праздниками откуда ни возьмись — паника: «Чечены на город напали». Люди заметались, кинулись забирать детишек из школ, садиков, яслей, ринулись искать родственников. Или еще. Как-то в городе завязалась бандитская перестрелка. В соседних домах только что не под кровати залезли. Синдром Буденновска — синдром абсолютной незащищенности.

Один милицейский офицер выразил это очень точно: «Мы как дети, которые боятся жестоких и несправедливых взрослых. Вины за собой не знаем, но все время ждем наказания». Буденновского начальника милиции почему-то отстранили от должности. В милиции, да и в городе в целом, так и поняли, что их НАКАЗЫВАЮТ. «Где Басаев спокойно прошел, там никаких никому взысканий. А у нас мало того, что ребята погибли, еще и Кремль недоволен остался. Надо было их на Москву пропустить». «Мы ждали: наградят наших ребят, а их наказывают. Даже тем, кто бой принял, кто ранен был, медалей не дали».

О том, чтобы представить к государственным наградам буденновских медиков, даже речи не было. Им и самим такая мысль в голову не приходит. Ордена-медали вручают летчикам — за выдающиеся бомбардировки сел, омоновцам — за качественные «зачистки». А врачей и сестер, что пять дней оперировали раненых, кормили-поили и успокаивали заложников, принимали роды, вели переговоры с басаевцами и с егоровцами, укрывали от боевиков начальство и милиционеров (их могли прикончить в первую очередь), по требованию боевиков закрывали собой окна, потом спускались и опять оперировали, и все это под дулами автоматов — за что награждать?

Зубной хирург, превратившийся на эти пять дней в незубного, признавался: «Я только к концу и осознал, что произошло. Как зашел в операционную, так не разгибаясь...» Тот же Петр Петрович, который, к слову сказать, даже спасиба не удостоился, — так и живет с егоровской «благодарностью», — обмолвился: «Меня тоже Басаев расстрелять грозился, когда мы с ним решали проблему детского питания. Но потом мы ее решили». Ну да, у них же еще и грудничка, и малые дети были в больнице. И внематочную беременность, как нарочно, пришлось оперировать тогда же, при Басаеве: никак уже нельзя было откладывать. Слава богу, все обошлось.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ КОСТЮЧЕНКО ГЕРОЕМ СЕБЯ НЕ СЧИТАЕТ

Стратегический объект

Буденновск окружен усиленными блок-постами. В самом городе кроме своих, буденновских, полно московских милиционеров и омоновцев. Моего коллегу задержали, как только он начал фотографировать больницу. «Это стратегический объект».

Ребята проявляют потрясающую бдительность, а ведут себя корректно и вежливо. Буденновцы к ним очень хорошо относятся. Только страх не проходит. ■

Краткий курс юбилейной риторики

Президент как гарант празднования Дня независимости

Михаил Стеблев

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«При всем разбросе оценок неоспоримо главное: именно три последних года оказались наиболее значимыми в плане практических преобразований».

«Три года преподали мне даже слишком много уроков, однако главное — это день и ночь помнить об ответственности за судьбу своей страны».

Эти два высказывания Бориса Ельцина можно отнести к любому периоду его президентства. Сказаны же они были на пресс-конференциях в канун соответственно третьей и четвертой годовщины провозглашения независимости.

Ельцин по-разному отмечал 12 июня. И хотя большинство заявлений были привязаны к дате, к торжествам, по ним тем не менее можно проследить происходившие с президентом изменения.

Подъем

1992. Президент отказался от намеченного посещения магазинов в Раменках, поскольку «по запланированному маршруту слишком подготовились». В результате визит был нанесен в другой район столицы. Выступая перед жителями, президент заявил, что дороги назад нет, что Россия должна двигаться по пути реформ — «как бы трудно ни было народу и президенту». В тот же день, выступая по телевидению, Ельцин основное внимание уделил экономическим реформам, но изъяснялся, правда, в основном лозунгами: «Мы проскочили один из самых тяжелейших рубежей... и теперь можно говорить, что реформа будет жить... Непопулярные меры были изначально заложены в реформу, и они будут продолжаться... Верьте в реформу, верьте президенту».

Столь откровенно Ельцин больше никогда не высказывался, не обещал народу трудностей, никогда больше не делал заявлений типа: «Реформы надо проводить ради реформ, а не ради популярности лидера. Поэтому, когда я заявил, что не буду баллотироваться на следующий срок, я еще раз отрубаю еще один рубеж, чтобы не оглядываться на рейтинг популярности. А если уж работать только на популярность, то... из ямы, в которую попали, совсем не выбраться».

1993. Теперь Ельцин говорит о трудностях уже больше в прошедшем времени и обещает скорую стабилизацию (этот тезис станет традиционным для всех последующих июньских спичей): «Жесткость первоначальных действий и решений была оправданна, были нужны неординарные экстренные меры, и они дали результат... Среди россиян все больше утверждается настроение, что самая тяжелая стадия кризиса уже завершается... Люди почувствовали вкус к рынку, перестали его бояться». Акцент в речах президента постепенно смещается с экономических проблем на политические. Ельцин все настойчивее поднимает вопрос о новом Основном законе, над которым как раз в те дни работало Конституционное совещание.

«У меня сегодня гораздо больше уверенности в том, что глубокие политические преобразования в России реальны... России как никогда нужна стабильная правовая основа, нужен новый, внутренне непротиворечивый и стабильный документ... Противоречие между старой партийно-советской и новой демократической государственностью и есть главная причина хронического отставания политических реформ, конфликтов в высших эшелонах власти».

Более жесткие заявления, адресованные Верховному совету, об «артподготовке в августе» и «решительном наступлении осенью», прозвучали чуть позже. За ними последовали октябрьские события. А 12 июня Ельцин лишь сделал один-единственный прогноз: «Выборы в новый парламент должны состояться в октябре этого года — или месяцем раньше, месяцем позже». Президент ошибся на два месяца.

Спад

1994. Президент уже не выглядит бойцом на ринге. Вид у него несколько утомленный, но довольный и спокойный. Осеннее наступление и декабрьский референдум обеспечили ему как минимум два года спокойной жизни. А потому он может неторопливо порассуждать о своих достижениях:

«В стране сложилась новая политическая реальность. Перестал действовать принцип: вся власть — Советам. Теперь страна живет по принципу разделения властей... Настроение гражданского мира, который нарастает в России, отразил Договор об общественном согласии. И это не какой-то сговор верхов, как утверждает непримиримая оппозиция».

Стоит отметить, что это заявление было фактически последней апелляцией к странному соглашению, подписанному президентом, правительством, политическими партиями, спортивными клубами и прочими рыболовецкими хозяйствами.

Спокойствия Ельцину добавляла и уверенность в победе над оппозицией. «Лагерь непримиримых редеет. Оппозиция все больше склоняется к цивилизованным формам политической борьбы... Коммунизма в России не будет».

Можно вернуться к экономическим реформам. Но теперь Ельцин не ограничивается, как раньше, лозунгами и призывами. В его лексиконе появляются экономические термины, которыми раньше пользовались лишь вице-премьеры:

«Основными задачами правительства являются сдерживание инфляции, энергичное продвижение реформы производства и преодоление кризиса неплатежей. Если этого удастся добиться, то уже в июле возможно остановить спад производства в стране».

Эту фразу президент и его окружение повторяют до сих пор как заклинание. Но кризис от этого никуда не девается. Хотя, возможно, Ельцин тогда, в 94-м, имел в виду июль какого-нибудь другого года.

1995. Трудно представить более вялый юбилей независимости и президентства. Ельцин отдыхал в Сочи. Не было ни обращения к нации, ни пресс-конференций. Ничего, кроме интервью газете «Известия». И снова одни призывы: «Настало время накопления сил для подъема отечественной экономики. Впереди прорыв на мировые рынки в качестве независимого, сильного, уверенного в будущем партнера».

У президента был очень плотный день. Он принял участие в теннисном турнире «Большая шляпа», обратился к «псковичам и россиянам» в связи с 775-летием Александра Невского и вечером вернулся в Москву.

Два дня спустя в Буденновск въехал Шамиль Басаев, что не помешало Борису Ельцину улететь в Галифакс.

Всплеск

1996. И на этот раз глава государства обошелся без телеобращений и пресс-конференций. Годовщина независимости стала финальным аккордом предвыборной кампании президента. Разогретые рок-звездами пятьсот тысяч москвичей в майках «№1 — Ельцин» и бейсболках «Ельцин — наш президент», встретили кандидата обычным для таких акций радостным ревом. Его выход 9 мая к толпе, собравшейся на рок-концерт в Волгограде, стал для всех неожиданностью, участие президента в концерте на Васильевском спуске уже казалось чем-то само собой разумеющимся.

Ельцин ограничился короткой речью и вернул микрофон певцам. Видимо, президент решил: все, что мог пообещать, он уже пообещал, и что мог сделать для победы на выборах — сделал. Начавшуюся в феврале при полном отсутствии оптимизма у президентской команды кампанию он завершил словами: «Или я не знаю свой народ, или до второго тура дело не дойдет».

Вечное

Чем дальше отодвигаются драматические события 1990—1991 годов, тем меньше в юбилейных речах президента трезвой оценки пути, пройденного страной за годы его правления, и тем больше голого пафоса.

«Путч 19—20 августа разрушил Союз. А дальше пошел распад на отдельные государства, которые надо было каким-то образом соединить... Но зато открылась другая возможность — стать независимым Российским государством с независимой внутренней и внешней политикой. У нас открылась возможность, которую семь лет мы не могли использовать, — начать экономические и политические реформы, начать переход к демократическому, правовому обществу, к рыночной экономике» (1992).

«Провозглашение Россией своего суверенитета не было самоцелью. Государственность была нужна для решения назревших общественно-политических и экономических проблем, она нужна была для реформирования унитарного, жесткого Союза... Нам пришлось возрождать российскую государственность практически с нуля... Российское государство состоялось» (1993).

«Не буду подробно останавливаться на событиях, которые пережили. Все мы были их очевидцами. Важнее определить, какое влияние оказали эти события на жизнь страны, какой опыт горький и полезный они оставили в нашем общем багаже» (1994).

«Россия, несмотря на трудности и ошибки, шаг за шагом продвигается по демократическому пути, развивает рыночные отношения» (1995).

«Свобода и демократия — другого пути для России не существует. Еще не мало тех, кто против этого выбора. У них нет будущего. В России все больше людей, которые поверили в себя. Время работает на нас» (1996).

Если тенденция сохранится, то, обращаясь к нам по случаю следующей годовщины, президент России только о светлом будущем и будет говорить. Но, как писал американский классик: «Коржики лучше на вкус, чем на слух».

Солнечное сплетение Евразии

За годы после распада СССР мы не только расстались с прежними иллюзиями, но и были вынуждены принять новый исторический вызов. Романтические образы «шестой части суши» или «моста между Европой и Азией» растаяли, уступив место попыткам определить реальные контуры новой России в современной геополитике.

К проблемам, унаследованным от бывшего СССР (территориальные споры с восточными соседями), прибавились новые. Локальные конфликты и зоны напряженности, возникшие по периметру российских границ, заставили искать собственные рецепты от вируса сепаратизма, дремавшего, как выяснилось, и в организме «новой исторической общности — советского народа».

К давлению извне, с Запада и Востока, которое не исчезло после падения «железного занавеса», а лишь приобрело новые формы, прибавились центробежные тенденции внутри самой России и непростые отношения с некогда «братскими республиками». Впрочем, оказавшись в разнородном окружении, Россия только на первый взгляд утратила былые преимущества. Во многих случаях Москва может строить отношения «с чистого листа», если только он изрядно не замаран советским прошлым, а может и использовать старые советские связи.

Новые времена позволили российским регионам по-новому посмотреть на наших традиционных соседей. Скажем, российское Приморье — дальняя, хотя и богатая ресурсами, «антресоль» советской коммунальной квартиры, о которой вспоминали, когда нужно было достать банку крабов или погрозить хорошо вооруженным пальцем соседнему Китаю, — «вдруг» обнаружило, что находится в центре самого динамично развивающегося региона планеты.

Через традиционные связи в Центральной Азии и Закавказье Россия остается весьма активным участником всех политических и экономических процессов от Турции до Ближнего Востока. В то же время Россия остается наиболее продвинутой в Азию влиятельной европейской державой. Такое положение ко многому обязывает: если Москва в ближайшие пять лет не сумеет извлечь выгоду из своего нынешнего геополитического положения, то, возможно, нам вновь придется перерисовывать карту России.

Одним словом, из «оплота коммунизма» в Евразии Россия превратилась сегодня в ее «солнечное сплетение», удар в которое может привести к необратимым последствиям на пространстве от Лондона до Токио.

В центральной части (анклаве) Баренцева моря суда неприбрежных государств несколько лет ведут нерегулируемый промысел трески. Самыми активными ловцами там выступают исландские рыбаки.

В центре Баренцева моря уже выловлено 90 тыс. тонн рыбы. Стоимость нерегулируемого улова оценивается в 100 млн. долл. Решить проблему пока что не удается — исландцы требуют слишком большую тресковую квоту в экономической зоне России. По мнению ученых, если в ближайшее время не прекратить промысел в этом районе, запасы трески в Баренцевом море будут подорваны. Это нанесет экономический ущерб двум прибрежным государствам — России и Норвегии.

Конституция Эстонской Республики закрепляет прохождение российско-эстонской границы по Тартускому договору 1920 года. Согласно этому документу, Эстонии принадлежит часть территории Российской Федерации. Похожие проблемы существуют и с Латвией, парламент которой принял постановление «О непризнании аннексии города Абрене и шести волостей Абренского уезда». Сегодня эти территории — часть Российской Федерации.

Не определен статус Каспийского моря, к которому, кроме России, выходят Иран, Туркменистан, Казахстан и Азербайджан. Сегодня статус Каспия регулируют устаревшие советско-иранские договоры 1921 и 1940 гг.

Границы России в Кавказском регионе непосредственно примыкают к конфликтным зонам (Чечня, Абхазия, Южная и Северная Осетия).

В будущем не исключено появление новых очагов напряженности. Определенные сложности могут возникнуть с точным установлением границы между Россией и Азербайджаном: пограничная река Самур часто меняет свое русло. Кроме того, лезгинское национальное движение «Садвал» выступает против проведения российско-азербайджанской границы, поскольку, по мнению его членов, она разделит на две части лезгинский народ, живущий и в Дагестане, и в Азербайджане.

Жертвы новых границ

Вопреки бесчисленным прогнозам о грядущей массовой эмиграции из распадавшегося СССР, которыми Запад пугал себя на рубеже 80—90-х годов, многолюдные потоки беженцев из бывших советских республик создали наибольшие проблемы как раз для самой России.

По данным Федеральной миграционной службы, за шесть лет существования суверенной Российской Федерации на ее территорию переехало примерно 2,7 миллиона человек из стран ближнего зарубежья (официально зарегистрировано, впрочем, чуть более миллиона беженцев и вынужденных переселенцев). Многие из них стали жертвами тех перемен, которые не нашли отражения ни на новых картах, ни в межправительственных соглашениях новорожденных государств (отказ от предоставления гражданства, межэтнические столкновения и т.п.).

Основная часть — примерно 70 процентов вынужденных мигрантов — прибыла в Россию из Центральной Азии. По данным Федеральной миграционной службы РФ на начало второго квартала 1996 года, по регионам исхода вынужденные переселенцы в Россию распределяются следующим образом:

Таджикистан — 190 000;
Казахстан — 176 000;
Узбекистан — 147 000;
Грузия — 120 000;
Азербайджан — 106 000;
Киргизия — 73 000;
Молдавия — 20 000;
Абхазия — 17 000;
Латвия — 16 000;
Туркмения — 8 000;
Эстония — 8 000;
Армения — 7 000;
Украина — 5 000;
Литва — 2 500;
Белоруссия — 360.

Внутри России:
Чечня — 122 000 (всего в связи с чеченским конфликтом в ФМС за помощью обращались более 400 тысяч человек);
Северная Осетия — 50 000;
Ингушетия — 1 200;
Остальные регионы РФ — 1 000.

Среди вынужденных мигрантов в Россию подавляющее большинство — более 600 тысяч — составляют русские. За ними следуют татары (67 тысяч), армяне (более 50 тысяч), осетины (43 тысячи), грузины (почти 10 тысяч), азербайджанцы (более 6 тысяч), чеченцы (3 с половиной тысячи), абхазы (около 2 тысяч).

Учитывая, что всего за пределами бывшего Союза проживает около 25 миллионов тех, кто считает себя русскими, достаточно ясно, что пограничные проблемы новой России отнюдь не являются исключительно проблемами ее внешней политики.

Очагами потенциального конфликта могут стать Бурятия, Тува и Алтай, примыкающие к российско-монгольской границе, линия которой также давно не уточнялась. Хотя перспектива такого сценария кажется маловероятной, в случае дестабилизации в Китае эксперты не исключают попыток объединения Внутренней Монголии, Монгольской республики с братьями по вере и этнической принадлежности в России.

Остается неурегулированной проблема южнокурильских островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хабомаи, которые Япония считает своими «северными территориями». Россия предлагает оставить решение будущим поколениям.

Несмотря на то, что Москва и Пекин уже договорились о проведении демаркации российско-китайской границы, это по-прежнему вызывает возражения в Приморье.

Зоны территориальных претензий к России

Демаркация границы не завершена

Границы, требующие уточнения

Границы со странами СНГ, входящими в Таможенный союз

Границы со странами СНГ, не входящими в Таможенный союз

Границы России в зонах повышенной конфликтности

Границы России, которые не изменились со времен СССР

Основные миграционные потоки

Цифрами обозначены:

1 Азербайджан
2 Армения
3 Грузия
4 Калининградская область РФ
5 Литва
6 Латвия
7 Эстония
8 Финляндия
9 Норвегия

НАД КАРТОЙ РАБОТАЛИ: ВАЛЕРИЙ БАТУЕВ, ДМИТРИЙ УХЛИН, ИРИНА РОЗЕНБЕРГ

Москва между Востоком и Западом

Какая из двух голов российского орла умнее

Алексей Пушков

ДИПЛОМАТИЯ

Главным смыслом внешней политики Кремля последних лет было сближение с Западом, которое лишь накануне выборов немного уравновесил эффектный визит Бориса Ельцина в Пекин

...РОВНО ЧЕТЫРЕ ГОДА ТОМУ назад Борис Ельцин в строгом темно-синем костюме, с идеальным пробором в седых волосах, явно волнуясь, но с достоинством вступил в зал палаты представителей американского Капитолия, чтобы выступить перед объединенным заседанием обеих палат Конгресса США. Это был его первый полномасштабный визит в Вашингтон. Американский политический класс только присматривался к новой России.

Речь президента России была ясной, выразительной и не слишком длинной. Она 10 (!) раз прерывалась аплодисментами. Причем последняя овация, которую устроили Ельцину, длилась почти две с половиной минуты – больше, чем дежурные аплодисменты на съездах КПСС.

Четыре года спустя картина наших отношений с Западом намного противоречивее. Сначала обнаружилось, что интересы США и России совпадают далеко не во всем. Затем в России вновь усилились коммунисты и национал-патриоты. Державное начало, хотя и смягченное, вернулось в политику Москвы, которая стала позволять себе не соглашаться с Вашингтоном — то по поводу Боснии, то из-за санкций против Ирака, то в связи с продажей ядерных реакторов Ирану. Кремль все больше раздражали попытки ослабить российское влияние в ближнем зарубежье – игры с Украиной, в том числе натовские, носящие отчетливый стратегический оттенок; окрики из Вашингтона, раздававшиеся всякий раз, как у нас возникал спор с Эстонией или Литвой. В добавление к этому попытки ущемить интересы России на внешних рынках.

Однако главным камнем преткновения стала перспектива расширения НАТО. Это единственная проблема, которая может вывести Бориса Ельцина из себя, когда речь заходит о внешней политике. В результате Россия и НАТО вступили в затяжной, вязкий спор по поводу будущего альянса. Спор, когда обе стороны находятся на грани того, чтобы вновь стать врагами, но не готовы переступать черту. Последняя сессия Совета НАТО, прошедшая в начале июня в Берлине, весьма показательна. Подтвердив неизменность своих намерений, союзники в то же время сделали все, чтобы убедить приглашенного на сессию Евгения Примакова в полной безвредности расширения НАТО для России. До сих пор такие усилия ни к чему не приводили. Однако особенность берлинской сессии в том, что с нее все ушли довольными, в то же время ничем не поступившись.

В НАТО пришли к выводу, что Россия смягчила свою позицию и готова согласиться с расширением блока, если НАТО не будет размещать в странах Восточной Европы ядерное оружие и большие воинские соединения. Это, кстати, было тут же опровергнуто Примаковым, заявившим, что принципиальная оппозиция Москвы планам приближения инфраструктуры НАТО к российским границам остается неизменной. Со своей стороны, Примаков вынес из Берлина мнение, что прежнее единство внутри НАТО по поводу расширения альянса начинает постепенно размываться. Это было в свою очередь тут же опровергнуто западными политиками. Вся эта ситуация напоминает позиционный бокс, когда соперники пляшут друг перед другом, прикрывают голову, делают угрожающие жесты, даже намечают удары, но к боксированию не переходят.

Сей парадокс объясняется просто: ни одна из сторон не хочет потерять другую как партнера. Запад уже немало вложил в Россию всяческого капитала — и политического (прежде всего США), и финансового (прежде всего Германия), и психологического (перспектива нового нацеливания российских ракет на США и страны НАТО никого там не прельщает). Три года тому назад покойный Ричард Никсон — видимо, самый опытный во внешнеполитическом плане из американских президентов — заклинал Запад «не потерять Россию». Запад и хотел бы ее «сохранить», однако упорно отказывается признаться себе в том, что ничего хуже, чем расширение НАТО, для этой цели придумать нельзя.

«БОЛЬШАЯ СЕМЕРКА» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «БОЛЬШУЮ ВОСЬМЕРКУ»

Великое искушение Востоком

На фоне такого развития событий в Кремле вспомнили, что у российского орла вторая голова повернута на Восток. Возобновление интереса к Востоку закономерно и оправданно, и продиктовано не только стремлением найти там противовес НАТО. России необходима полная нормализация отношений с Китаем и с точки зрения безопасности, и в торгово-экономическом плане. Нынешний товарооборот, составляющий лишь 5,5 млрд. долларов, явно не отвечает ни возможностям, ни потребностям двух стран. Причем Китай заинтересован не только в российском оружии. Его динамично развивающаяся экономика (ежегодный прирост на 10–12 процентов) нуждается в нашем газе, нефти, электроэнергии. Готовы в Пекине также и на сотрудничество с Россией в области атомной энергетики.

России нет смысла отказываться от уже наработанных связей с Ираком, особенно в сфере нефтедобычи и строительства. Тем более в условиях, когда к ослаблению и последующей отмене санкций против Ирака усиленно готовятся другие державы, например, Франция и Италия, уже сейчас создающие почву для броска в Ирак своих нефтяных концернов «Эльф-Акитэн» и «Аджип». С этой точки зрения прошлогодний визит в Багдад министра топлива и энергетики России Юрия Шафраника выглядит совершенно обоснованным. Москва надеется и на возвращение – хотя бы в перспективе – иракского долга, составляющего более 7 млрд. долларов.

Иран, хотя и считается в Америке чуть ли не главным врагом на мировой арене, для России также весьма важен. Хотя бы потому, что способен влиять на ситуацию в Закавказье и в среднеазиатских республиках – членах СНГ. От Ирана многое зависит и в деле разработки нефтяных богатств Каспийского моря. Наконец, Иран может стать в перспективе важным торговым партнером России: при благоприятном развитии событий товарооборот с ним, по прогнозам МВЭС, превысит 10 млрд. долларов ежегодно. Причем Иран заинтересован в продукции российского машиностроения, так что торговля с ним улучшит структуру российского экспорта. Поэтому вызывающий столько споров контракт на сооружение Россией атомных реакторов в Бушере важен не только сам по себе, но и как первое испытание возможностей такого сотрудничества.

Даже близкие союзники США не вняли американским призывам к торговым санкциям против Ирана – у торговли свои законы. Да и сами США, несмотря на жесткую антииранскую позицию, продолжают оставаться основным торговым партнером Ирана.

Словом, корректировка российской политики в отношении стран Азии необходима. Но нужна именно корректировка, а не немедленная переориентация в ущерб отношениям с Западом.

Дело в том, что сотрудничество России с богатыми нефтью Ираком, Ливией, Ираном даже при самых лучших внешних условиях может носить лишь ограниченный характер. Речь идет прежде всего о торгово-экономических контактах, причем и на их перспективы надо смотреть трезво. В случае снятия санкций Ирак сможет расплачиваться по контрактам нефтью, но возможности оплачивать российские долги у находящейся в тяжелом экономическом положении страны еще долго будут ограничены. Что же касается продажи Багдаду вооружений, то при Хусейне такие поставки с нашей стороны вряд ли разумны, не говоря уже о том, что в ближайшие годы они опять же могли бы осуществляться в основном в долг.

С Ираном и Ливией дело обстоит несколько лучше, но возможности этих стран не стоит переоценивать. У Ирана, долго казавшегося бездонной нефтяной бочкой, намечаются проблемы с нефтью, запасы которой постепенно истощаются. Отсюда интерес Тегерана к альтернативным источникам энергии. Ливия может переварить лишь несколько крупных контрактов. Ни у той, ни у другой страны нет свободных капиталов, которые они могли бы инвестировать в российскую экономику.

Наконец, Китай. При всем его впечатляющем экономическом росте и гигантском потенциале, сегодняшний Китай не может стать основным партнером и тем более союзником России. Во-первых, его одолевают огромные социальные, демографические и экологические проблемы. Доход на душу населения в Китае по-прежнему один из самых низких в мире — около 300 долларов в год. Поэтому Китай еще достаточно долго будет нацелен скорее на внутреннее развитие и привлечение инвестиций, чем на внешнюю экономическую экспансию. Во-вторых, Китай не располагает современными технологиями и «ноу-хау». Как и Россия, он рассчитывает получить их на Западе, от Японии и от «азиатских тигров». Обе наши страны зависят от одних и тех же источников инвестиций и технологического обновления.

В-третьих, Китай вряд ли заинтересован в таком сближении с Россией, которое могло бы чрезмерно насторожить западные страны, и прежде всего США. У Пекина и так достаточно причин для серьезных трений с Вашингтоном, чтобы еще более осложнять их чрезмерным сближением с Россией, особенно если она начнет двигаться в антизападном направлении.

Слов нет, для России на Востоке, конечно, есть перспективы. По некоторым данным, после 2010 года азиатско-тихоокеанский регион будет потреблять энергоносителей больше, чем США и Европа вместе взятые. Тут-то и пригодятся до сих пор неразведанные или неразработанные залежи нефти и газа в Сибири. Возможно, появится шанс развернуться и пережить собственный экономический бум нашему Дальнему Востоку.

И все-таки — Запад

Все-таки Восток для России — дело будущего. А пока, судя по всему, именно страны Запада остаются для нас основным источником кредитов и капиталовложений. Среди десяти ведущих зарубежных государств, вкладывающих капиталы в в российскую экономику, есть только одно азиатское — Япония. Лидерами же выступают США и Германия. Правда, пока объем этих инвестиций невелик — всего их поступило начиная с 1991 года 6,7 млрд. долларов США.

Более 40 % нашей внешней торговли приходится на страны Европейского союза. Оттуда же идет основной импорт. С ЕС у нас заключено соглашение о развитии экономических связей, которое в 1998 году должно — при благоприятном развитии событий — перерасти в соглашение о свободной торговле. Договоренности о реструктуризации наших долгов, позволяющие не только перенести их выплату в будущее, но и получать новые кредиты, были достигнуты с западными финансовыми организациями — с Лондонским и Парижским клубами. У России уже налажено устойчивое сотрудничество с МВФ и Мировым банком.

Следует признать и то, что на Западе к России проявляют намного больше интереса, чем в Азии. Не случайно регулярное участие президента Ельцина в заседаниях «большой семерки», причем Германия и Франция уже выступают за ее превращение в «восьмерку» с приемом России. Россия является членом ОБСЕ и Совета Европы, то есть уже существенно интегрирована в европейские структуры.

Основным препятствием на пути сближения России и Запада может оказаться расширение НАТО на Восток. Однако при сбалансированной позиции обеих сторон — отказе альянса от военного компонента и признании Кремлем приближения НАТО к российским границам внутренним делом Североатлантического договора — можно хотя бы в торгово-экономических областях избежать негативных последствий этого расширения. В случае чрезмерной твердости Запад рискует оттолкнуть движущуюся ему навстречу Россию. ■

Алексей Пушков, директор ОРТ по общественным и международным связям, политический обозреватель газеты «Московские новости»

ЭКСКЛЮЗИВ

Мы не хотим изолировать Россию

Генеральный секретарь НАТО Хавьер СОЛАНА специально для журнала «ИТОГИ»

Последние годы России пришлось столкнуться с проблемами, решить которые по плечу разве что Геркулесу. Ваша страна переживает одновременно политическую и экономическую трансформацию. Я — испанец, и мне хорошо знакомы подобные трудности, поскольку процессы, идущие в России, сравнимы с проходившими в свое время на моей родине. Конечно, Испания куда меньше, чем Российская Федерация, и ее проблемы были гораздо менее сложны. Но и этого достаточно, чтобы понять – политические и экономические преобразования не могут не вызывать определенного недовольства в обществе. Тем более что в регионах реформы идут особенно трудно. И все же, несмотря на все сложности, за минувшие пять лет Россия очень изменилась.

Я отношусь к России с искренней и глубокой симпатией. Хочу пожелать, чтобы вне зависимости от исхода президентских выборов ваша страна продолжала идти путем политических и экономических реформ. Как мне кажется, только двигаясь по такому пути, можно добиться гарантированного благосостояния народа. В конечном итоге ведь политики для того и существуют, чтобы стараться помочь стране добиться процветания, сохранить мир и дать гражданам возможности для самовыражения и развития своих способностей.

Мы на Западе ни в коем случае не хотим изолировать Россию, как не хотим и того, чтобы ваша страна изолировала сама себя.

Елена Висенс, Дмитрий Погоржельский

ВОКРУГ РОССИИ

День продлится дольше XX века

Югославская пятилетка российской политики

Андрей Стахов

БАЛКАНЫ

ЗАРЯ НОВОЙ ЕВРОПЫ ПОЛУЧИЛАСЬ КРОВАВОЙ: войны в Югославии боялись все, но никто не предполагал, что она окажется столь долгой и столь тягостной. Ни Германия, ускорившая коллапс федерации решением о признании независимости Словении и Хорватии. Ни ООН, долго пребывавшая в убеждении, что резолюции ее Генассамблеи способны остановить набиравшую ход машину смерти. Ни социалистический романтик Михаил Горбачев, открывший пятилетку новой политики на Балканах наивной попыткой охладить воинственный пыл югославских лидеров своим миротворческим обаянием во время краткой встречи в Москве.

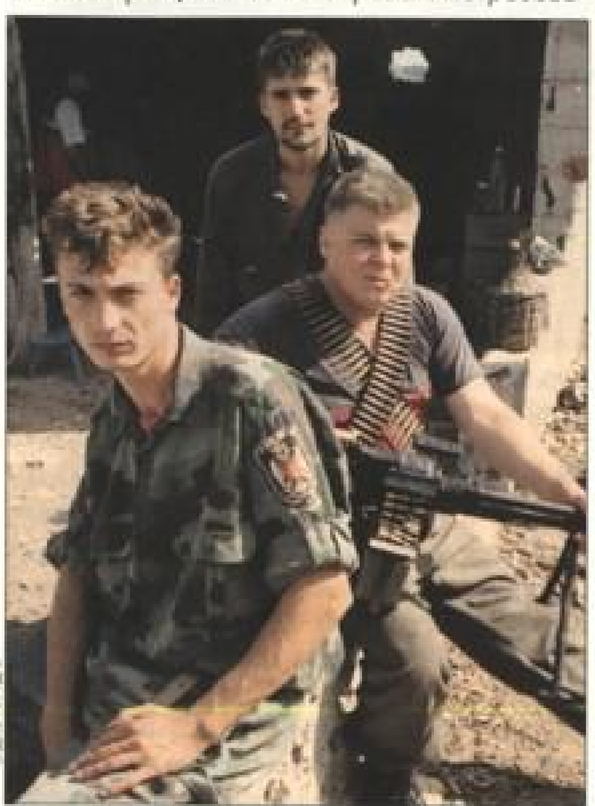
Холодный рассвет

Кремль долго выстраивал линию поведения в зоне нового кризиса — но, замечу, делал это ничуть не хуже других. По сути, только к концу лета 1992 года мировое сообщество предприняло первую по-настоящему серьезную попытку комплексного урегулирования кризиса, созвав в Лондоне конференцию по бывшей Югославии.

Россия и там попыталась выступить со всеобъемлющей концепцией, основанной на том, что Москва (официально по крайней мере) находится в центре «геополитического треугольника Белград—Загреб—Сараево». На практике, однако, выдержать такой баланс было невозможно уже по трем причинам. Во-первых, контакты между российским (советским) и белградским истеблишментом были более развиты. Во-вторых, в Москве и Петербурге весьма активно действовало мощное сербское лобби. И наконец, на первом этапе конфликта в России произошел, может, не столько массовый, сколько бурный всплеск симпатий к «борьбе сербских братьев против католической и мусульманской угрозы».

Все эти комитеты славянского братства, добровольческие казачьи формирования, отправлявшиеся воевать в Боснию и Хорватию, сербско-российские научные центры, запальчивые выступления депутатов ВС РСФСР по возвращении из Белграда и пр. не оказывали реального воздействия на формирование официальной стратегии Кремля на Балканах, однако создавали видимость активности, которая позволяла кому угодно упрекать Москву в пробелградской и соответственно антизагребской пристрастности. Впрочем, к лету 1993 года «народная волна» себя в основном исчерпала: конфликт на Балканах затягивался, и патриотам «славянства» надоело без видимого результата отстаивать свои идеалы в чужой земле. Зато они преуспели в другом: внутриполитический аспект новой югославской политики Москвы начал все заметнее превалировать над внешнеполитическим.

Борис Ельцин не раз и не два использовал балканский вопрос в качестве политического дышла. Захотел президент сделать реверанс в адрес российских демократов — и тотчас рекомендовал дипломатам вспомнить о том, что все народы бывшей Югославии, а не одни только сербы, славянских кровей. Потребовалось сделать уступку патриотам-почвенникам — бац кулаком по столу: не дадим сербов в обиду! Однако сколько-нибудь заметного капитала таким образом Ельцин, мастер быстрых решений, не набрал — а потому со временем и утратил видимый интерес к развитию событий на юго-востоке Европы.

1993 ГОД. СЕРБСКАЯ КРАИНА. РУССКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ ВОЛОДЯ ПОЗИРУЕТ С МЕСТНЫМИ ОПОЛЧЕНЦАМИ

Успешно укреплял свой демократический имидж, эксплуатируя балканскую тему, и министр Козырев. Поскольку порой его демократизм носил характер совершенно самодостаточный, то Москва не могла похвастать какой бы то ни было последовательностью своей линии в отношении бывшей Югославии.

В силу этих причин первый этап миротворчества на Балканах был окрашен преимущественно в европейские цвета. И хотя начищенная каска российских брандмейстеров временами сверкала довольно ярко (эксперты-балканисты считались гордостью Смоленской площади) в отсветах разгорающегося на Балканах пожара, толку от этого было немного. Увы, и европейские дипломаты непозволительно долго не тушили очаг напряженности, а выясняли, по плану каких пожарных его надо тушить. Наконец, выстроившись в более или менее стройные колонны, насоздавали контактных групп, координационных комитетов и взялись за дело, как казалось, засучив рукава.

Солнце в зените: «Красная жара»

Дипломатическое солнце Москвы поднялось к зениту балканского неба весной 1994 года, когда в здании российского посольства в Загребе был подписан договор о начале мирного урегулирования в сербских краинах. Этот документ, как выяснилось в дальнейшем, был основан на столь шатких и широко трактуемых компромиссах, что стороны-подписанты без особого труда блокировали его выполнение. Так или иначе, война в Хорватии на время показалась остановленной, хотя и мир как бы не наступил. Триумф не триумф, а все ж достижение: тогдашний представитель российского президента на Балканах Виталий Чуркин стал любимым персонажем местных газет. Москва приняла активное участие и в выработке летом 1994 года очередного плана территориального размежевания в Боснии «49:51» (на его основе, с некоторыми изменениями, обусловленными последующими военными приобретениями сторон конфликта, и оказалась в итоге поделенной страна), а российский представитель в международной контактной группе Алексей Никифоров, по устоявшемуся мнению, заметно превосходил своей квалификацией коллег по миротворческой деятельности. Кое-кто даже почуял, что мир на Балканах может быть расписан по кремлевскому рецепту.

Примерно в то же время свой пирог (пожалуй, первый за все время своего пребывания на югославской кухне) испекли и американцы. Весной 1994 года госдепартаменту удалось заставить хорватских и мусульманских лидеров подписать в Вашингтоне соглашение о прекращении боевых действий и формировании двунациональной федерации в Боснии и Герцеговине. Антисербский рецепт оказался недостаточным для выпечки дружбы из прежней смертельной вражды. Американцы колдуют над этим блюдом до сих пор, расходуя массу дипломатического теста и финансовых дрожжей, заодно подтверждая, что редкая миротворческая инициатива в бывшей Югославии может похвастать большим КПД, чем паровоз братьев Черепановых.

Россия не стала исключением из этого правила. Развитие мирных и военных процессов в бывшей Югославии довольно быстро показало, что Москва неспособна в течение долгого времени удерживать дипломатическую инициативу. «Красная жара» на Балканах простояла недолго. Перелом наступил на рубеже 1994—1995 годов, когда загребские власти и лидеры мятежных краинских сербов общими усилиями похоронили очередную плодотворную инициативу международных посредников, получившую название «Загреб-4». Одной из единиц этой четверки, одним из авторов новой формулы сербской автономии в Хорватии был российский посол в Загребе Леонид Керестеджиянц, которому какое-то время Москва позволяла работать в режиме свободного дипломатического поиска. Итоги этого поиска оказались плачевными: проект, принятый обеими сторонами конфликта, загребские власти в конце концов с негодованием отвергли, углядев в нем попытку реализовать концепцию сербского «государства в государстве» и стремление Москвы установить свои правила игры в регионе. Судя по всему, здесь не обошлось без участия Вашингтона, поначалу активно подталкивающего процесс «Загреб-4». Но шестеренки дипломатической машины в итоге не пришли в нужное соприкосновение: обрадованные возникновением очередного переговорного стопора, хорваты предпочли военное решение проблемы, в итоге оказавшееся для них весьма эффективным.

«Загреб-4» стал последним всплеском действительной российской политической активности в сербско-хорватском кризисе: Керестеджиянц, судя по всему, опору на Смоленской площади потерял и впредь сколько-нибудь широкомасштабных инициатив не выдвигал. Мало-помалу сменился состав российской команды балканистов. В конце 1994 года утратил прежнее дипломатическое амплуа становящийся, очевидно, опасно продуктивным и слишком популярным Виталий Чуркин: родина (и министр Козырев) сочла необходимым его присутствие не где-нибудь, а на посту главы дипломатического представительства в Брюсселе. Чуркина в качестве главного эмиссара Москвы на Балканах заменил бывший посол в Сирии Александр Зотов, превосходивший предшественника по части умения проводить ближневосточно-балканские аналогии, но уступавший ему по репутации среди международных посредников. Чуть позже оставил хлопотную должность в контактной группе Алексей Никифоров, перебравшийся на пост российского посла в куда более спокойную Словению. Солистами, озвучивающими балканскую позицию Москвы, стали заместители министра иностранных дел Николай Афанасьевский и Игорь Иванов.

Кремль на глазах терял былое желание солировать, чему способствовали не только внутриполитическая конъюнктура, но и «помощь» партнеров по урегулированию, прежде всего американцев, нащупавших наконец свои жизненно важные интересы на Балканах. Последнее особенно ярко проявилось на финальном этапе войны, когда американцы элегантно переходили дорожку «российскому стратегическому партнеру». В любом случае Москве — да и не ей одной — никак не под силу состязаться с заокеанской дипломатией в напористости, умении мобилизовать для достижения успеха яркие дипломатические таланты, деньги, не брезгуя и удушающими борцовскими приемами против участников конфликта.

Смена мидовской команды, «работавшей» по югославскому кризису, таким образом, ознаменовала и смену курса. В бывшей Югославии затихло соло московской балалайки. Пришло время тех, кто играет на банджо.

Закат: туман и ветер

Творец дейтонского процесса Ричард Холбрук по прозвищу Танк был только первым из эмиссаров. Вашингтон буквально запрудил бывшую Югославию официальными и полуофициальными представителями. Здесь побывали (и не по одному разу) едва ли не все заместители государственного секретаря, неимоверное количество отставных и действующих генералов, сенаторов, советников и просто сочувствующих свободолюбивой борьбе югославянских народов за независимость.

1996 ГОД. БОСНИЯ. РОССИЙСКИЕ СОЛДАТЫ ОБЕСПЕЧИВАЮТ ВЫПОЛНЕНИЕ ДЕЙТОНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ ВМЕСТЕ С ВОЙСКАМИ СТРАН — ЧЛЕНОВ НАТО

Наступление сербов в районе Сребреницы и Жепы (июль 1995 года), а затем целая череда хорватских боевых операций в юго-западной Боснии, в Книнской Краине и (при некотором участии союзной правительственной мусульманской армии) на северо-востоке Боснии создали новый военно-стратегический паритет в регионе, в принципе устраивающий США. Не секрет, что весь пакет дейтонских соглашений, так же, впрочем, как и договор о мирной реинтеграции Восточной Славонии в состав Хорватии, был составлен при решающем участии американцев. Это обстоятельство серьезно обеспокоило не только Россию, но и Западную Европу, прежде всего Германию, в значительной мере утратившую свои позиции в регионе. Не случайно сегодня песне «Спасибо, Германия!» в Загребе предпочитают рассуждения о том, что именно Хорватия избрана на роль стратегического партнера США в Юго-Восточной Европе.

Впрочем, и Европа спохватилась поздно — поезд уже ушел. Мирное урегулирование — дело весьма дорогостоящее, что стало очевидно после того, как расходы на миротворческую операцию в Боснии перестали оплачиваться ООН. В Силах по выполнению соглашения каждый платит сам за себя — именно поэтому заявление Павла Грачева о готовности Москвы выделить для умиротворения «хоть две воздушно-десантные дивизии» мало кто воспринял всерьез. Российский воинский контингент в Боснии (1600 человек) составляет чуть более двух процентов всего личного состава СВС — американцы, замечу, обеспечивают и оплачивают треть «живой силы» дейтонского процесса (20 тысяч человек), что примерно соответствует суммарному вкладу Великобритании, Франции и Германии. В рамках той же логики зоной ответственности российской бригады оказался «медвежий угол» северо-восточнее Тузлы, что имеет лишь одно рациональное объяснение: ни для переброски и содержания тяжелой техники, ни для организации мобильного патрулирования, ни, кстати, для своевременной выплаты зарплаты просто не хватает денег.

США, помимо прочего, лидируют и в деле экономического восстановления Боснии, и в довооружении и обучении хорватско-мусульманских вооруженных сил, и в гуманитарных поставках. А это раздражает и Бонн, и Париж, и Лондон, которые с трудом привыкают к тому, что в бывшей Австро-Венгрии американцы принялись командовать, как в какой-нибудь Гватемале. Европа, однако, пытается нащупать контригру: так, коллективными усилиями стран—членов ЕС была фактически отвергнута американо-турецкая формула финансирования правительственной армии Боснии. Москве же вряд ли стоит рассчитывать на то, что ее включат в общеевропейский фронт борьбы за мир в Боснии — да в нем, впрочем, вряд ли есть сегодня нужда.

Смена главы российского МИДа совпала с объективным ослаблением дипломатического потенциала Москвы на Балканах и с некоторыми переменами в позиции югославского руководства. Евгений Примаков, переиначивший внешнюю политику на горчаковский ма-

нер, куда в меньшей степени, чем его предшественник, озабочен поддержанием статуса великой державы в отдаленных от границ бывшего СССР регионах. Смелые инициативы чуркинского толка и интересные переговорные комбинации сегодня не в моде, в том числе и в бывшей Югославии. Москва вынуждена довольствоваться ролью хориста.

Перемену ветра уловили и в Белграде. Милошевичу по-прежнему в критических ситуациях, кроме России, опереться не на кого — однако конфликт когда-нибудь кончится, и тогда югославской экономике, истощенной санкциями, потребуются значительные инвестиции. Российскими эти инвестиции не будут — откуда у Москвы такие деньги? Легкий флирт Белграда с Бонном и Парижем, принявший особенно куртуазные формы после восстановления в полном объеме дипотношений между странами ЕС и СРЮ, вскоре может перерасти в серьезный роман. Западноевропейцы, обеспокоенные резким ростом американского влияния в своем доме, готовы ставить на Белград столь же серьезно, как когда-то ставили на Загреб и Любляну.

России в этой ситуации приходится протягивать ножки по одежке. Что не плохо, не хорошо, не позорно и не почетно — таков сегодня реальный геополитический вес государства Российского. Даже если братья-сербы и предоставят Павлу Грачеву возможность развернуть в югославском порту Бар военно-морскую базу, тут же возникнет вопрос о том, зачем она там нужна и во сколько это удовольствие обойдется. Россия свою дипломатическую стратегию на Балканах в последнее время реализует непрямыми путями: через каналы Совета Безопасности ООН, используя свое представительство в миротворческой операции в Хорватии и Боснии.

Число дипломатов в Загребе (военный атташе приехал сразу после подписания мирного договора — то есть исключительно вовремя) и Сараево (представительство открыли после окончания войны) растет, увы, в обратной пропорции к эффективности их усилий. Высокопоставленные российские вельможи в бывшей федерации теперь куда более редкие гости, чем прежде. Первый замминистра Игорь Иванов после своей поездки в октябре прошлого года по странам региона заглянул на Балканы лишь полгода спустя — за неделю майских праздников он объехал в бывшей Югославии все, что только представляло дипломатический интерес. В конце мая в Белград заглянул и Евгений Примаков — но скорее лишь для демонстрации традиций российско-югославских отношений. Круг замкнулся. Россия вернулась к повторам самой себя: снова в ходу тезисы о «равноудаленности Москвы от всех сторон конфликта».

Российское солнце на Балканах, похоже, садится. Наступил долгий, довольно прохладный вечер. Политической астрономии, правда, известны случаи, когда светила вдруг начинают двигаться вспять.

Белград — Сараево — Загреб

Наши Страсбургские университеты

Формально Россия зачислена в члены Совета Европы с февраля 1996 года. Однако по сути она лишь допущена к вступительным экзаменам

Дмитрий Сабов

СОВЕТ ЕВРОПЫ

Отношения Москвы с организацией, призванной утверждать в послевоенной Европе стандарты прав человека и демократии, с самого начала приняли характер экзаменационной сессии, затянувшейся на неприлично долгое время. Одна из причин — удивительная скандальность и неподготовленность абитуриента.

Бог знает почему, среди наших избранников, начавших наведываться в тихий Страсбург с советских времен, стало правилом возвращаться на родину в ореоле скандала. Убеждения не играли особой роли. Националист Жириновский, к примеру, швырялся в местных демонстрантов кусками газона. А демократ Ельцин повергал в глубокий шок местную общественность, рекомендуя в мужской компании избрать мэром Страсбурга не г-жу Троттман, а кого-то из представителей сильного пола...

Эта традиция — давать советы Европе, не будучи принятой ни в одну из ее организаций, — не прервалась и после того, как Россия в июне 1992 года (между прочим, раньше многих соседей по соцлагерю) подала официальную заявку на вступление в СЕ. Три года подряд она проваливала экзамены, пропуская вперед более старательных, хотя, в общем, не самых сильных учеников — Албанию, Украину. В кулуарах Дворца Европы политики комментировали подобную практику жестко («с какой стати мы должны быть снисходительнее к России, чем к Сан-Марино?»), но обреченно. Как-то само собой было ясно, что из всех существующих европейских организаций в качестве жертвы на алтарь дружбы с новой Россией будет принесена именно эта.

За полгода до президентских выборов в РФ так и произошло. Россия не была признана в полной мере правовым государством, ибо не удовлетворяла принципиальным требованиям: прекращение военных действий в Чечне, отмена смертной казни, приведение законодательства в соответствие с наиболее принципиальными конвенциями по правам человека. Однако гордыню при этом Москва все же смирила: обязалась выполнить все требования, подписала (но еще не ратифицировала) ряд принципиальных конвенций. В свою очередь Совет Европы снизил проходной балл: на первый план вышли «геополитические соображения». Организация в одночасье стала едва ли не самым масштабным политическим объединением мира, простирающимся от Португалии до Японии. С той поправкой, что на доброй половине этой территории ее нормы действуют лишь частично.

ГЕНСЕК СЕ ДАНИЕЛЬ ТАРШИС (СЛЕВА) НАПОМИНАЕТ, ЧТО ПРОХОДНОЙ БАЛЛ ДЛЯ РОССИИ БЫЛ НЕСКОЛЬКО ЗАНИЖЕН

Впрочем, в «санатории демократии», как назвал однажды СЕ болгарский депутат Филип Боков, прекрасно отдают себе отчет в том, что подобное вступление может оказаться пирровой победой, причем не только для абитуриента, но и для всего учебного заведения. Главный аргумент сторонников приема России — дескать, на государство, ставшее членом Совета, оказывать влияние легче, чем на государство, оставшееся за его пределами, — серьезно поколеблен сомнительными итогами выборов в Албании, с июня 1995-го также являющейся членом СЕ. Конечно, история Совета, существующего с 1949 года, знает случаи исключения, но на сей раз дело куда сложнее. Исключить одно из 15 государств Восточной Европы, принятых в 90-е годы, значит, поставить вопрос и о предъявлении более жестких требований и к 14 остальным.

Любой исход выборов в России заставит изрядно поволноваться страсбургских экзаменаторов, причем не только в силу их значимости и масштаба возможных нарушений. В случае если СЕ и дальше будет иметь дело с Россией Ельцина, в повестку дня автоматически встает вопрос о выполнении взятых до выборов обязательств (включая, к примеру, проверку соблюдения прав человека в фильтрационных лагерях на Северном Кавказе). В случае любого иного исхода перестает действовать та самая логика геополитики, в жертву которой был принесен европейский стандарт демократии. Похоже, следующую сессию и мы, и Совет Европы будем сдавать не в Страсбурге, а в Москве.

Страсбург — Москва

Пожар на другом берегу

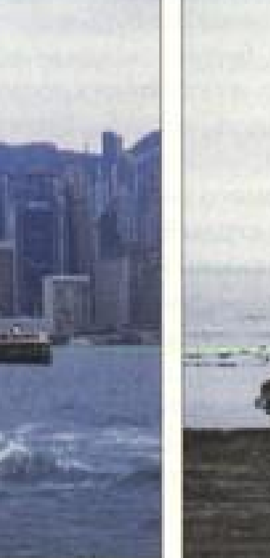
После обретения независимости Россия неожиданно оказалась среди аутсайдеров азиатско-тихоокеанского региона

Константин Саркисов

ВОСТОК

Перемещаясь в пространстве, нередко путешествуешь во времени. Недавно мне пришлось совершить серию длинных перелетов. Из Москвы через Дели в Бангкок, затем через Гонконг в Манилу, из Манилы в Тайбэй и Токио. Непередаваемо ощущение грандиозности того, что происходит сейчас в регионе. Как на дрожжах растут города и предприятия, экономический бум ощущаешь кожей. Частью этого бума могли бы стать Владивосток, Хабаровск и Магадан.

ГОНКОНГ И КУРИЛЫ — ДВА БЕРЕГА АЗИИ, ЖИВУТ В РАЗНЫХ ВРЕМЕНАХ

Увы, в полутора часах лета от Токио — на нашем Дальнем Востоке — оказываешься в другом времени. Мы в прямом смысле слова замыкаем «азиатскую дугу» — как аутсайдеры.

Азия, в свою очередь, равнодушно взирает на происходящие в России события. В отличие от Европы, в которой всерьез озабочены, не вернутся ли в России к власти большевики, в АТР это вызывает скорее любопытство, чем беспокойство. И если что-то случится в России, будет, как в японской пословице, «пожар на другом берегу реки». АТР живет проблемами возведенного в культ развития.

Большая часть европейских и американских прогнозов относительно будущего АТР носит зловещий, я бы сказал, апокалипсический характер. В докладе ЦРУ, составленном на основе расчетов специалистов Всемирного банка, которые, отказавшись от рутинной методики подсчетов по обменному курсу, предлагают новый оригинальный метод оценок ВВП по покупательной способности национальных валют, Китай к 2020 году должен опережать США чуть ли не вдвое. В первой десятке стран мира — шесть мест за азиатами, а Германия — лишь на седьмом месте. Следующий за немцами Таиланд опережает Францию.

То, что в свое время не удалось «красному Востоку» — Советскому Союзу и соцлагерю — в борьбе с Западом, похоже, удается теперь сделать другому, «деловому» Востоку. Причем в наибольшей тревоге американцы: их прогнозы предрекают не только экономическое поражение Запада, но и его цивилизационное подчинение Востоку.

Для России же все споры о том, куда смещается мировая ось, интересны, но несущественны. Вопрос в другом. Что делать державе, которая как бы и в Европе, и в Азии, но и там, и там — не у дел?

Реальное присутствие России в азиатско-тихоокеанском регионе пока незначительно. Даже показатели торговли с Китаем мизерны в сравнении с другими странами. По данным на первый квартал этого года они составляют 389 миллионов долларов. А у далекой Англии — 617 миллионов, у Голландии — 666. И никакого сравнения ни с Японией (6,1 миллиарда за тот же период), ни с США (4,6 миллиарда).

Правда, в отношениях с Китаем нельзя не отметить достигнутой за последние пять лет нормализации, просматриваются попытки выйти на более высокий уровень партнерства. Именно в отношениях с Пекином оправдала себя схема здорового прагматизма, хотя соблазн использовать китайскую карту против Запада еще сохраняется.

Отношениям с Японией повезло меньше. Колебания внешней политики Москвы по территориальной проблеме раскачали и без того утлое суденышко двусторонних отношений. В Токио, неподалеку от здания японского МИДа, на солидном фундаменте возвышается внушительный плакат «День возвращения Северных территорий — день мира». Ставили его основательно, не надеясь, видимо, что скоро придется снимать.

Москва продолжает признавать, что проблема есть и ее нужно решать. В то же время она предлагает отказаться от стремления к немедленному прорыву. Вместо этого можно сделать упор на развитие отношений по всем азимутам, тогда эта проблема покажется величиной с горошину.

Потери влияния на Пхеньян были не только следствием ошибок периода демократической эйфории, но и результатом неизбежного процесса самоизоляции последнего бастиона социализма в Азии. Сегодня корейский конфликт, похоже, близится к своему апогею. Бегство северокорейского военного летчика на МИГ-19 напоминает историю с нашим Беленко на МИГ-25 в 1976 году. Ситуацию можно определить сакраментальным «процесс пошел».

Отбросив идеологический элемент в отношениях с Севером, Россия могла бы строить свои связи с Пхеньяном, как в 60—70-е годы США строили связи с рядом авторитарных режимов Латинской Америки. Отделять политику и экономику от идеологии.

Последние пять лет доказали непродуктивность красивой идеи об особой евразийской роли России как моста между Европой и Азией. Проведенная с блеском и без нашего присутствия первая азиатско-европейская встреча (АСЕМ) в марте этого года в Бангкоке показала, что обе стороны в таком посреднике не нуждаются.

России нужно другое: игра по правилам, которые здесь давно установились. Не утверждение своей исключительности, а, напротив, признание своей обыкновенности. То есть готовность и право быть включенными в общую систему.

СНГ: возможен ли брак после развода?

В мире не много межгосударственных образований, которые вызывали бы столько противоречивых оценок, как Содружество независимых государств

Евгений Пахомов

ПОСЛЕ СОЮЗА

Одни расшифровывают его как «союз неприкаянных горемык», промучившихся вместе пять лет. Другие убеждены, что за Содружеством экономическое будущее евразийского региона. В интервью «Итогам» директор департамента по делам стран СНГ МИД РФ Леонид Драчевский выразил мнение, что «звездный час» Содружества еще впереди.

— Рождение СНГ было вынужденной мерой. Какие мотивы доминировали при его создании — экономические или политические?

— Вначале СНГ выглядело лишь как форма «цивилизованного развода» бывших советских республик, призванная избежать «югославского» варианта. Требовалось разделить имущество, предприятия, наконец, армию; противопоставить что-то экономической неразберихе, возникшей после распада СССР. В общем, с этой задачей СНГ справилось — дележ прошел без особых конфликтов. Но после этого Содружество не исчерпало себя. Напротив, у его членов возникло желание эту структуру сохранить, несмотря на то, что новизна задач подчас приводила к неверным шагам или рождала иллюзии...

— Например?

— Например, надежду на то, что все 12 членов Содружества смогут двигаться по пути интеграции с одинаковой скоростью. Понадобилось время, чтобы понять, что это нереально. Впервые о возможности разных вариантов интеграции заговорили в 1994 году на саммите глав государств СНГ.

Создание Таможенного союза четырех государств — России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии — наглядное подтверждение того, что к интеграции разные страны внутри СНГ будут двигаться с разной скоростью. Речь не о появлении какого-то «второго» СНГ, как иногда это пытаются представить, на самом деле это объективное следствие развития Содружества. Когда так много говорят о Европе «разных скоростей», не следует удивляться тому, что на евразийском пространстве начались те же самые процессы.

— Вы упомянули о единой Европе, интеграционные процессы в которой развиваются параллельно с нашими. Сопоставляя их, российские официальные лица предпочитают говорить о сходстве. А в чем же различия?

— Скептики говорят, что страны Содружества экономически еще не созрели для подобного союза, а объединяться лишь на основе каких-то политических резонов несвоевременно — слишком велика разница между новыми государствами. Однако, на мой взгляд, параллели между ЕС и СНГ проводить все же уместно.

Начну с того, что и Европа ведь объединяется не только по экономическим причинам. Политика играла — да и играет — в евроинтеграции немалую роль. Да и как отделить политику от экономики? Не будь «плана Маршалла», который, будучи экономической программой, имел и политическую подоплеку, трудно представить, когда бы Европа созрела для интеграции.

— Идея полного экономического объединения всех стран ЕС вызывает немало возражений в самой Европе, хотя уровень развития стран—членов ЕС в сравнении с нами достаточно ровный. Учитывая, что экономики членов Содружества гораздо меньше готовы к интеграции, чем экономики стран—членов ЕС, насколько реально объединение по типу европейского?

— Думаю, что интеграционные процессы в рамках СНГ могут быть менее болезненными, чем в Европе, где к союзу идут разные страны. Мы же были одной страной: в недавнем прошлом у нас была единая экономика, сохранились традиционные связи, контакты.

В СНГ меньше противоречий на бытовом уровне, чем в ЕС, что обусловлено общим прошлым. Не забудьте об огромном множестве смешанных семей. Другой важнейший фактор в пользу СНГ — язык. Европа — многоязычный регион, а в СНГ в принципе каждый может объясниться на русском. Это прекрасное условие развития единого информационного пространства. Язык очень важен и для развития единого рынка труда. Скажем, если грек приезжает в Англию на заработки, то ему приходится преодолевать сложный период языковой адаптации. В СНГ эта проблема практически не стоит.

Еще один важный фактор — общая система образования, единое научное пространство.

— Одно время республики, выходившие из СССР, жаловались на «диктат Москвы». И сегодня многие из них боятся «жесткой руки» Центра в рамках СНГ.

— Мне кажется, что такие рассуждения основаны на эмоциях. Каждая страна сама вправе определить, держаться ей СНГ или нет, а также и то, какие вопросы она готова решать самостоятельно, а какие — с помощью Содружества. Не стоит опасаться нового Центра, поскольку в рамках СНГ страны объединялись по иному принципу, чем в СССР. Более того, нельзя закрывать глаза на то, что интеграция в наши дни — это глобальная тенденция. Можно ли остаться в стороне от общемировых процессов?

— Одно из принципальных различий между сегодняшним СНГ и ЕС состоит в том, что нашу интеграцию тормозят национально-государственные барьеры. В Европе их преодолевали в течение четырех десятилетий, и теперь они практически сняты. Возможно, решению этих проблем способствовала бы система договоров о двойном гражданстве?

— Проблемы россиян за рубежом, как и проблемы выходцев из других стран в России, может решить только экономическая интеграция. Если будут решены проблемы таможенных барьеров, транспорта, свободного перемещения рабочей силы в рамках СНГ, эти трудности отпадут сами собой: человек сможет работать, где хочет, учиться, где хочет, покупать недвижимость и имущество, где хочет.

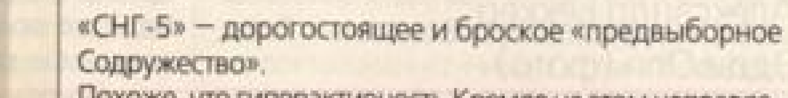
Естественно, такой процесс интеграции должен быть постепенным, сейчас открыть рынок труда было бы опрометчиво. Его развитие должно подкрепляться соответствующей правовой базой, в том числе соглашениями о правовом статусе граждан одной страны в другой.

Вопрос о гражданстве решается в СНГ несколькими путями. Соглашение о двойном гражданстве у России заключено с Туркменией, о правовом статусе граждан одного государства в другом — с Казахстаном, Киргизией, Грузией и той же Туркменией. С Казахстаном у России существует и договоренность об упрощенном порядке приобретения гражданства.

Двойное гражданство — деликатная проблема, многие выступают против него. Но есть другая форма — так называемое дремлющее гражданство. То есть человек полностью подпадает под юрисдикцию той страны, в которой находится, а его второе гражданство как будто «спит» — до той поры, пока он не переехал на территорию другой страны. Думаю, что такая формула могла бы снять многие из неразрешимых сегодня проблем. ■

Пять Содружеств подряд

ИНТЕГРАЦИЯ

Сергей Солодовник

Спустя пять лет СНГ уже не кажется формой развода России с бывшими национальными окраинами Союза. Спорят лишь о типе дальнейшего сожительства

Любопытно, что, употребляя один термин, говорят о разных формах СНГ. Я насчитал их целых пять, и все они оказались связанными прежде всего с судьбой Бориса Ельцина как президента России.

«СНГ-1» — так сказать, прообраз Содружества независимых государств — сложился еще в советский период, но официально, разумеется, не существовал. Была лишь неплотная ткань договоров и соглашений, заключаемых полунезависимой РСФСР под руководством Ельцина-спикера, а затем Ельцина-президента до августовского путча. Россия спешно выстраивала свою схему отношений с союзными республиками, подрывая статус Горбачева и усиливая позиции Бориса Николаевича. Это было самопровозглашенное СНГ...

Затем настало время борьбы за инициативу по цивилизованному разводу — в споре между Ново-Огаревом и Беловежьем победило последнее. Оформленное там соглашение между тремя славянскими республиками, к которым впоследствии примкнули пять исламских из Средней Азии, я бы назвал «СНГ-2». Логика его развития определялась законами движения пассажиров в тесном переходе метро в часы пик: как бы ты ни спешил, твоя скорость определяется самым медленным пешеходом в толпе.

В период либеральной эйфории в России Содружество было аморфным квазиполитическим институтом. Энтузиазм по поводу его перспектив высказывался лишь чиновниками из координационных структур СНГ, российского МИДа и Минсотрудничества. Их аргументы звучали весьма неубедительно на фоне развала рублевой зоны, снижения товарооборота и конфликтов в Приднестровье, Карабахе, Абхазии и Таджикистане. Чиновники говорили о том, что без СНГ обрубятся транспортные пути, нельзя будет навещать родственников. А в это время возникали унизительные таможенные проверки на украинской границе, стоимость авиабилетов между столицами стран Содружества сравнялась со стоимостью перелета Москва—Париж, и родственники в бывших братских республиках перестали получать денежные переводы по почте. Выключив из интеграционного поля простых смертных, «СНГ-3» установило новую эпоху — начался этап «номенклатурного Содружества».

А затем в России произошла новая переоценка ценностей. Неожиданно для Гайдара, Козырева и Чубайса Запад оказался не в состоянии при сохраняющемся благорасположении играть роль спонсора российской демократии. НАТО выступило с планами расширения на восток. Кроме того, срочно нужно было решать острые конфликты на просторах бывшего СССР. На первый план вышли люди в мундирах — общеармейских, пограничных, таможенных. Наконец, все обладатели углеводородного сырья в СНГ стали стараться прокладывать нефте- и газопроводы в обход России. Возникло «СНГ-4» — объединение по военно-коммерческим интересам.

Оно просуществовало до открытия сезона российских выборов. Коммунисты сразу же сделали ставку на дискредитацию Содружества как порождения ельцинизма. Важным сигналом для Москвы стала убедительная победа Александра Лукашенко в Белоруссии, достигнутая на волне ностальгии по «реальной» интеграции. Ельцину вновь понадобилось совершить прорыв в деле интеграции. Так возник союз четырех — договор с Белоруссией, Казахстаном и Киргизией, а затем особо интимные отношения с Минском. Было создано «СНГ-5» — дорогостоящее и броское «предвыборное Содружество».

Похоже, что гиперактивность Кремля на этом направлении добавит несколько критически важных процентов голосов Борису Ельцину. Однако предвыборный спурт после выборов выдержать не удастся. Это становится ясно, если осмыслить нынешние формы взаимодействия Москвы и бывших советских республик.

Прежде всего частично восстановлены в правах отношения дотационного типа. Затратная политика не только ударила по федеральному бюджету. Москва связала себя обязательствами перед рядом не вполне приятных и не всегда приемлемых политиков, ставших для нее ключевыми партнерами. А они, в свою очередь, получили возможность давления на Россию по принципу: не будет меня — не будет и интеграции. Беда в том, что общаться приходится с партнерами, которые либо принадлежат к красной части политического спектра, как Александр Лукашенко, либо просто не умеют держать в руках свой клан и родственников, как Эмомали Рахмонов.

Возникнет ли «СНГ-6» после выборов? Национал-интеграторы могут начать предъявлять к оплате полученные векселя. Эдуард Шеварднадзе пожелает быстрого прогрузинского «решения» абхазской проблемы. Ислам Каримов может потребовать прекратить навязывание Узбекистану совместной охраны границ и захочет иметь свободу рук в Таджикистане и Афганистане. Гейдар Алиев будет настаивать на возвращении Карабаха и снятии фактического вето Москвы на транспортировку каспийской нефти в обход России. Нурсултан Назарбаев потребует «приструнить казачков» и еще несколько миллионов граждан Казахстана, ориентированных на Россию, в сочетании с введением льготных тарифов на транспортировку тенгизской нефти через Россию. Мирча Снегур заговорит о полном выводе российских войск из Приднестровья, а Леонид Кучма ужесточит позиции по Черноморскому флоту, добиваясь при этом очередной реструктуризации безнадежной задолженности Украины по энергоносителям.

Похоже, что амбициозные планы интеграции придется притормозить. При одном возможном исключении: Белоруссия. Да, приобретение этой республики — высокозатратное мероприятие. Однако предложения по продаже отдельно взятых государств не лежат на мировом брокерском столе вечно. Завтра этот лот может быть снят, скажем, в случае ухода со своего поста Александра Лукашенко. Может, приобретение Белоруссии и явится новым этапом в развитии СНГ, как в прошлом веке приобретение Америкой французской территории Луизианы обозначило новый стратегический курс на постепенную экспансию на юг.

Сегодня в Содружестве причудливо уживаются черты всех пяти типов СНГ. От «СНГ-1» в наследство России достались пограничные проблемы с Балтией, от «СНГ-2» — необходимость консенсуса, от «СНГ-3» — необязательность в исполнении подписанных соглашений. «СНГ-4» оставило после себя торговые и коммуникационные войны, а «СНГ-5» — многочисленные векселя, оплачивать которые предстоит после выборов. Кроме того, итогом последних лет Содружества стало утверждение фактического центра в лице Москвы, а точнее — Кремля. Будущая судьба его членов оказалась накрепко связанной с перспективами Бориса Ельцина.

Сергей Солодовник, ведущий научный сотрудник МГИМО МИД РФ

Иметь или не иметь...

Российская приватизация: отсюда и в вечность

Александр Беккер
Эдди Опп (фото)

СОБСТВЕННОСТЬ

Неисповедимы пути российской приватизации. Пять лет назад уходившая, казалось, в небытие КПСС оставила невероятную по степени огосударствления экономику. Имитация коллективной собственности в виде колхозов, мелкие вкрапления жилищных кооперативов и садовых товариществ, заводская аренда — все они сути не меняли: 87% движимого и недвижимого имущества принадлежало давящей громаде государства. За мизерный по историческим меркам срок удалось втянуть в чековую приватизацию 150 млн. граждан, продать на аукционах бездну госимущества 100 тысячам малых и средних предприятий, акционировать 28 тысяч индустриальных гигантов. И вот когда свыше половины российской экономики было уже приватизировано, а 59 миллионов человек трудились вне госсектора, товарищи вознамерились вернуться.

Левые не требуют в открытую — поворачивай оглобли назад. Они говорят солидно: «Будет пересмотрено все, что приватизировано не по закону». Не по закону, а указами президента был рожден ваучер, запущены обе госпрограммы приватизации, проводились залоговые аукционы. В общем, намек коммунистов прозрачен. Они же подготовили в Госдуме проект закона «О национализации». А в предвыборной программе, с которой блок Зюганова двинулся на штурм Кремля, начертано: «Под видом приватизации была развернута беспрецедентная кампания дележа и растаскивания общенародной собственности, нарушены права миллионов граждан». Ну если «под видом» да еще «нарушены», остается только восстанавливать поруганную справедливость.

Даешь халяву!

В программе Явлинского «500 дней» раздел о приватизации писал сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Леонид Григорьев. Ту же работу он выполнял осенью 1991 г. в составе команды Гайдара, готовившей на госдаче в Сосенках программу первого посткоммунистического правительства России. Григорьев вошел министром в гайдаровский кабинет, возглавив Госкомитет по иностранным инвестициям. В российскую программу приватизации эрудит Григорьев закладывал общемировой опыт денационализации. Всюду, хоть в высокоразвитой Англии, хоть в отряхнувшей прах социализма Венгрии, правительство прощалось с госсобственностью гласно, выставляя ее на конкурс и стремясь сторговать подороже. Знаменитый пример, когда немецкий аналог нашему ГКИ агентство Treuhand-Anstalt продавало предприятия бывшей ГДР за 1 марку, — это особый случай. За бесценок там отпускали полумертвые, убыточные заводы и фабрики. В них, по соглашению с агентством, покупатель обязывался вложить немалые инвестиции, в оговоренный срок поднять производство и прибыль. К тому же все-таки 1 марка — символические, но деньги.

Кстати, один кондовый советский директор Юрий Гехт позарился на имущество по дешевке и приобрел за марку предприятие в восточных землях Германии. Однако капиталов для раскрутки дела не привлек и по решению суда был с треском отлучен от собственности. В Германии такие номера не проходят. В России же в 1992 году реяли знамена ÷ даешь бесплатную народную приватизацию! Бывшая госпартноменклатура пошла в атаку на предложенную гайдаровским кабинетом каноническую денежную модель приватизации. В печати и на телевидении госчиновники всех уровней твердили, что советские труженики одной своей бедностью в стране победившего их социализма уже заслужили льготы при акционировании предприятий.

В сущности, за пышными народофильскими фразами директорат и номенклатура скрывали желание не упустить в ходе приватизации контроль над предприятиями. И потому проталкивали через враждебный Ельцину хасбулатовский Верховный совет три варианта льгот трудовым коллективам. Директор прекрасно понимал, что по ходу приватизации не мытьем, так катаньем вынудит работников сбросить акции.

Первым под диким напором борцов за народное счастье дрогнул президент. Резкий рост цен, массовые неплатежи предприятий, шок населения — все это его угнетало. Ссориться при таком раскладе из-за приватизации он, видимо, считал политически рискованным. Вслед за Ельциным отступили от задуманного Гайдар и Чубайс.

Помню, летом 1992 года Леонид Григорьев вместе с Евгением Ясиным напечатали в «Независимой» протестующую статью, где пытались доказать, что они такого не предлагали. Они писали, что полубесплатное акционирование не имеет ничего общего со смыслом приватизации: переход собственности к эффективно действующему хозяину и оздоровление предприятия. Как ученые они исполнили долг, предупредив в стиле Талейрана, что такая приватизация больше, чем преступление, — это ошибка. Но кто же будет слушать «теоретиков», когда на кон поставлены гигантские экономические интересы.

Осенью 1992 года Григорьев отбывал на новую службу в российское представительство при Всемирном банке. За день до отлета он сказал мне: «Когда вся эта затея с чековой приватизацией лопнет, она забрызгает всех дерьмом. Чубайс не отмоется никогда».

Из тупика

Очевидно, что, если на попятную пошел президент, Чубайс тем более не мог сопротивляться политической конъюнктуре. Верховный совет застолбил границы народной приватизации: льготы трудовым коллективам и именные приватизационные счета граждан. Это означало, что производственные отношения на предприятиях во многом консервируются. В результате заметно блокируется приток частных инвестиций и выход экономики из тупика откладывается на неопределенное будущее. Требовался небанальный ход, чтобы снизить издержки идеологизированного подхода депутатов.

И вот тут явилась мысль о ваучере. Уже неважно, сам ли Чубайс вспомнил идею «инвестиционных денег», как называл ваучеры еще в 1985 году экономист Виталий Найшуль, или кто-то подсказал председателю ГКИ такой прием. Главное, что указом президента на смену строго именным приватизационным счетам граждан пришел безымянный, а потому мобильный в обращении ваучер. Верховный Совет в тот момент находился на каникулах и в положенный законом 10-дневный срок не сказал ни «да», ни «нет» указу Ельцина. Приватизационный чек, таким образом, обрел право на жизнь. Он, безусловно, не отменял всех недостатков народной приватизации, но все-таки ускорял переток собственности, поскольку продавался и покупался свободно.

Коммунисты настаивают на том, что ваучер незаконнорожденный, и в его появлении усматривают коварство Чубайса. А председатель ГКИ, полагаю, меньше всего думал о кознях или идеологии. Он действовал по обстоятельствам. Главным в той ситуации было направить реформу собственности в максимально естественное русло. Вот Treuhand-Anstalt`у в Германии никакие партии и парламент рук не вязали. Ведомство продало частным владельцам всю госэкономику ГДР. При этом без всяких сантиментов из 5 млн. рабочих мест агентство сохранило только 1,5. Между прочим, продавали немецкое имущество, невзирая на национальную принадлежность покупателя, — лишь бы кошелек инвестора был толще, чем у конкурентов. В результате Восточная Германия первой из постсоциалистических стран преодолела экономический кризис, став сегодня поразительно динамичной.

ДЛЯ ПРОСТЫХ ГРАЖДАН
ПОКА ЕДИНСТВЕННОЙ ДОСТУПНОЙ ПРИВАТИЗАЦИОННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ ОСТАЕТСЯ КВАРТИРА. СТИХИЙНЫЕ БИРЖИ, ГДЕ ПРОДАЮТ, ПОКУПАЮТ, МЕНЯЮТ ПРИВАТИЗИРОВАННОЕ ЖИЛЬЕ, ПРОЦВЕТАЮТ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ

Конечно, для подобного успеха России не хватало политической стабильности и территориальной компактности Германии, а также ежегодных 100 млрд. марок, вкладываемых правительством ФРГ в экономику восточных земель. Российская приватизация была обречена идти тернистым путем. В России вопрос о собственности рассматривался как вопрос о власти. Причем власти в широком диапазоне — в масштабе государства, на уровне регионов и, наконец, власти на самих приватизируемых предприятиях. Ельцин, правительство и ГКИ, несмотря на ряд тактических уступок, в целом жестко держат бразды правления приватизацией. Отдав вначале номенклатуре большой ломоть собственности, власть проиграла в темпах оздоровления экономики, но выиграла в социальной стабильности. Номенклатура и в дальнейшем выцыганивала у центра лакомые куски имущества, прибирая к рукам федеральные пакеты акций. К влиятельным чиновникам относились слова Александра Лившица о нигде не зарегистрированной партии «Отдай Федеральный Пакет», которая сбрасывала в уставные фонды холдингов и финансово-промышленных групп даром доставшееся ей госимущество.

И все-таки центральный конфликт нашего времени заключен, думаю, в схватке директората с новым собственником. Администрация предприятий добилась своего: в каждом пятом крупном АО она располагает пакетом акций свыше 10%. Однако внешнему инвестору удалось больше: пакет свыше 10% он имеет уже на 72% крупных предприятий, а на 8% предприятий ему принадлежит контрольный пакет. Немалая часть директоров в условиях рынка работать не научилась, гробит свои АО, но не желает иметь над собой никаких акционеров. Они согласны даже вернуться под зонтик государства, только бы не уступить предприятия чужакам. Это делает директорскую когорту сознательным противником нынешней исполнительной власти.

С открытым забралом

Не счесть попыток торпедировать процесс приватизации со стороны законодателей, региональных элит, отраслевых лоббистов. Еще на этапе чековой приватизации Госкомимуществу приходилось с огромным напряжением подавлять сопротивление местных властей: те, не желая отпускать госпредприятия на волю, объявляли, что на их территории

ДЕЛО

госпрограмма не действует. Верховный совет не раз вышибал одну из несущих конструкций приватизации — чековые аукционы. Но Ельцин раз за разом реабилитировал указами права населения.

Пятая Госдума совершила политический демарш, выставив «неуд.» ваучерной приватизации. Затем депутаты направили запрос в Конституционный суд, подвергнув сомнению законность указа президента, которым тот ввел в действие госпрограмму денежной приватизации.

Летом 1994-го на стадии обсуждения программы в парламенте ряд законодателей задумали перехватить инициативу у правительства. Главы комитетов Бурков, Глазьев и Гусев внесли 41 поправку в проект, подготовленный ГКИ. Не ослепи депутатов примитивная ненависть к Чубайсу, они бы одобрили данный проект с поправками, в корне менявшими политический баланс в стране. Но проницательность никогда не была сильной стороной Госдумы. Фракции горели страстью валить все, что исходит от Кремля и Белого дома. Они и завалили госпрограмму денежной приватизации. Ельцин среагировал мгновенно и запустил ее своим декретом.

Почти все попытки исполнительной власти либерализовать отношения собственности наталкивались на ожесточенное сопротивление. Так было с законами «О трасте» (доверительной собственности), «Об акционерных обществах», «О ценных бумагах». Еще свежи в памяти нешуточные баталии Госдумы и правительства вокруг залоговых аукционов. Депутаты принимали законы, запрещающие правительству отчуждать акции выставляемых на аукционы предприятий, закрепляющие в госсобственности на годы вперед целые сектора экономики.

Политика довлела над экономической целесообразностью, отношения двух ветвей власти сводились к лобовому противостоянию. В 1992 году правительство готово было осуществлять денежную приватизацию, но парламент настоял на льготных вариантах. В 1994 году правительство приступает к приватизации предприятий по относительно низким ценам, и оппозиция опять заходится в крике: «Растаскивается за бесценок национальное богатство». Госдума требует снять с залоговых аукционов «сливки» российской индустрии, но когда ГКИ отменяет торги по 17 из 29 предприятий, депутаты клеймят Белый дом за невыполнение плана по доходам от приватизации. Ряд стратегических комбинатов и компаний правительство передает в управление отечественным банкам, и тут же левые, забыв о ксенофобии, сокрушаются, что иностранный инвестор дал бы в залог больше.

Если и есть в этих противоречиях какая-то логика, то только логика борьбы за власть.

Не подводя итогов

В любви коммунистов к большим трудовым коллективам и борьбе за примат госсобственности есть на первый взгляд что-то иррациональное. Мало им опыта советской экономики? Но если разобраться, все очень просто. Чем больше госсектор, тем больше управляющий им госаппарат. Согнанными в «трудовые коллективы» людьми удобнее управлять. Приватизация убивает бюрократическое государство, возвращая работнику его талант и руки. Но идеи свободного производства и свободного общества коммунистам как минимум не близки.

К российской приватизации нетрудно предъявить длинный список претензий. Критики особенно налегают на ее номенклатурный характер и криминальные мотивы. Но иного никогда и нигде не было да и быть не могло. Как сказал Егор Гайдар: «Везде и всегда перераспределение собственности протекало в интересах правящей элиты». К тому же наша экономика вышла из предшествующих 70 лет коммунистического развития, из советской структуры собственности. Так что вряд ли дело в чековой приватизации, которая, по словам Леонида Григорьева, должна была кончиться потоками дерьма.

Когда мы сокрушаемся по поводу лопнувших ЧИФов и обманутых российских вкладчиков, может быть, нелишне вспомнить, что и в Америке, Германии, Франции инвестиционные компании, бывало, банкротились сотнями.

Когда мы указываем на коррупцию во всех эшелонах власти, то опять же стоит полистать газеты и узнать о проделках экс-президента Мексики Салинаса, бывшего премьера Италии Андреотти или находящегося под следствием экс-главы Южной Кореи Ро Де У. Тут скорее можно говорить не о «дерьмовой» специфике российской модели приватизации, а о закономерностях реформируемых экономик.

Практически все солидарны с тем, что приватизация «по Чубайсу» была разрушительно поспешной. Но между тем ускоренно создававшиеся малые и средние частные предприятия предлагали верный кусок хлеба миллионам людей с госпредприятий, предотвращая массовую безработицу. С невиданной быстротой возник и заработал рынок ценных бумаг, обеспечивая портфельные инвестиции предприятиям и финансы бюджету. Приватизация дала толчок разработке законодательных актов, тянула за собой реформы в ценовой, таможенной, налоговой политике.

Общепризнано, что страны СНГ отстали в реформе от России на 4—5 лет, российский рубль сегодня крепче «соседских» валют. Кому завидуют в Средней Азии, куда едут на заработки мужики из Белоруссии и Украины?

Россия пока не выбивается из общего ряда: приватизация — это мировая теденция. По данным лондонского журнала «Привэтизейшен интернэшнл», за два предшествующих года доходы от продаж госпредприятий во всем мире превысили 70 млрд. долл. В 1996 г. мировые объемы приватизации могут превысить 45 млрд. долл.

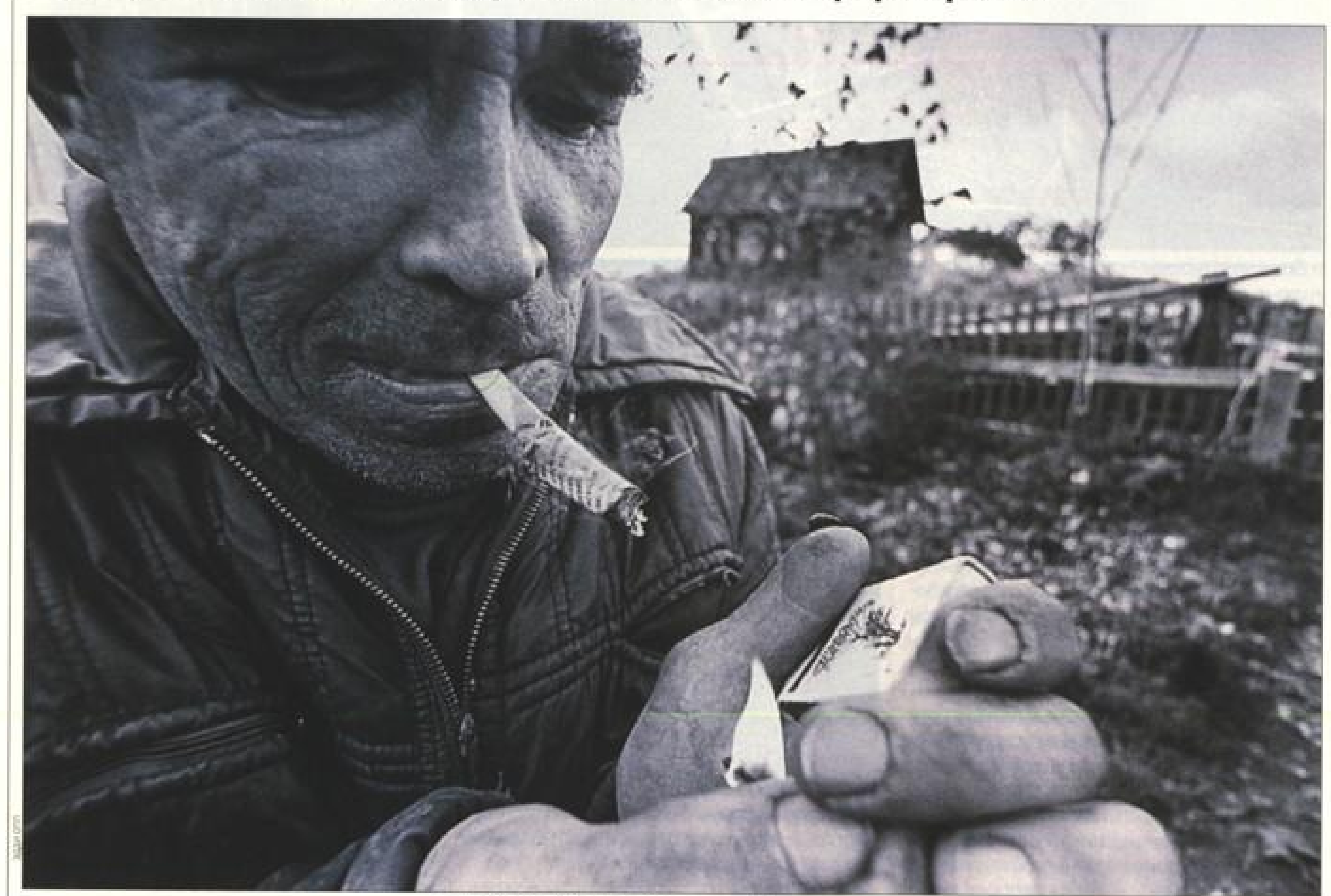
Коммунистам, видимо, мало дела до мировых процессов.

Их вновь согревает идея «особого пути» и изоляции России до 2010 года. Но если г-н Зюганов пока обещал разобраться только с неэффективно управляемой собственностью, то его товарищ по фракции Владимир Сергиенков открыто нацелился на прибыльные, валютоносные АО. «Без принудительного возвращения нам не обойтись, — заявил он на парламентских слушаниях. — И эту задачу должен решить закон о национализации».

В общем, «и вечный бой»... В этом компартии нет равных.

Российская экономическая резервация

Сельское хозяйство между колхозниками и фермерами

Михаил Ланцман,
Эльмар Муртазаев

КОРОВЫ И ПР.

Бытует мнение, что до революции Россия была развитой сельскохозяйственной державой. Но, судя по имеющимся отзывам, это все-таки преувеличение. «В некоторых местностях голодные крестьяне, не получая помощи, в отчаянии распродают своих детей киргизам», «дети едят желуди, и люди опухают от такой пищи». Это выдержки из статьи члена Государственного совета, профессора Императорского Московского университета Игоря Озерова о состоянии российского сельского хозяйства, написанной в 1911 году.

Есть, правда, и другие оценки сельскохозяйственной мощи Российской империи. В том же 1911 году, например, доля зерновых культур в общей структуре экспорта составила более 70%, причем пшеницы было вывезено свыше 35% годового урожая. Тот же г-н Озеров признал, что «даже несчастная русская курица, которую никто не кормит, которая сама себе ищет корм, где Бог пошлет, и та дала для нашего торгового баланса свыше 80 млн. рублей». Однако, сравнив два показателя — количество употребленных в пищу желудей и рекордный уровень внешней торговли хлебом, — профессор пришел к следующему выводу: «Это с достаточной рельефностью говорит нам о том тяжелом положении, в котором мы находимся, это говорит нам о том фундаменте, на котором строится наше финансовое и экономическое благополучие».

Сейчас, по прошествии 85 лет, в России многое изменилось. Нынешние парламентарии при взгляде на пестрящие импортными этикетками витрины продуктовых магазинов тоскуют по тем временам, когда Россия кормила всю Европу. В то же время никто из соотечественников сейчас не ест желудей и не продает в отчаянии голодных детей киргизам. Не изменились только споры о перспективах развития аграрного сектора. Думские защитники коллективного земледелия и либеральные аграрии по-прежнему обвиняют правительство в пренебрежительном отношении к «национальным коровам».

Затраты превышают отдачу

Согласно расчетам лаборатории аграрной политики Института экономических проблем переходного периода (ИЭППП), вклад аграрного производства в валовой внутренний продукт (ВВП) составляет сегодня 6,3%. При этом непосредственные затраты госбюджета на сельское хозяйство и продовольствие по отношению ко всей расходной части снизились от 9% в 1994 году до 3,8% в 1995-м. Между тем, если исключить из бюджета непроизводственную сферу (затраты на армию, госаппарат, медицину, образование и т.д.), расходы по статье «Сельское хозяйство и продовольствие» составили в 1994 году около 60%. Зато значительно возросли косвенные расходы государства на АПК, которые не регистрируются

в бюджете: товарный кредит на приобретение горюче-смазочных материалов — 7 трлн. руб. (5 трлн. непогашенных долгов прошлого года списали), лизинг техники — 1 трлн. руб., компенсация за минеральные удобрения — 1 трлн. руб., льготные тарифы на электроэнергию, региональные дотации животноводству... Список можно было бы продолжить.

Итак, с одной стороны, составляющая аграрного производства в ВВП — 6,3%, с другой, уровень госзатрат — 60%. Остальные 40% идут на все другие отрасли народного хозяйства, создающие 93,7% российского ВВП. Налицо чудовищная диспропорция в распределении национального дохода, но фоне которой обвинения в пренебрежительном отношении правительства к «национальным коровам» выглядят не совсем убедительно.

Тем не менее один из самых грамотных в России экспертов по аграрным вопросам, заведующая лабораторией аграрной политики ИЭППП Евгения Серова не советует пренебрегать мнением оппонентов Белого дома. «Аграрии-практики очень тонко ощущают болевые точки сельской жизни в переходный период, — считает она, — диспаритет цен, жесткий финансовый дефицит, трудности со сбытом продукции, товарная интервенция иностранного продовольствия». Но, к сожалению, предлагаемые рецепты оздоровления лежат, по оценке г-жи Серовой, не в области экономики, а скорее напоминают советы шамана «поймать лягушку в соседнем болоте, высушить ее под луной, съесть, тогда, может быть, полегчает». Ситуация усугубляется тем, что чиновники в Белом доме никак не могут преодолеть привычку к «простым» советским решениям вроде прямых дотаций и льготных кредитов.

Российское продовольствие — с господдержкой, но без спроса

Так что же произошло в 1992-м, когда начались реформы в российском сельском хозяйстве? Реорганизация колхозов и совхозов, проводимая правительством реформаторов, охаянная аграриями, фактически отделила сельскохозяйственные предприятия от государства — прекратилось централизованное государственное финансирование.

Одновременно с либерализацией цен резко упал платежеспособный спрос населения. Вот и получилось, что, с одной стороны, в российском сельском хозяйстве наблюдался типичнейший кризис перепроизводства, а с другой — существовал ненасыщенный продовольственный рынок с традиционными российскими очередями «на год вперед» и ассортиментом, напоминавшим тюремную столовую. Причина такой парадоксальной ситуации только одна: между двумя секторами — производством и потреблением так и не сложилось рыночной инфраструктуры. Государство с продовольственного рынка ушло, а равноценной рыночной инфраструктуры так и не появилось. Потому и не оправдались надежды аграриев-романтиков на то, что после освобождения цен сельское хозяйство быстро насытит продовольственный рынок. Пустоты рынка начали стремительно заполняться импортом.

Государство пыталось спасти сельское хозяйство, безвозвратно вкладывая в него миллиардные дотации и кредиты. Но, как полагает г-жа Серова, главный вопрос реформ не в том, «давать или не давать денег сельскому хозяйству», — опыт показывает, что в решении этой проблемы руководствуются скорее не экономическими, а политическими соображениями, — а в том, как давать эти деньги. Сейчас деньги вкладываются в основном в производителя, то есть в хозяйства, чьи товары пользуются спросом на рынке. А сбыта их продукции все равно нет. В итоге дотации превращаются в наркотик, поддерживающий неконкурентоспособное производство. «Это не лечение, а продление агонии», — замечает г-жа Серова.

Куда правильнее отдавать эти деньги потребителю, повышая таким образом спрос. В США, например, продовольственные талоны, выпускаемые министерством сельского хозяйства, являются важнейшим элементом поддержки фермеров. В России можно ввести бесплатное школьное питание или бесплатное молоко в больницах. Необходимо соблюдать лишь одно условие — чтобы на эти цели закупались отечественные продукты. Таким образом, одновременно могла бы оказываться помощь сельскому хозяйству и социально незащищенным слоям населения.

Попытки реформировать российские колхозы уперлись еще в одну проблему. Совершенно непонятно, как банкротить хозяйства, которые стали убыточными вследствие государственной политики. Колхозам годами навязывали структуру хозяйства, цены и т.д. Они не банкроты, а планово-убыточные хозяйства.

В 1992 году правительство попыталось как-то изменить ситуацию. Колхозам отдали производственные фонды и землю, дав возможность самим выбираться из кризиса. Но одни сельхозпредприятия стали выплывать, а другие нет. Начался нормальный в общем-то процесс санирования сельского хозяйства: понятие банкротства стало реальным и осязаемым. Выяснилось, например, что сельское хозяйство в некоторых областях изначально неэффективно. Например, в 80-е годы на Камчатке росло поголовье скота. Когда транспортные издержки были нулевые, можно было завозить корма хоть на край страны. Теперь же, когда перевоз подорожал, колхозы тут же стали убыточными.

Уже через год-полтора после начала реформ большинство руководителей хозяйств постепенно пришли к осознанию того, что все зависит только от них самих. Наметился выход из финансового кризиса. «Нужно было дать местным властям право «пощупать» сельхозпредприятия, сначала отделив действительных банкротов от мнимых, а затем оказать посильную помощь рентабельным производствам, списав, к примеру, часть их долгов», — отмечает Евгения Серова. Остальные хозяйства надо было либо принудительно реорганизовывать, либо назначать в них госуправляющих. Но вместо этого президент 16 марта 1994 года списал долги со всех поголовно. Инициатива рентабельных хозяйств и их руководителей была подорвана. Вся реорганизация пошла насмарку.

Увы, в дальнейшем эта ситуация была отчасти законсервирована. Продолжающийся спад производства, рост импорта и откровенное нежелание большинства аграрных генералов приспосабливаться к рынку стали реальностью России. Более того, в стране сформировалась мощная группа лоббистов, способных выбивать из государства огромные средства. Повышение импортных пошлин, о котором постоянно твердят в правительстве, есть фактически продолжение неэффективной политики поддержки сельхозпроизводителя.

Сельскохозяйственное задание на завтра

Как бы ни кричали аграрии о необходимости усиления господдержки сельского хозяйства, у правительства сегодня нет возможности выбора сельскохозяйственной политики. Какую бы программу в правительстве ни приняли, реформы будут неизбежно идти по пути восточноевропейских стран. Россия сегодня делает примерно то же самое, что и страны Восточной Европы, только с опозданием на 2–2,5 года. Спад производства у российских соседей был колоссальным: в Венгрии и Прибалтике, например, спад доходил до 60%. В России, кстати, даже по самым пессимистическим оценкам, падение производства не превышает 40%.

Явно привирают аграрии и в своих апокалипсических прогнозах. «Никто не пытается приукрасить действительность, — замечает г-жа Серова, — ситуация на самом деле очень тяжелая, но она не настолько тяжела, как ее рисуют». На самом деле в России уже достаточно рентабельных хозяйств, чтобы обеспечить продовольственную безопасность страны. Вот уже два года как валовый продукт и динамика производства сельского хозяйства пошли вверх. В прошлом году, например, наблюдался значительный рост производства льна (на 30% по сравнению с предыдущим годом), собран рекордный для России урожай подсолнечника.

Более того, в прошлом году был огромный рост экспорта пшеницы. Зерно вывозят администраторы зернопроизводящих регионов через созданные при них продовольственные корпорации. Сегодня закупочные цены региональных фондов в 2–3 раза ниже, чем федеральных. Дальше все просто: закрывается граница, хозяйства принуждают всеми возможными способами сдавать зерно в региональный фонд. Экспорт продовольственных корпораций идет через так называемый белорусский коридор. Используя беспошлинный режим торговли с Белоруссией, российские экспортеры вывозят пшеницу ценных сортов, практически не выплачивая экспортных тарифов. Так, за счет, во-первых, огромной разницы между внутренними и внешними ценами и, во-вторых, фактически беспошлинной торговли региональные хозяйственники получают возможности практически безграничного обогащения.

Прогнозы специалистов об урожаях на будущий год весьма оптимистичны. По мнению г-жи Серовой, 1996-й может стать годом перелома в сельском хозяйстве. «Засухи, сильно попортившей жизнь крестьянам в прошлом году, в 1996-м не ожидается. Расширились площади под озимые сорта. Минеральные удобрения применяются в сельском хозяйстве больше и лучше», — замечает г-жа Серова.

Но чтобы прогнозы стали реальностью, государство должно соблюдать одно очень важное условие — не обманывать себя и крестьян. А заодно забыть о неэффективных дотациях, бесперспективных таможенных заборах, бессмысленных льготных и товарных кредитах. ■

Наше банковское чудо

Банки учатся жить без высокой инфляции

Эльмар Муртазаев

ДЕНЬГИ

Российский банковский сектор — явление не только уникальное, но и в чем-то загадочное.

Трудно найти другую отрасль российской экономики, которая могла бы сравниться по темпам роста с банковским делом. Расцвет финансового рынка произошел в предельно сжатые сроки — всего за восемь лет — на фоне глубокого структурного экономического кризиса и высокой инфляции. С 1988 по 1995 год количество российских банков выросло до двух с половиной тысяч — всего с четырех. Таких темпов развития мировая история еще не знала. Даже в странах Латинской Америки, имевших в 70-е годы сопоставимые с Россией показатели роста цен, темпы увеличения банковских активов были в 2—3 раза медленнее.

По своему размаху развитие банковской системы сравнимо лишь с еще одним феноменом реформирования экономики — ваучерной приватизацией. Но приватизация всегда сопровождалась политическими баталиями, а множество банков образовалось почти без шума.

Сегодняшнее влияние российских банков на экономику и политику огромно. Имена ведущих банкиров стабильно присутствуют ныне в таблицах политических рейтингов, их лица заметны на самых престижных светских раутах и политических собраниях, а развитие банковской системы рассматривается как главное условие продолжения экономических реформ.

Вначале повезло

Объяснить российское банковское чудо на первый взгляд несложно. «Для меня нет сомнений, — замечает ведущий экономический эксперт Центра Карнеги Михаил Дмитриев, один из авторов доклада «Российские банки накануне инфляции», — что источником бурного роста коммерческих банков в России стала высокая инфляция, бушевавшая в российской экономике на протяжении последних лет». Это безусловное экономическое зло и стало тем фактором, который сформировал сектор экономики, претендующий ныне не только на экономическое, но и на политическое влияние.

Банки, как в силу логики накопления капитала, так и по причине специфичности своих функций на рынке, фактически перераспределяли национальный доход. Именно процентная маржа (то есть разница между процентами, получаемыми банками по кредитам, и процентами, выплачиваемыми банками по своим обязательствам) позволила банкам перераспределять до 10—15% российского ВВП и превратила банковское дело в одну из самых прибыльных сфер российского бизнеса. При этом, по оценкам экспертов, до половины всех «прокачивавшихся» через банки средств оседало в них самих.

Однако не все так просто. Высокая инфляция была не только в России. Страны Латинской Америки, Восточной Европы и Израиль тоже прошли через этап высокой инфляции, однако банковских гигантов, подобных российскому, там не появилось.

Как полагает Михаил Дмитриев у небывалого банковского роста существует четыре причины. Во-первых, финансовая стабилизация в России в отличие от других стран, в силу как противодействия антиреформаторских сил, так и по причине непоследовательности антиинфляционной политики, растянулась на долгих четыре года. Практически нигде в Восточной Европе не продержалась так долго высокоинфляционная экономика. По сути, банки Восточной Европы учились жить без инфляционного допинга уже на первом-втором году реформ. Во-вторых, российское общество в отличие, скажем, от аргентинского изначально не было готово к высокой инфляции и не очень знало, как пользоваться механизмами индексации, что позволило банкам ничего не платить по остаткам на корсчетах предприятий и частных лиц. Иными словами, индексация не соответствовала реальным доходам, получаемым банками по операциям с этими средствами. В-третьих, начало высокой инфляции в России наложилось на период минимальной конкуренции на банковском рынке. Еще в 1991—1992 годах у нас проблемой было открыть собственный счет, не говоря уже о каких-то более сложных банковских процедурах. И наконец, в-четвертых, российское банковское законодательство оказалось на удивление мягким и либеральным (чего, кстати, не было ни в Израиле, ни в странах Латинской Америки). Основываясь на западном опыте, российские чиновники-реформаторы попытались создать своеобразный free banking, то есть такую форму регулирования, какая складывается в индустриально развитых странах мира на протяжении многих десятилетий.

С последним, кстати, российским банкам крупно повезло. Начнись реформы лет этак на десять раньше, интервенция государства могла бы быть куда активнее. Еще в начале 80-х во Франции, например, считалось совершенно нормальным вмешательство государства в распределение банковских кредитов по отраслям экономики. И весьма вероятно, что правительственные либералы применили бы этот опыт, не изменись принципы банковского регулирования на Западе.

Существуя в таком льготном режиме, к началу четвертого года реформ российские банки смогли перераспределять в свою пользу до 7% ВВП. По показателям рентабельности (в 1995 году — 4% по отношению к активам), даже с учетом масштабного сокрытия банками собственных прибылей, российские банки в несколько раз опережают западные. Относительно квалифицированные кадры, значительные финансовые ресурсы и, что немаловажно в российской действительности, высокая «интегрированность» в государственный аппарат, казалось, должны были обеспечивать банкам дальнейшее безбедное существование.

Когда-нибудь везение кончается

Однако по мере наступления финансовой стаблизации становится все очевидней, что российская банковская система накануне огромных и, возможно, не самых приятных для нее изменений. Кризис московского межбанковского рынка в августе 1995 года (знаменитый «черный четверг») — лишь первый симптом грядущих трудностей. Финансовая стабилизация ведет к заметному уменьшению доходности большинства банковских операций.

Насколько серьезно деформированы российские банки, свидетельствует сравнение балансов крупнейших российских и американских банков на начало 1995 года, проведенное фондом Карнеги. Как выяснилось, кредитные операции, составляющие основу банковского бизнеса в развитых странах, занимали на начало 1995 года в структуре операций российских банков долю в 2—3 раза меньшую, чем в банках США. Зато доля средств на корсчетах, основного компонента так называемых неработающих активов, в банках России была в 40 раз больше. Причем средства эти размещались премущественно на валютных корсчетах, часто за рубежом. «Иными словами, — говорит Михаил Дмитриев, — на пороге финансовой стабилизации российские банки оказались просто не готовы к активной кредитной и инвестиционной деятельности — основному источнику доходов в условиях стабилизированной экономики».

Опасной для банков оказалась и близость к власти. Очень часто под давлением местных администраций банки вынуждены брать на себя кредитование совершенно неконкурентных производств. Кредиты, конечно, не возвращаются, банки терпят убытки. Хуже, когда финансовые институты вынуждены финансировать социальные программы территорий, как это случилось, например, в Петербурге. Тамошняя администрация умудрилась навыпускать облигаций на миллиард долларов, которые, не без советов властей, поглотил местный банковский рынок. Оплатить свои долги администрации будет непросто. Поэтому нетрудно представить, какое будущее ждет некоторые питерские банки.

Выживает не тот, кто сильнее, а кто лучше приспосабливается

Дела, однако, не столь плохи. Как показывают последние исследования, крупные российские банки быстро адаптируются к новой ситуации. По мнению г-на Дмитриева, «Россия становится свидетелем радикальных перемен — многие ведущие банки начинают принципиально менять свои подходы к банковскому делу». К примеру, всего за год в 10 раз уменьшилась доля средств предприятий на корсчетах. К началу 1996 года банки России почти сравнялись по этому показателю с американскими банками. Резко вырос удельный вес кредитов, депозитов и других платных обязательств. Фактически только теперь банки начинают работать в условиях реальной рыночной и, что принципиально важно, конкурентной экономики. Но, признавая мобильность и гибкость наших банков, заметим, что им во многом повезло. Из-за парламентских, а затем и президентских выборов, подстегнувших негативные экономические ожидания, снижение инфляции не сопровождалось падением процентных ставок. Банки, что называется, удачно «проскочили» самый сложный момент структурной перестройки. В итоге же на начало 1996 года прибыли некоторых банков не только не снизились, но даже выросли до 7% по отношению к активам.

Будущее покажет

Итак, к выборам Россия пришла, обладая весьма влиятельной банковской системой. В дальнейшем возможны два сценария ее развития: либо российские банки начнут заниматься активной инвестиционной и кредитной политикой, преодолевая неизбежные финансовые и структурные проблемы, либо страну, в случае бездействия властей, постигнет банковский кризис. Вряд ли он примет общегосударственный характер — куда вероятней серия локальных кризисов. В любом случае, когда фондовой рынок пребывает в недоразвитом состоянии, именно банки становятся основной финансовой пружиной инвестиций.

Правда, эти прогнозы могут оказаться верными только при условии, что после выборов в России не начнутся политические потрясения.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Кому – все, кому – остальное

Жить стали не лучше. Жить стали по-другому

Ирина Сергеева

ДОХОДЫ

Можно сколько угодно спорить об уровне жизни россиян, считать, что до реформ «жить было лучше (веселее)», или, наоборот, быть уверенным в реальном росте благосостояния, но не признать, что в последние пять лет наше общество стало жить по-другому, просто невозможно.

Среди множества экономических причин, влияющих на благосостояние – да и просто на состояние – россиян, главная – инфляция. Беда российской экономики, определявшая всю политику российского правительства в последние четыре года, затронула каждую семью, сделала ее предельно зависимой от политики вообще.

Тем не менее было бы ошибкой полагать, что россияне столкнулись с инфляцией только с началом реформ. «Инфляция начала набирать обороты значительно раньше, – полагает эксперт Института экономического анализа Татьяна Малева, – и население уже в конце 80-х почувствовало это на себе». Любой советский гражданин мог сказать: «В 1985-м я жил лучше, чем в 1989-м». Инфляция тогда, правда, не бросалась в глаза. Но товар, который еще вчера лежал на прилавках, вдруг бесследно исчезал. Продавать товары по твердым ценам в условиях подорожания всего и вся становилось невыгодно, поэтому предприятия сокращали производство. Так, теряя долгие часы в очередях, люди становились жертвами скрытой инфляции, присущей плановой экономике.

Сегодня ситуация принципиально иная. Инфляция выражается только в одной форме – денежной. Быстрый рост цен, сопровождавший российскую экономику на протяжении реформ, повлек за собой не только преумножение нулей на ценниках. В результате инфляции за короткий период произошло резкое расслоение российского общества. Скрытый инфляционный налог, превосходящий все остальные налоги вместе взятые, оказался самым легким и быстрым способом перераспределения национального дохода. Население из своего кармана оплачивало все ошибки и объективные трудности реформ.

Можно ли было избежать этих потерь? Вряд ли. При таких масштабных изменениях в экономике практически невозможно повысить или хотя бы сохранить жизненный уровень населения. Но вот свести к минимуму издержки реформ правительству реформаторов было вполне по силам. В Эстонии или Чехии, например, процессы либерализации и приватизации проходили на фоне уже созданной гибкой и разумной системы социальной защиты.

Возможно, это объясняется сильными позициями руководителей социальных ведомств в этих странах. В России же при любом правительстве «социальщики» становятся заложниками борьбы макроэкономистов и лоббистов. Так повелось еще с правительства Егора Гайдара, где единственным оружием симпатичной Эллы Памфиловой были слезы и уговоры. Тогда, в 1991 году, молодая команда реформаторов действовала быстро и решительно (медлить было непозволительной роскошью), но без оглядки на социальные последствия. Опустевшая к тому времени государственная казна, долги России другим странам, катастрофическое положение экономики заставили отложить на время решение социальных проблем.

И вот к чему это привело. Либерализация цен, стержень экономической реформы, сформировавшая в России нормальную рыночную систему ценообразования, привела к мгновенному обесцениванию сбережений и быстрому падению доходов населения. Прекращение кредитования неэффективных производств, мера, способствовавшая замедлению темпов инфляции, привела к появлению открытой и, что значительно опаснее, скрытой безработицы. По сути, нынешнее правительство пожинает плоды тех оплошностей и ошибок.

Реформаторы, вероятно, рассчитывали на запас прочности, сохранившийся в российском обществе. Семьи, наученные годами дефицита, имели какие-то запасы, социальные институты (здравоохранение и образование) вполне могли несколько месяцев продержаться без масштабной государственной поддержки. Но, главное, население доверяло реформам.

Возможно, будь реформы последовательнее, кризисный этап страна проскочила бы значительно быстрее. Но степень устойчивости неэффективной экономики оказалась чрезвычайно высокой. Не выдержав ответного удара отраслевиков, правительство снова вернулось к инфляционной экономике.

И все началось заново. Государственные кредиты уходили в песок, порождая лишь быстрый рост цен. Неэффективные производства не выдерживали конкуренции и отправляли рабочих в неоплачиваемые отпуска. Добавилась новая напасть – неплатежи. В итоге население в максимальной степени страдало от инфляционной экономики, не успевая за бешеным ростом цен и одновременно теряя на обесценивании собственных зарплат из-за неплатежей.

Ситуация на некоторое время законсервировалась. Экономика высокой инфляции, огромных структурных диспропорций все еще сохраняла устойчивость. В течение трех лет любые попытки хоть как-то остановить инфляцию натыкались на яростное противодействие чиновников и директоров. Их поведение легко объяснимо – инфляция дает безграничные возможности для обогащения.

Еще более углубилось социальное расслоение, о котором так часто кричат оппоненты власти: используя доступ к источникам доходов, богатые намного быстрее наращивали свои капиталы. В итоге к концу 1994 года доходы группы наиболее богатых граждан превосходили доходы самых бедных почти в 14 раз – рекордный показатель для стран Восточной Европы.

Богатые, к которым большинство наших сограждан относятся, мягко говоря, без особой любви, выполняют важную экономическую роль. Богатые создают рабочие места, выступают в качестве инициаторов инвестиционной активности, оказывают помощь социальным институтам. Однако российское общество оказалось совершенно не готово принять богатых как необходимый для экономики слой.

Экономическая ситуация, сложившаяся в России за годы реформ, сформировала огромный пласт неподконтрольной государству экономики. По оценке г-жи Малевой, сегодня количество людей со вторичной занятостью (работающих в нескольких местах) составляет свыше 12 млн. человек. Об их доходах, практически не попадающих в статистическую отчетность, можно лишь догадываться. Более того, по оценкам Института экономического анализа, свыше 25% людей, официально зарегистрированных в качестве безработных, имеют скрытые источники доходов.

Вероятно, именно эти факторы отчасти компенсировали потери населения. Кроме того, оказалось, что противодействие населения не всегда находится в прямой зависимости от давления предприятий и государства. Если взглянуть на географию протестов, то увидим странную картину: забастовки проходят в отраслях и областях, где экономическая ситуация далека от критической. Шахтеров или авиадиспетчеров едва ли можно отнести к наиболее пострадавшим группам, особенно если сравнить их социальное положение, например с ткачихами Иванова (самая кризисная область страны) или рабочими оборонки. Забастовки фактически стали инструментом политического давления либо выбивания отраслевых льгот.

Не стоит забывать и о полных прилавках – безусловного достижения реформ. Дефицит, привычный для россиян в дореформенный период, ушел в историю. Во многом благодаря этим обстоятельствам России удалось преодолеть кризисный этап без более серьезных социальных последствий.

Перелом в борьбе с инфляцией произошел в 1995-м. Первая, по-настоящему удачная попытка остановить инфляцию привела в итоге и к стабилизации темпов роста социального расслоения. Немного снизившись в начале прошлого года, этот показатель уже год сохраняется на одном уровне: 13,6 – именно во столько раз самые состоятельные сегодня богаче самых бедных. Однако радоваться пока рано. Во многом рост доходов малоимущих слоев населения в прошлом и нынешнем году определялся политическим фактором. В преддверии выборов, сначала парламентских, а затем президентских, правительство проводило политику активного индексирования пособий и пенсий. Продолжать такой курс бесконечно правительство далее не в состоянии.

Г-жа Малева указывает и на другую тревожную тенденцию. Хотя рост расслоения и остановился, но само расслоение остается чрезвычайно высоким. Как показывает статистика, количество и самых богатых и самых бедных в течение прошлого года оставалось практически неизменным.

Зато в других группах населения отмечаются постоянные колебания. Относительно высокий семейный достаток может быстро смениться кризисом семейного бюджета, и наоборот. Именно устойчивость, а не номинальные доходы являются главной характеристикой среднего класса. Увы, по статистике выходит, что перспективы формирования среднего класса, являющегося основой стабильности западного общества, для России пока что весьма туманны.

Чтобы приостановить дальнейшее расслоение, полагает г-жа Малева, необходимо сделать социальную помощь действительно адресной. Пока все выделяемые государством деньги тратятся крайне бестолково. Так, например, пособие на ребенка выплачивается всем семьям с детьми. Между тем заинтересованность малообеспеченных семей в таких пособиях чрезвычайно высока, в то время как в бюджете богатых эти деньги давно уже не делают погоды. Кроме того, крайне важно отказаться от практики привязывания индексации пенсий и пособий к минимальной зарплате, составляющей на сегодня всего 20,4% от прожиточного минимума. Важно наконец покончить со злоупотреблениями средствами Пенсионного фонда, печально знаменитого своими неплатежами.

Можно, конечно, пойти по другому пути и наращивать доходы населения за счет эмиссии новых денег, что, соответственно, вызовет дальнейший рост инфляции. Но, кажется, в России это уже проходили.

Насколько русские новы?

Самое новое из того, что появилось за последние пять лет, это, конечно, новые русские. Хотя никто не может толком объяснить, кто они такие, все понимают, что означает этот термин

Андрей Быстрицкий,
Дмитрий Шушарин

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Словосочетание «новый русский» уже устоялось, а потому все попытки заменить его словами «нувориш» или «скоробогач» бессмысленны. Язык не исправить – его надо понимать. Раз так говорят, значит, вкладывают в это вполне определенный, хотя и довольно противоречивый, смысл.

В общем, под именем «новые русские» разумеют тех, кто приобрел богатство и влияние в годы реформ и кто не смог бы этого сделать в застойное время. В таком употреблении термин «новые русские» констатирует появление элементов новой социальной структуры.

Если же обобщить обыденные высказывания, в первую очередь анекдоты о «новых русских», то можно выделить следующие черты, присущие этому типу, – богатство, хамство, отсутствие культуры, склонность к варварской роскоши. Типичные места обитания «нового русского» – ресторан, ночной клуб или дорогой магазин. В них он сорит деньгами и проявляет неслыханную глупость – из-за забитых пепельниц покупает новый «Мерседес» или хвастается тем, что приобрел пустяковую вещь за баснословные деньги. Столь же гиперболизировано бескультурье «нового русского», который, подбирая распятие к браслету, требует снять с креста «гимнаста».

Однако дело не исчерпывается карикатурой. «Новый русский» – вне пространства анекдота – реальный персонаж социальной жизни, человек, символизирующий определенный успех реформ. В этом качестве «новый русский» куда разумнее, чем его изображают в анекдотах, он в состоянии осознавать свои социальные интересы – интересы, как правило, предпринимателя – и проявлять общественную активность: поддерживая, например, Бориса Ельцина, требуя снижения налогов и так далее.

Но все эти определения даны «со стороны». Никто из рассказывающих о «новых русских» сам себя к ним не причисляет, и даже обладатель ярко-красного пиджака ни за что не признается, что он «новый русский». Быть может, единственный достоверный случай самопричисления к «новым русским» – высказывание женщины-дзюдоистки, которая сообщила тележурналисту, что она – «сто пятьдесят килограммов боевого мяса и новая русская».

Иными словами, мы имеем дело с крайне интересным общественным мифом, возникшим тем не менее на реальной социальной почве.

Определение термина

За более подробным ответом можно, конечно, обратиться к социологам, но это представляется пока бесполезным. Социологические методы весьма эффективны в обществе стабильном, но не в эпоху перемен. Говорят, например, что «новые русские» – люди с доходом две тысячи долларов на члена семьи и выше. Но откуда взялись именно эти цифры? (Называют и другую сумму – шесть тысяч.) К тому же часто в России имущественные характеристики слишком подвижны, чтобы служить основанием для выделения социальной группы, а под «новыми русскими» разумеют именно социальную группу.

Вообще говоря, сам термин «новые русские» возник не в толще народного сознания, которое стало оперировать им относительно недавно. Практически очевидно, что он создан в образованной среде и даже, может быть, является переводом с «западного» языка. Логика такого словообразования более присуща именно западной культуре. По одной весьма вероятной версии автором термина может считаться Хендрик Смит, написавший в 1991 году книгу «The New Russians». Иностранцы, безусловно, испытали сильное потрясение, когда на смену «застегнутым на все пуговицы» чиновникам и трусливым туристам из России пришли новые, куда более открытые люди, причем часто с большими деньгами. Скорее всего процесс проходил в два этапа. На первом появился Горбачев и его демократическая свита, которые поражали открытостью и схожестью с европейцами, а на втором – русские богачи без особого воспитания, зато с большими деньгами.

Но как бы то ни было, только образованная часть российского общества могла принять и освоить термин «новые русские», имевший сначала менее отрицательную нагрузку. На «Радио-101» была даже передача «Новые русские», в которой рассказывали о модных художниках и писателях. В известном смысле в термине выразилась оптимистическая по характеру рационализация части российского общества, решившего, правда, умозрительно, что пора дать имя тем, кто соответствует представлениям о свободном и предприимчивом гражданине демократического общества. На данной стадии это было, если хотите, самоутверждение части российских интеллектуалов, вызывающий ответ на долгое использование в советскую пору унизительных понятий вроде «молодой писатель» или «молодой художник», в которые загоняли всех тех, кто не отвечал принципам социалистического реализма.

Сыграла свою роль в формировании понятия «новый русский» и номенклатура, которая во время перестройки и в первые годы реформ полагала, что она удачно переместится из партийно-советских кресел в буржуазно-управленческие. Эту часть общества неприятно поразила активность тех, кого они и за людей не считали – всяких провинциальных инженеров и кандидатов наук.

Итак, нейтральный или положительно окрашенный поначалу термин позже приобрел довольно отрицательный и унизительный оттенок – результат зависти и страха конкуренции у представителей старой элиты, интеллигенции и многих других, кому не слишком посчастливилось в результате реформ. Известно же, что подавляющее число предпринимателей с доходом выше нескольких тысяч долларов в месяц – люди с высшим образованием. Конечно, среди них немало тех, кто хамоват и груб, но в соответствии с анекдотами ведут себя скорее предприниматели с невысоким или средним доходом, чем действительно богатые люди.

Наконец, не последним обстоятельством в формировании термина «новые русские» было и то, что в бизнес пришли уголовники.

Таким образом, сегодня слова «новые русские» являются формой осмысления обществом своего же собственного расслоения, причем неоднозначность термина свидетельствует, в частности, о том, что возникающие новые группы богатых и влиятельных людей еще не пришли к согласию относительно своей роли и своего образа в социуме, а другие социальные слои еще не готовы согласиться с возникающей социальной иерархией. Прежняя система ценностей, выражающаяся в высказываниях вроде «не в деньгах счастье» или «бедность – не порок», пока еще никуда не делась, да, кстати, и не денется, поскольку «не хлебом единым жив человек». Даже в самом благополучном случае поиск согласия между богатыми и не очень займет многие годы.

Но если скепсис по отношению к новым русским «извне» объяснить нетрудно, то сложнее разобраться со слабой самоорганизованностью и слабым самоосознанием новых элитных слоев.

Виды на будущее

Чтобы понять этих людей, нужно отдавать себе отчет в том, что они пережили тяжелую душевную травму. Не только социальное падение лишает людей внутреннего равновесия – резкий подъем, скорее, даже скачок вверх может неблагоприятно сказаться на людях, порой сделать их поведение совершенно неадекватным. Стресс может наступить и от множества отрицательных эмоций, и от избытка положительных.

Психологическая неустойчивость обладающих существенной государственной, экономической, информационной и иной властью создает проблемы для всего общества, которое, к сожалению, пока реагирует довольно инфантильно, то есть ограничивается зубоскальством и традиционной формой кухонных семинаров. Впрочем, есть явления, свидетельствующие и о росте внимания к социальной роли новой элиты.

Если же исходить из того, что первична все-таки личность, то назвать новых русских «новыми» будет весьма затруднительно. Тоталитаризм деформировал внутреннюю структуру личности. За пять лет такое не исправишь. Кроме того, временная победа социализма в России в свое время была вызвана тем, что люди, формировавшие так называемый класс буржуазии, не успели достичь той степени внутренней уверенности, которая гарантировала бы их социальную и историческую ответственность. И послужила бы помимо этого основой их корпоративной солидарности.

Последнее принципиально важно. За прошедшие пять лет России пришлось столкнуться с проблемами не только посттоталитарного общества, но и с проблемами, которые не удалось решить еще «до исторического материализма». Потому и «новые русские», если под ними понимать современную российскую финансовую, промышленную и коммерческую элиту, являются довольно непредсказуемой, разобщенной и разношерстной частью русской нации и российского общества, как, впрочем, и само общество.

Так называемая надстройка вовсе не следует покорно за так называемым базисом. Реформы, начатые в 1992 году, исходно были обращены сначала к человеку и лишь потом – к обществу и нации. И именно поэтому затронули основы общественного и национального бытия. Но реформаторы не обрели и не пытались обрести принципиально новую идентичность – социальную и историческую.

Только ценности высшего уровня и могут стать интегрирующими социальными ценностями. «В процессе», «сами собой» они не обретаются и, уж конечно, никак не могут быть заменены интересами одной социальной группы, будь это даже «самые новые» русские.

Таким образом, история «новых русских» еще раз приводит нас к общим проблемам российского общества, прежде всего к его неконсолидированности. «Новые русские» потому и смешны, что общество видит в них только лично преуспевших, но бесполезных для социального целого людей. Похоже, что многие из тех, кто послужил прообразом «новых русских», думают и сами точно так же, то есть трактуют страну, в которой живут, как некий Клондайк, предназначенный для сколачивания богатства сегодня и сейчас, а не место, с которым связывают представления о будущем.

Скорее всего, в ближайшем будущем ситуация изменится. Термин «новые русские» или вовсе исчезнет, или отступит на второй план, превратится окончательно в обозначение вульгарного нувориша, а предпринимательская элита обретет новое имя или несколько имен, менее эмоционально окрашенных, но зато более точных.

Андрей Рахмилович: «России нужен суд присяжных»

Взгляд московского адвоката на состояние судебно-правовой системы

ПРАВО

— Первый вопрос очень простой. Произошли ли какие-то крупные изменения в российской судебной системе за прошедшие пять лет?

— Во-первых, в России начала формироваться новая правовая система. В России на сегодняшний день имеется три ветви судебной власти: общие суды, которые были всегда, арбитражные суды (которые в советское время судами не были — существовало ведомство, разбиравшее споры) и отдельно Конституционный суд. Строго говоря, лучше, когда есть единая судебная система. Но ведь сразу ее создать невозможно.

Эти три ветви несколько ревнуют друг к другу. Скажем, Конституционный суд, как ему и положено, проверяет конституционность закона.

В декабре прошлого года обычный Верховный суд принял разъяснение, в котором он указал, что и обычные судьи, рассматривая дела, при применении закона должны проверять, соответствует ли он Конституции. То есть Верховный суд приревновал Конституционный суд к его полномочиям и своих судей обязал делать то, чего никогда не обязал бы их делать, если параллельно не было бы Конституционного суда. Но это не страшно — ревность помогает им, подталкивает к развитию.

— У нас множество судов, они друг друга подталкивают. Но, наверное, судебная система работает эффективно, когда ее подталкивает также и общество, которое требует соблюдения закона. Изменилось ли само общество в правовом отношении?

— Да, бесспорно, изменилось. В свое время нам казалось, что принятие хороших законов — это мало. Законы хорошие, но судьи старые, и ничего не меняется. А законы меняют людей. В Англии, скажем, суд присяжных существует почти тысячу лет. Потому ли, что англичане свободолюбивы? Или, наоборот, они свободолюбивы, потому что у них уже тысячу лет есть суд присяжных? Когда развивается законодательство, меняется и менталитет общества.

Люди в России начинают пользоваться законами, начинают понимать свои права, подают гражданские иски, чего никогда раньше не было. И под влиянием закона меняются сами судьи — начинают превращаться из чиновников в людей, которым интересно и приятно соблюдать законы, нравится играть по этим правилам.

В ОТСУТСТВИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

— Как изменилась пропорция различных дел — уголовных, гражданских за последние годы?

— Сильно возросло количество гражданских дел. Количество уголовных, думаю, не изменилось.

— Но говорят, что люди жалуются в суды, потому что нет парткома. То есть руководствуются логикой кляузы, а не судебного спора.

— Конечно, суды завалены огромным количеством непрофессиональных исков. Бессмысленных, кляузных. Это неизбежно: во-первых, люди только-только начинают пользоваться законом. Они, как та мартышка, цепляют его на хвост, вместо того чтобы смотреть сквозь него на мир.

Во-вторых, это связано с недостаточным развитием адвокатуры. В России до сих пор нет закона об адвокатуре. В Москве существует около десяти коллегий адвокатов. Хотя на самом деле в каждом субъекте Федерации должно быть по одной коллегии, и отбор в нее должен быть достаточно строгий. А также — строгий контроль со стороны самой корпорации.

В-третьих, адвокатура не может предоставить достаточно квалифицированные юридические услуги, отсюда — большое количество бессмысленных исков. Со временем, я думаю, все войдет в норму.

— А сколько человек должен заплатить за компетентные услуги адвоката в гражданском иске?

— Достаточно большие деньги, потому что адвокатская работа — это работа тяжелая. Более того, сам клиент заинтересован в оплате адвоката: чтобы адвокат мог хорошо заниматься делом, у него должно быть время. Нужно, чтобы он не был завален делами, зарабатывая себе на жизнь, а вел всего несколько, и чтобы они обеспечивали ему достаточный заработок. Чем больше клиент платит адвокату, тем больше у того времени заниматься его делом. Если клиент платит адвокату столько, что тот может отбросить все свои остальные дела, тем лучше клиенту.

— А бывают ли конфликты между клиентами и адвокатами?

— Между клиентами и хорошими адвокатами не бывает конфликтов. Бывает, правда, что клиент требует от адвоката не юридических услуг, а передачи взятки судье. У меня требовали. В таком случае я говорю, что это не моя профессия.

— А есть адвокаты, которые передают?

— Есть. Как и судьи, которые берут взятки.

— Не рано ли вводить в России суд присяжных? Ведь известна масса случаев, когда присяжные оправдывали заведомых преступников, проникаясь к ним жалостью.

— Обязательно нужно вводить суд присяжных! Он действует в нескольких областях страны, по-моему, в девяти регионах, а с 1997 года вводится еще в нескольких. Во-первых, неверно, что присяжные слишком снисходительны. В некоторых случаях присяжные могут быть значительно более жесткими и жестокими, чем профессиональные судьи, именно под влиянием эмоций. Статистика показывает, что оправдательных приговоров среди присяжных не так много.

Во-вторых, суд присяжных важен потому, что это удивительно серьезное испытание для следствия. По закону доказательства, добытые с нарушением процедуры, не имеют доказательной силы. Их суды не должны рассматривать. Но в обычном суде они тем не менее попадают на стол судьи. И, конечно, судьи их учитывают. В суде присяжных судья в предварительном заседании через прокурора и адвоката обязан отсеять все доказательства, добытые с нарушением закона. Поэтому суд присяжных заставляет работать следствие. Конкретный пример: дело Орехова, известного в свое время человека, капитана КГБ, который помогал диссидентам, предупреждая их об арестах. Он не единственный в этой системе, кто получил во второй половине 70-х годов восемь лет лишения свободы, отсидел все восемь и вышел на свободу уже в период перестройки.

Год тому назад он был арестован по обвинению в незаконном хранении оружия — у него был изъят пистолет. Орехов утверждал, что пистолет был неисправен, что это, по существу, игрушка. Тем не менее ему вменили в вину хранение оружия. Так вот, при изъятии пистолет был упакован, как положено, в соответствующий конверт, опечатан печатью следователя. А на экспертизу попал в другом пакете. И по материалам дела было установлено, что он дважды перекладывался из одного пакета в другой, при этом нарушались печати. Следствие тем не менее признало пистолет боевым, и суд приговорил Орехова к трем годам лишения свободы.

Поскольку с вещественными доказательствами так поступать нельзя, заключение эксперта юридической силы не имеет. Это не доказательство, оно получено с нарушением закона. В суде присяжных такое доказательство было бы отсеяно на предварительном слушании. В нашем суде, обычном, оно попало на стол суда, и суд на его основании вынес приговор. И сколько мы ни жаловались, судьи, по существу, уходили от ответа на этот вопрос. Мол, да, действительно пистолет перекладывался, да, это нехорошо — и все. Сегодняшнее следствие ничем не отличается от советского, оно не меняется. Введение суда присяжных может заставить следствие измениться и начать действительно хорошо работать.

— Но ведь есть опасность, что простые люди, ставшие присяжными, будут подвергаться давлению мафии, уголовников. Может быть, одного судью легче защитить, чем 12 присяжных?

— Но все равно суд присяжных в любом случае более независим, менее подвержен давлению и в серьезных делах объективнее, чем профессиональный суд.

— Все-таки Россию правовым государством пока не назовешь. Сергей Ковалев, например, недавно заявил, что в Чечне, наверное, не стоит проводить выборы, потому что там чрезвычайное положение. И тут же добавил: юридически оно не введено, поэтому выборы там должны были бы состояться, но их все равно не надо бы проводить. Фактически он призывает пересмотреть закон явочным порядком. А ведь речь идет об известном правозащитнике.

— Российское общество еще не вполне правовое. Но в отношении чрезвычайного положения в Чечне все не так просто. Ведь закон — это отражение реальной действительности. Если поросенка назвать карпом по закону, он карпом не станет. А реально ведь там есть чрезвычайное положение.

— А могут граждане, например, подать в суд и потребовать от государства объявления чрезвычайного положения на том основании, что оно фактически существует?

— Сложный вопрос. Граждане могут обжаловать действия или бездействие должностного лица. По закону возможно обжалование бездействия президента. Другое дело, что мы не очень хорошо различаем целесообразность и законность. Жаловаться на незаконные решения президента, как и любого другого высшего органа власти, вы должны в Верховный суд, а жаловаться на его же незаконные действия или бездействие — в Хамовнический народный суд по месту нахождения Кремля.

Все это сделано для того, чтобы затруднить гражданам реальную возможность обжаловать незаконные действия или бездействие исполнительной власти: живя на Дальнем Востоке, вы будете принуждены ехать в Москву, чтобы подать в суд.

Но все же нельзя за деревьями не видеть леса. Успех нынешних правовых реформ сопоставим с преобразованиями Александра Освободителя. Будем надеяться, что нынешних реформаторов не постигнет судьба этого государя.

А. Б.

Начальники и подчиненные

Их взаимоотношения в отличие от любовных нечасто служат источником поэтического вдохновения, но на людей они влияют не менее сильно

Андрей Новиков

СОЦИАЛЬНОЕ

Когда Горбачев начинал перестройку, он любил говорить о «человеческом факторе» и ускорении. По сути разумелась простая вещь: социальные отношения в России должны быть преобразованы так, чтобы открылся простор инициативе граждан. Иными словами, начальники должны были меньше управлять, а подчиненные — больше принимать самостоятельных решений. Правда, Горбачев не смог толком объяснить, каким образом он собирался этого добиться. Ельцин и его реформаторская команда подошли к делу более радикально: было предложено ввести частную собственность и рынок и за счет этого сократить функции государства. Теоретически это означало радикальное изменение социальной иерархии и давало возможность преодолеть традиционные для России отношения между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, поскольку число начальников должно было резко возрасти, а единая управленческая пирамида рухнуть. В результате общество должно было сплотиться на новых основаниях и сделаться более эффективным и экономически, и политически, а отношения между начальниками и подчиненными взаимно лояльными и партнерскими.

По сути это была модернизационная задача, которую в той или иной мере решали, и порой довольно успешно, многие народы. В нашей стране ситуация осложняется крайне неблагоприятным историческим наследием. Попросту говоря, традицией произвола начальников и рабского послушания подчиненных.

История вопроса

Обвинение России в деспотии и жестокости — общее место. Но помимо общей жестокости нравов, в отношениях между начальниками и подчиненными в России более всего удивляют некоторые черты, проявлявшиеся достаточно часто. И прежде всего — какая-то удивительная недружелюбность, вплоть до взаимного предательства. Одну из причин этого многие видят в длительном господстве крепостного права, деформировавшем властные отношения.

Юрий Лотман отмечал, например, что русского помещика обычно раздражал вид зажиточных крестьян, хотя при здравом размышлении ясно, что богатые крепостные выгоднее бедных. «Мертвые души» не только история мошенничества, но метафора отношений к людям в России XIX века. Среди русских полководцев думать о потерях своих войск считалось неприличным. Жадность и жестокость русских буржуа не нуждаются в доказательствах. Известно, что ленское восстание началось из-за того, что женщин-работниц на приисках кормили гениталиями коня, а броненосец «Потемкин» ни за что не вошел бы в историю, если бы моряков также не пичкали гнилыми половыми органами скота.

Относительная немногочисленность восстаний и бунтов русских людей явилась, понятно, прямым следствием длительного господства рабства. Алексей К.Толстой писал, что, когда он изучал архивы времен Ивана Грозного, у него волосы дыбом становились от описания насилия и ужасов. Но потрясли его не столько они — такого всегда и везде хватало, сколько покорство, с каким общество выносило насилие.

Автор одной из самых известных книг о России маркиз де Кюстин писал о русских, что «они с удовольствием смешивают ужасные добродетели своих господ с благотворным могуществом своих святых и стараются прикрыть верой жестокость истории». Николай Бердяев, говоря о большевиках, заметил, что они соответствовали «русским методам управления и властвования, основанным на всемогуществе принуждения». А Дж.Кеннан как-то пошутил, что «если даже мы согласимся, что «Россия в 1839» де Кюстина не очень хорошая книга о России в 1839 году, мы окажемся перед тревожным фактом, что это великолепная книга, несомненно, самая лучшая из книг о России Иосифа Сталина и совсем неплохая книга о России Брежнева и Косыгина».

Иными словами, традиция управления и подчинения в России ужасающая. И последние годы советского режима не были в этом отношении исключением.

Насилие и жестокость сопровождались постоянным требованием начальников любви от своих подчиненных. Последние были обязаны, несмотря на все унижения, демонстрировать вечную преданность и полную покорность руководству, этакую привязанность к доброму отцу, строгому, но справедливому, прячущему под суровой маской нежную душу, исполненную нежности и сострадания.

Естественно, что все перечисленное — только одна сторона вопроса. Более того, возможно, что мы невольно проецируем наш недавний и весьма отвратительный опыт жизни в СССР на прошлое. Мы, жители России, да и те, кто нас изучает, народ нервный. Тот же Алексей К.Толстой, которому хотелось выть и кататься при мысли о том, какая Россия была замечательная страна до монгольского ига, возможно, совершенно зазря обижал татар. В XVI веке религиозный мыслитель Иван Пересветов писал, что, если бы к христианской вере России присоединилось татарское правосудие, ангелы могли бы жить в этой стране.

Что изменилось в результате реформ

Ситуация в России за последние несколько лет изменилась достаточно серьезно. И, как оказалось, хватило приблизительно тридцати спокойных лет, чтобы сломать традицию произвола и сделать возможными радикально-демократические реформы.

Вместе с Борисом Ельциным к управлению страной пришли люди, каких в России, вообще говоря, на политической вершине почти никогда не видели. Для этого достаточно посмотреть или вспомнить лица первых министров правительства независимой России. Прежняя управленческая пирамида, как и предполагалось, рухнула. Правда, развалилась при этом на достаточно крупные куски, многие из которых продолжают функционировать в автономном режиме. В целом сейчас в России существуют по меньшей мере несколько моделей отношений между начальниками и подчиненными.

И в конечном счете успех реформ в России зависит от того, какая из них возобладает. И наоборот — успех реформ будет способствовать изменению отношений между начальниками и подчиненными.

Модель, которая может быть названа цивилизованной, в основном распространена на частных предприятиях. Хотя не так уже редко ее можно обнаружить и в государственных организациях. Все в конечном счете зависит от мировоззрения людей, стоящих у руля этих предприятий, и от сопротивляемости сотрудников. Достаточно большое количество хорошо образованных и освоивших, по крайней мере внешне, западную систему ценностей граждан является гарантией относительно широкого распространения этой модели. В таких «конторах» оплата труда более или менее справедлива, а руководство понимает партнерский характер отношений с подчиненными. Конечно, все это не исключает известных сложностей и отклонений, но сам факт, что около четверти жителей России считают условия своего существования, включая работу и производственные отношения, вполне приемлемыми, говорит сам за себя. Более того, часто работники новых по духу предприятий гордятся своими организациями, причем не потому, что у них три переходящих знамени, а директор непременный участник съездов партии, а потому, что осознают результат своих общих усилий и достигнутый успех. Но главное все-таки в том, что отношения между начальниками и подчиненными стали в значительной степени партнерскими.

За пять лет ситуация изменилась разительно, в чем каждый из нас может самостоятельно убедиться, зайдя в магазин. Речь идет не об изобилии на прилавках, а о поведении продавцов, многие из которых стали явно дорожить работой и обращаются с нами уже привычно вежливо. Это, конечно, косвенный показатель, но тем, кто работает в новой системе отношений, объяснять ничего не нужно, а тем, кто вне их, — бессмысленно.

Другое дело, что ликовать по поводу торжества цивилизованной системы отношений, мягко говоря, рано. Наивно думать, что устоявшиеся социальные отношения могут в одночасье исчезнуть.

В чем проблема

Отношения между управляющими и управляемыми не существуют сами по себе. Их характер определяется социальным целым, теми ценностями и представлениями, которые в нем господствуют.

И вот с этим-то довольно много проблем.

Во-первых, российское общество не консолидировано. А это означает, что компромиссы между людьми затруднены, поскольку у них нет ощущения близости и общности, принадлежности к чему-то единому. А без компромиссов, без взаимных уступок и признания ролевого разделения обязанностей не может быть нормальных отношений между руководителями и руководимыми. В противном случае устанавливается или полная анархия, или деспотический произвол. Если подчиненные достаточно боятся руководства, как это часто бывало в социалистические времена, они громко льстят, тихо саботируют и тайно воруют. Если же не боятся, тащат все без оглядки.

Конечно, российское общество ищет пути консолидации. В отдельных социальных группах уже заметны ее черты, но качественного рывка в масштабе всего общества пока не произошло. Во всяком случае способность трети населения голосовать «назло всем и вся» и слабость профсоюзного движения заставляют сомневаться в крупных успехах сплочения российского общества.

Неконсолидированность необычайно опасна, поскольку разделяет граждан на «их» и «нас», возвращает нас к временам СССР, когда существовало два народа — «начальники» (номенклатура) и «подчиненные» (все остальные). И когда рабочие на заводе, директор которого не платит им зарплату, а сам проводит отпуск на Багамах, требуют свержения центральной власти, вместо того чтобы бороться со своей собственной администрацией, то это возвращение во времена «совка».

Во-вторых, псевдопатриархальность. С одной стороны, она менее опасна, чем отсутствие сплоченности, с другой — преодолеть ее куда труднее. Обычное ее проявление — ожидания, предъявляемые к руководителю. В России, как известно, начальник без персональной «тачки» и спецпайка не начальник. И как только кто-либо становится депутатом Государственной думы, министром правительства или директором завода, он часто сталкивается с этими ожиданиями. Со стороны родственников и друзей, прихлебателей и просто окружающих. И недооценивать это явление не стоит. Я во всяком случае видел не раз, как в считанные месяцы человек менялся полностью, невесть откуда приобретая замашки провинциального секретаря обкома. Причем не всегда спасет хорошее воспитание и любовь к классической литературе.

Конечно, кроме перечисленных причин, затрудняющих становление новой системы социальных отношений, существует еще множество других, более или менее значимых.

Но куда важнее другое. Российское общество, при всех сложностях своего нынешнего состояния, развивается. Никто уже, кроме незначительного меньшинства, не кричит о всеобщем и тотальном равенстве. Очевидно, что быстрее или медленнее, но выработаются объединяющие всех ценности, опосредованные чувством принадлежности к целому — народу, Богу, истории, культуре.

Более того, наш ропот — результат слабой способности разглядеть то, что происходит с нами сейчас. Известно же, что люди осмысляют сегодняшний день всегда в терминах дня вчерашнего.

Все краски жизни «НИОПИК»

Сетования о гибели науки сделались настолько привычными, что самый тезис никто уже не ставит под сомнение. Однако если посмотреть на судьбу обычного института, то ситуация выглядит не такой уж страшной

Игорь Рябов

НАУКА

НЕМНОГИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ институты могут сегодня зарабатывать. Тем более своими мозгами. НИИ органических полупродуктов и красителей («НИОПИК») из-за кризиса в промышленности растерял всех клиентов. Но выжил и даже преуспевает. Правда, для этого химикам института пришлось стать фармацевтами.

Начиная с 1931 года «НИОПИК» (бывшее акционерное общество «Русская краска», основанное в 1914 году) обслуживал в СССР около 15 крупнейших комбинатов по производству органических красителей. Всей текстильной и легкой промышленности он дарил краски жизни. Когда встала промышленность — встали комбинаты, и крупнейший в своей отрасли «НИОПИК» превратился в заурядный беспомощный НИИ, каких в стране множество. Сел на мель на несколько лет.

«Наступил момент, когда нам пришлось совсем худо, заказов — никаких. Мы ломали голову над тем, как же спасти «контору», — рассказывает генеральный директор Георгий Ворожцов. — Возможности были: кроме научной базы у нас есть опытный завод в Долгопрудном, 1,5 тысячи сотрудников. И мы решили делать флаги».

Флаги, естественно, не белые. Георгий Ворожцов никогда не собирался сдаваться. Начальная идея казалась почти детской для института, специализирующегося на тонком органическом синтезе. По сложной и высокопродуктивной технологии (крашение в парах) институт стал выпускать симпатичные флажки. И до сих пор выпускает. Самые разные — государственные для посольств, сувенирные. Сегодня 15 девушек за две недели зарабатывают миллиард рублей. Бизнес, на который поначалу не возлагали особых надежд, оказался весьма доходным.

Другой способ зарабатывать деньги — на сей раз с применением высоких технологий — появился позже. На основе ранее секретной технологии, предназначенной для очков, защищающих глаза от ядерной вспышки, «НИОПИК» разработал и запатентовал метод изготовления особого стекла. Патент купила частная фирма, изготовляющая зеркала заднего вида для автомобилей. В таком зеркале не отражается яркий свет. Полученная в наследство от оборонки, эта технология помогает водителям не слепнуть ночью от фар идущего сзади автомобиля.

Технология такова: зеркало состоит из двух пластин, между которыми находится жидкость, управляемая фотоэлементами — они реагируют на вспышку, и жидкость меняет цвет в зависимости от освещения. Молекулы, до того момента пропускавшие лучи, превращаются для них в преграду.

Но наиболее продуктивным для химического института оказался прыжок в фармацевтику.

Крупнейшие мировые фармацевтические концерны — Hoechst, Bayer — начинали свою деятельность в химической промышленности. Химическое производство с фармацевтическим — близкие родственники. Чтобы начать изготовлять лекарства, опытному заводу «НИОПИК» не требовалось менять оборудование, а ученым института — повышать квалификацию. Сложная фармацевтика проще сложной химии.

Изучив рынок лекарств, институт нашел свою нишу — в создании препаратов, одна химическая формула которых умещается в несколько строк. Наиболее рентабельным и широким показался рынок онкологических, сердечных и сосудистых препаратов — наукоемких, дорогих и, стало быть, прибыльных. То есть то, что надо. Всего их отобрали около 60.

Новая формула химика Георгия Ворожцова стала такой: «Чем больше источников дохода, тем лучше».

Жива и другая, старая: «Чем сложнее химия, тем нам интереснее».

То есть все равно, какие производить лекарства, лишь бы они были сложные и приносили прибыль.

Панацея для фармацевтов

На рынке медикаментов «НИОПИК» обрел прежнее влияние и уверенность в своих силах. В 1995 году правительство включило его в список отраслевых институтов (всего их 61), получивших статус государственных научных центров Российской Федерации. «НИОПИК» — единственный химический институт в этом списке.

В апреле прошлого же года «НИОПИК» получил первый крупный госзаказ на изготовление прибора для борьбы против рака — фотосенса. Прибор и его компоненты уже созданы, и в 1997 году институт начнет их продавать.

Главные конкуренты у «НИОПИК» сегодня — распространители импортных лекарств. Цены они держат высокие, а себестоимость медикаментов, которые производит институт, делает его продукцию раза в два дешевле.

В первые месяцы новую деятельность института фармацевтические предприятия встретили в штыки. Но Георгий Ворожцов предложил им продавать технологии институту: «Зачем нам ссориться? У фармацевтических институтов нет опытных заводов. Они бегают, ищут, кому бы предложить свои разработки. А тут я сам им предлагаю платить за их технологии. У меня есть завод, у фармацевтов — нет. Наш институт и формулы мог бы легко разработать, да времени жаль. А так и мы, и они будем получать прибыль».

Сила убежденности

Государство гарантирует «НИОПИК» выделение кредитов из федерального бюджета. Эти средства составляют 20—25 процентов того, что необходимо институту для осуществления своих программ. В 1995 году он потратил на свое содержание 26 миллиардов рублей. Требовалось, конечно, больше.

Георгий Ворожцов надеется вернуться в свою родную сферу деятельности: «У меня нет научных интересов в области фармацевтики. Мы просто подрабатываем. Мой настоящий научный потенциал сегодня не востребован».

Однако генеральный директор хоть и предан своим романтическим научным идеалам, прагматично оценивает ситуацию в экономике. Он не ждет скорого подъема легкой промышленности. По крайней мере до тех пор пока, по его мнению, предложение на потребительском рынке будут регулировать «челноки». Но институт всегда начеку и уверен, что не упустит момента, когда рост производства возобновится:

«Мы — наука, нам не надо строить заводов. Мы, ученые, выпускаем рекомендации — бумажки. И в любой момент мы можем возобновить выпускать бумажки, как это делали раньше — для комбинатов по производству красителей».

Химики продолжают писать свои научные статьи, проводить исследования. У института сильные специалисты по жидким кристаллам, лазерным красителям.

Сейчас свои «рекомендации» институт сам и материализует, превратившись в крепкого производителя. Но Георгию Ворожцову на руку государственный статус института; для него главное — приватизировать не оборудование и недвижимость, а деньги и результаты труда. Ему удалось заключить с государством выгодный договор, и оно дает кредиты под низкий процент. У банков институт тоже берет кредиты, но только когда государство ничем помочь уже не может.

Минус менеджмент

Безусловно, «НИОПИК» не собирается уходить из фармацевтики. Она приносит прибыль — зачем же отказываться? Но тяги к гигантомании у института тоже нет: «Мы не хотим расти как фармацевтический концерн, не хотим расширяться. Мы работаем ради денег. И они у нас будут. Сотрудники института еще не получили своей основной прибыли. Есть такие, кто зарабатывает по 1,5 — 2 миллиона рублей в месяц. Зарплата будет большей, когда институт получит доход — видимо, в будущем году. Сейчас у нас уже есть средства на реконструкцию нашего главного здания».

В чем причины относительного успеха института?

Большие ресурсы. Выгодные отношения с государством, которое выделяет льготные кредиты и предоставляет налоговые льготы. Деловая хватка генерального директора, не уступившего своего кресла в годы кризиса и сумевшего-таки вытащить институт из долговой ямы. Он жалеет только об одном — в институте дефицит деловых людей.

Но Георгий Ворожцов не унывает: «Деловых будем искать».

Без крайностей

Андрей Золкин

РЕПЛИКА

В КОНЦЕ XX ВЕКА УТИХЛИ ПРЕЖНИЕ СПОРЫ О значении науки. Никто и не сомневается в том, что именно ее достижения привели к созданию современного мира. Предмет мировой дискуссии — как сделать так, чтобы современные технологии приносили меньше вреда. В России, правда, больше спорят пока о другом — сохранилась ли наука после перестройки и реформ.

Поскольку об этом преимущественно говорят политики, понять что-либо невозможно. Меня же мучают сомнения, а было ли наукой то, что погибло, и погибла ли в самом деле наука. В свое время мне довелось поработать в нескольких институтах. Про один из них могу сказать, что если бы он исчез с лица земли вместе со всем своим персоналом, то этого никто бы и не заметил. В скобках замечу, что ничего с этим храмом мудрости и знания и по сю пору не сделалось. К сожалению. Как тратил деньги налогоплательщиков, так и тратит. Что же касается менее бесполезных научных заведений, то, насколько мне известно, ни одно из них не «пошло ко дну», хотя трудностей испытало немало.

Неверны или во всяком случае уже неверны разговоры о повальном бегстве ученых. Статистика говорит, что научные работники составляют среди эмигрантов небольшую часть — менее двух процентов, что ниже их доли в обществе. И вообще не стоит драматизировать процесс переезда ученых из одной страны в другую. Ученые мужи имеют тенденцию возвращаться, причем с большим опытом и знаниями, чем до отъезда. Один математик, например, человек прямо-таки выдающихся способностей, совершил целое кругосветное путешествие: начал с работы в японском университете, затем переместился в США, оттуда в Мексику и, наконец, снова оказался в одном из российских университетов. Могу свидетельствовать — за время этого странствия из талантливого провинциала он превратился в исследователя мирового уровня. Изменился сам строй его мышления . Наконец, не стоит забывать, что наука — вещь всемирная, и не так уж в конечном счете важно, где делается открытие. Важнее, сможем ли мы его использовать.

В общем, положение дел в науке не стоит обсуждать на политическом митинге. При более пристальном и менее эмоциональном взгляде, чем у нервных политиков, открывается не лишенная сложностей, но довольно оптимистическая картина жизни российской науки.

Реформисты и консерваторы

Александр Кырлежев

РЕЛИГИЯ

Сегодня в церкви имеются две противостоящие друг другу силы — охранителей-консерваторов и либералов-реформистов. Нынешние церковные «правые» стоят за незыблемый жизненный порядок, который можно обозначить формулой «три Д»: Дедовская вера, Держава, Домострой.

Перед «контрреволюционным» натиском ортодоксов либералы кажутся слабыми и неорганизованными, однако в последнее время и они делают попытки консолидироваться и более ясно обозначить свою позицию. С этой целью в Москве в мае была проведена международная церковно-общественная конференция «Время Церкви».

Кратко позицию участников конференции, которая выражена в своего рода совместной декларации, можно выразить так. Сегодня, в условиях разрыва между церковью и современной культурой, РПЦ нуждается в реформах, в продолжении той реформаторской работы, которую начал, но не завершил церковный собор 1917—1918 годов, прерванный большевиками. Реформа эта касается не вероучения или основных христианских принципов, но лишь изменения форм религиозной практики и церковной организации с целью приведения их в соответствие с существом церкви и ее миссией в современном мире. Церковь, обращенная исключительно в прошлое и подменяющая вселенскую христианскую веру местными традициями, изменяет себе самой. Отдельный человек, приходящий в церковь, теряет себя как личность, поскольку сталкивается здесь или с безразличным «ритуальным обслуживанием», или же, наоборот, с авторитаризмом «духовных отцов», вокруг которых складываются тесные группы последователей, весьма похожие на некие тоталитарные секты. Различные группы верующих обвиняют друг друга в «ересях», поскольку сам факт разнообразия стилей и форм церковной жизни воспринимается большинством как измена единой вере.

Преодоление всех этих болезней авторы декларации видят на путях частичного изменения богослужения, развития религиозного и богословского образования с учетом зарубежного опыта и утверждения определенного разнообразия форм религиозной практики, богословских мнений и личных взглядов в качестве нормы церковной жизни.

В течение этого века православные, живущие на Западе, практически уже осуществили своего рода мягкую церковную реформацию. Они отказались от бездумного охранительства и по возможности привели свою церковную жизнь в соответствие, с одной стороны, с христианскими богословскими принципами (о которых не желают вспоминать те, кто хочет «подморозить Россию»), а с другой — с реальной жизнью в современной культуре.

Наши ортодоксы предпочитают создавать «православные гетто», ожидая политической победы сторонников идеологии «трех Д». Либералы обращают внимание на императивы современности. Дело теперь за высшей церковной властью, которая балансирует между «правыми» и «левыми»: от того, кого она поддержит сегодня, зависит будущее Православной церкви в России.

Отец Георгий Кочетков, настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы:

За шесть лет, с 1990 года — начала нового патриаршества, произошло много такого, о чем прежде можно было только мечтать.

Удалось вывести на свет Божий людей, которые тяготели к церкви, но по своему положению в обществе прежде не могли признаться, что они верующие.

Напечатано множество замечательных книг, скажем, Бердяева, Вышеславцева, Мейендорфа, которые, правда, мало кто читает.

Еще надо сказать, что народ церковный крайне помолодел. Сейчас значительно больше половины, может быть, 90% — это люди, пришедшие в церковь за последние годы. Но сам этот молодой церковный народ оказался совершенно не готов к тому, чтобы учиться, а не учась, он допускает очень странные вещи, часто просто противоречащие основам веры и Евангелия. Распространяются всякого рода суеверия, шовинистические идеи ставятся во главу угла: ты русский — значит должен быть православным, а если не русский, то вообще сомнительно, можешь ли ты ходить в церковь. А не лучше ли тебе пойти в синагогу или в свою мечеть? Вот это страшно. Некоторые монастыри, а их стало множество, не успели отстроиться, как уже прославились актами аутодафе над книгами о.Меня, о.Шмемана, Бердяева.

Фундаменталистские тенденции необыкновенно возросли, что привело даже к шантажу высшей церковной иерархии. Какой-нибудь молодой батюшка, ретивый, энергичный, но невежественный, может взять и прервать поминовение, скажем, патриарха. Только потому, что ему не понравилось выступление Святейшего в Германии или в Нью-Йорке.

Мне кажется, очень важна проблема восстановления полноты церковной традиции. Если мы не осознаем себя наследниками опыта церкви XX века, если мы будем дальше возрождать лишь церковь века XIX, мы придем к тому же, к чему пришел XIX век — простите, к 17-му году. А мы явно к этому идем и думаем, что это и есть православие. Фактически идет восстановление всех структур XIX века, все недостатки того времени возрождаются, да еще в худшем виде, потому что понятно, с какого уровня начинаем. Мы сейчас отброшены назад на богословский уровень конца XVIII века. Вот это, может быть, самое серьезное — мы еще не научились быть наследниками собственной традиции. В том виде, в каком она была Богом дана нам в реальной истории XX века. А потом соединиться с традицией вселенского православия, которое сделало бы наше русское православие конкретной традицией внутри этого вселенского православия, победительной, открытой, способной к росту, к обновлению. К решению современных проблем. Не постфактум, когда уже отгремело и затихло, а тогда, когда эти проблемы еще только назревают. Вот тогда бы церкви верили, к ней бы прислушивались, она играла бы свою пророческую роль. А пока этого нет, люди думают о конформизме церкви. О том, что она просто приспосабливается к сильным мира сего.

Мы можем говорить много о хорошем: о том, как быстро восстанавливаются храмы, о том, как прекрасно поют хоры, о том, что все-таки есть духовные учебные заведения. Но все же вот этот недостаточный импульс свидетельства, недостаток живого примера церкви — вот это внушает тревогу. Конечно, нельзя придумать такой пример, он просто должен быть. ■

Сколько в России верующих?

По данным ВЦИОМ, лишь 10% россиян смогли верно указать национальность апостолов Андрея и Павла, а 25% считают, что они были русскими

Религиозной ситуации в России трудно дать корректное статистическое описание. Переписи населения, в которой бы учитывалась принадлежность граждан к той или иной конфессии, с 1913 года не проводилось. По результатам же проведенных ВЦИОМ опросов, в 1990—1991 гг. верующие в России составляли 29% населения. В 1994 г. уже большинство граждан (54% из числа опрошенных) считали себя верующими людьми, неверующими назвали себя 34% участников, а 13% затруднились дать ответ.

Среди тех, кто верит в Бога, большинство (51%) — православные христиане. Мусульман среди респондентов оказалось 4%. Католиков — 0,4%, иудеев — 0,4%, протестантов — 0,3%, греко-католиков — 0,1%.

Вот данные по количеству верующих, представленные религиозными объединениями:

Русская православная церковь — **60** млн. приверженцев, ислам — **18—23** млн., буддизм — **2** млн., остальные — **5** млн.

Ходят ли россияне в церковь?

Религиозность населения измеряется некоторыми формальными показателями, в православии к ним относятся доля крещеных, частота посещений церкви, частота причастий. По данным ВЦИОМ, в конце 1989 г. крещеных было около 60% россиян, а в конце 1992 г. — уже более 75%. 5% опрошенных ответили, что ходят в церковь раз в месяц, 35% — от 1 до 10 раз в год, никогда не ходят в церковь 45% опрошенных. В 1990 г. хоть раз причастились 7% россиян, а в 1992 г. — 10%, то есть лишь каждый пятый из назвавших себя православными.

По материалам Благовест-инфо.
Подготовила **Мария Лукина**

Попить бы чаю с вареньем

Единственное оправдание политики — это нормальная жизнь для обыкновенных людей

Денис Драгунский

НЕСБЫТОЧНОЕ

Игра сделана. Единственное, чем стоит заняться — подумать, как и ради чего все это затевалось. Шесть лет назад Россия провозгласила свой суверенитет, что в тот момент выглядело несколько странно — независимость от Кремля и четырнадцати союзных республик. На свет появилась страна, дотоле никогда не существовавшая — ни в географической, ни в политической, ни в экономической реальности. Надо было пережить августовский путч, Беловежские соглашения, поспешное строительство собственных государственных институтов, тяжкие экономические реформы, октябрьскую стрельбу в центре Москвы — чтобы огромный геополитический огрызок по имени РСФСР начал потихоньку превращаться в реальную Россию.

Шесть лет — это календарная условность. На самом деле от провозглашения суверенитета до нынешних выборов прошло две тысячи сто девяносто два дня, каждый из которых был наполнен тревогой, сомнениями и постоянным ожиданием беды. Ожидались экономический крах, демографический обвал, региональная дезинтеграция, межэтническая резня и пограничные войны. Беда, однако, миновала, хотя эксперты упорно старались ее накликать.

Казалось, что впереди наконец забрезжила нормальная жизнь для обыкновенных людей. Честно говоря, только ради этого и стоило огород городить.

Но где там! Выборы президента! Разум возмущенный кипит по обе стороны баррикад, а также сбоку и снизу. Отзывчивая русская душа легко увлекается политическими лозунгами, платформами и концепциями. Как это поднимает дух — принципиально защищать любого из «новых русских», ибо частная собственность священна. Или наоборот, желать законодательно выковырять этакого господина из его «шестисотки», как кильку из консервной банки. Или чопорно фехтовать с правыми и левыми во имя прекрасной и недоступной дамы — демократии. Всех можно понять — и претендентов на главное кресло страны, и их яростных сторонников. Кое-кого можно даже простить.

Но Господи, как все это тоскливо... Когда жить-то будем? Жить — и не задавать вечный российский вопрос: «Что делать?»

«Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай». Это сказал Василий Розанов, для которого простое человеческое житье-бытье было почти религиозной святыней. Жизнь, любовь, семья, рождение и воспитание детей, обеды и ужины, устройство уютного и крепкого дома. Бог, писал Розанов, всегда спасет птицу, которая вьет гнездо.

Но не сбылось. Сам Розанов умер от голода в страшном девятнадцатом году. Не сохранилось ни дома, ни даже могилы писателя — стерли с терпеливого лица русской земли. И подавно нет той уютной семейной жизни, которую он боготворил. Открыв дорогу ворам и горлопанам, Россия тупо истребляла мирных обывателей, работников, интеллигентов. Революция, потом гражданская война, коллективизация, индустриализация, ГУЛАГ, потом короткая и лживая оттепель, потом застой, афганская авантюра, потом распад Союза, война в Чечне, и вот вам — президентские выборы. До ужаса судьбоносные, как все, что совершается в России. В общем, попили чаю с вареньем.

Россия соскочила с зарубки, отделяющей просто жизнь от политической деятельности. Это произошло в советскую эпоху. Устроить для рядовых граждан нормальную, достойную жизнь у коммунистов не получилось. Точнее говоря, не входило в их задачи. Вместо жизни народу подсунули политику. Люди ходили на демонстрации, заседали в парткомах, профкомах, домкомах и женсоветах, поддерживали и одобряли линию партии, требовали казнить врагов народа и клеймили позором мировой империализм — и им казалось, что они живут. Сверкающий идеологический мираж заслонял убогую жизнь коммуналок и бараков, рабский труд в дымных цехах и на тощих колхозных полях.

Может быть, политический азарт последних лет — это продолжение того же самого миража в условиях свободы? Митинговать, создавать партии и движения, комитеты и подкомиссии, вливаться в газеты и телевизор.

Остановиться непросто. Это как наркотик, как водка.

Хочется бросить все это и пить себе чай в семейном уюте, под низким абажуром, на чистой скатерти, и чтоб варенье в стеклянной вазе на тонкой ножке, и чтоб оставили наконец в покое со своей политикой.

Но иногда все получается как раз наоборот.

У Достоевского один скверный человек говорил:

«Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить».

И свет, разумеется, провалился в ответ на такое к себе отношение. Жизнь наказала тех, кто самоуспокоенно чаевничал, хотя стены его дома ходили ходуном. Но и тем, кто бросил свой дом ради того, чтобы построить прекрасный новый мир, — им тоже не поздоровилось. Их первых тащили на гильотину или ставили к стенке. Жаль. Но они сами выбрали свою судьбу. И хотели распоряжаться чужими судьбами. Поэтому жаль-то жаль, но не очень. Не до слез.

Не хочется заниматься политикой. Но опять пришлось и еще, наверное, придется — во втором туре выборов.

Одна надежда, что в последний раз. Что наконец наступит спокойная и размеренная жизнь. Такая жизнь коммунистам поперек горла — потому что в ней нет места для плановой экономики, колхозов и парткомов. Нет грабежа и дележа — главных составляющих коммунистической идеи. Но мы уже сыты коммунизмом и сопутствующей ему политической горячкой. Более того, мы уже сыты любой политикой. Мы хотим наконец жить. Жить, думать, чувствовать, любить. Если повезет — свершать открытия. А нет — просто работать. Накладывать бинты и вытачивать винты. Зарабатывать деньги, копить на отпуск, покупать разные нужные и приятные вещи. И тем самым содействовать процветанию своей великой Родины — особенно об этом не задумываясь.

Если получится — значит, провозглашение суверенитета России имело человеческий смысл. Ведь другого смысла и оправдания у политики нет. ■

Швейцарский враг чеченского народа

Доку Завгаев оказался куда большим сторонником независимости, нежели последователи Джохара Дудаева. Ему уже тесно в маленькой республике — субъекте Федерации. Ему хочется быть настоящим начальником, которому подвластны не только хозяйственные скучности, но и большая политика. Только этим можно объяснить кампанию против скромного швейцарского дипломата Тима Гульдиманна, возглавляющего миссию ОБСЕ в Грозном. Кажется, еще чуть-чуть, и его объявят персоной нон-грата.

Впрочем, Гульдиманн может поблагодарить Завгаева за бесплатный аттракцион «Назад в СССР». Уже давно не приходилось слышать заявлений вроде: «сотрудники миссии ОБСЕ в Грозном, в частности ее руководитель Т. Гульдиманн, выходят за рамки своих полномочий, в том числе подвергая ревизии решение законодательных органов» и «действия Гульдиманна не совместимы со статусом международного посредника... он слишком часто завышал свои полномочия, используя авторитет ОБСЕ».

Не хватает разве что обвинений в подстрекательстве и вербовке агентов для какой-нибудь иностранной разведки.

Действия чеченского начальства искренне удивили Москву, поскольку миссия действует с согласия федеральных властей, в соответствии с принципами работы международной организации, членом которой является и Россия. Более того, российские власти весьма высоко оценивают действия Гульдиманна как посредника, благодаря которому фактически и начались переговоры. Тут-то и кроется объяснение. Завгаев просто ревнует швейцарца к славе.

И действительно, как смел какой-то иностранец не замечать истинных руководителей, не учитывать их мнения, держать власти «в полном неведении, с кем из боевиков он встречался и о чем с ними договаривался». «Мы не допустим, чтобы вопросы, касающиеся установления мира в республике, решались за нашей спиной», — предупредил Завгаев.

Теперь чеченским властям стоит сменить гнев на милость и доверительно сообщить дипломату, что власти не могут гарантировать ему безопасность. А если дипломат с ходу не поймет — слегка припугнуть.

Федор Лапидус

Сергей Дубинин в защите и в нападении

Сергей Дубинин еще до назначения на пост главы Центрального банка считался человеком Виктора Черномырдина, человеком правительственной команды, «партии власти». Поэтому нелояльность ЦБ по отношению к правительству — сначала борьба против изъятия пятитриллионной «прибыли» в бюджет, а потом заявление об ужесточении денежно-кредитной политики — стала крупным скандалом первой половины месяца.

Суть центробанковского демарша достаточно банальна — сиюминутные политические интересы часто не совпадают с направлением стратегического курса. Дело на сей раз в другом. До сих пор попытки защитить стратегический курс не шли дальше слов.

Дубинин осмелился перейти от слов к делу. Решение Центрального банка о повышении нормативов обязательных резервов — шаг очень серьезный и чувствительный для банковской системы.

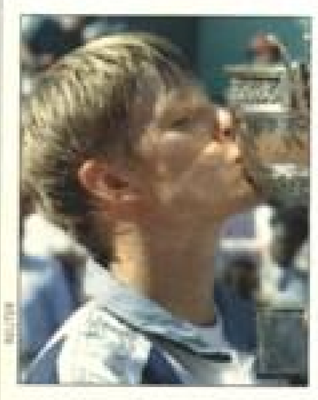
Сергей Дубинин едва ли не первой своей задачей на посту председателя ЦБ провозгласил смягчение резервных требований и эту задачу выполнил. Так что ЦБ наступил на горло и собственной песне. И теперь его положению не позавидуешь: ведь шишки посыплются прежде всего на Центробанк и его руководителя. Причем шишки не только в виде нелицеприятных откликов банкиров и всевозможных «телефонных» разборок. Трудности отдельных банков добавят хлопот Центральному банку. Однако Сергей Дубинин вместе с советом директоров ЦБ продемонстрировал, что стратегические цели — и прежде всего стабильность финансовой системы — являются незыблемыми.

Помимо большого скандала вокруг эмиссионной поддержки бюджета, Сергей Дубинин стал инициатором скандала маленького. Скандальчик был спровоцирован публикацией в «Общей газете» материалов о коррумпированности высших финансовых чиновников. Г-н Дубинин упомянут в опубликованных материалах лишь однажды — в связи с историей о передаче банку «Национальный кредит» векселей Сбербанка, а точнее, в связи с состоявшейся накануне ареста встречей руководителя «Нацкредита» Бориса Федорова с председателем ЦБ.

На пресс-конференции Сергей Дубинин заявил, что приведенные газетой сведения не соответствуют действительности. Однако кульминацией выступления главы Центробанка стало обвинение экс-председателя Внешэкономбанка Анатолия Носко в нанесении ущерба государству «на сумму в десятки, а возможно, и сотни миллионов долларов».

Андрей Григорьев

Особенности национального спорта

Два главных трофея Открытого чемпионата Франции по теннису — в одиночном и парном мужском разряде — в тяжелейшей борьбе достались шестой ракетке турнира. Для нашей утомленной жарой и выборами страны это наверняка осталось бы фактом биографии самой ракетки, кабы не один нюанс — шестым сеянным оказался сочинец Евгений Кафельников.

Что один из лучших «принимающих» игроков стал чемпионом на «медленных» кортах — закономерно. Не удивляет и то, что россиянин выиграл наконец турнир «Большого шлема»: до этой победы у него в руках побывало десять гран-при и два утешительных Кубка Дэвиса.

Поразительно другое. Отечественное телевидение проявило невиданную прозорливость, десять лет подряд показывая (под занудливый комментарий ведущей) Ролан Гаррос и именно в этом году отказавшись от трансляции. Оно не очнулось от спячки ни после сокрушительной победы «Калашникова» над голландцем Крайчеком в одной четвертой, ни после сенсационного полуфинала с первой ракеткой мира Питом Сампрасом. Если бы кто-нибудь, скажем Брынцалов, оплатил сигнал из Парижа, он бы тотчас пожал политические дивиденды в виде дополнительных голосов на выборах. «Нам не дано предугадать...»

Еще более скандальной явилась встреча триумфатора в аэропорту Шереметьево. Двадцать минут прождал он хоть какой-нибудь попутки, никем не узнанный и не замеченный, с объемным багажом на руках. Вспомним, как вся Германия носила на руках в 1985 году свежеиспеченного чемпиона Уимблдона Бориса Беккера. Как в 1983-м новорожденных французиков нарекали нероманским именем Янник — в честь Ноа, тогдашнего победителя турнира в Ролан Гаррос.

И большое спасибо... Михаэлю Штиху. Стало доброй традицией, что он помогает нашим теннисистам становиться национальными героями. В прошлом году в полуфинале Кубка Дэвиса он, не реализовав девять матчпойнтов на своей подаче, подарил победу Андрею Чеснокову. В этом году, отдав два тайбрейка, немец уступил корону грунтового короля Кафельникову.

Впереди — Уимблдон. А у нас еще Волков без призов ходит. Не подкачай, Михаэль!

Рубен Бекназар-Юзбашев

Безжалостный благодетель

Финансист, философ, филантроп Джордж Сорос применяет свои теории к отдельно взятой планете

1944. ВО ВРЕМЯ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ ВЕНГРИИ ПРЯЧЕТСЯ ВМЕСТЕ С СЕМЬЕЙ, ЗАТЕМ ОТЕЦ ВЫПРАВЛЯЕТ ЕМУ ПОДДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ НА ИМЯ ЯНУША КИША, СЫНА ЧИНОВНИКА-НЕЕВРЕЯ. ШОРОШ РАЗНОСИТ ЕВРЕЯМ ПОВЕСТКИ О ДЕПОРТАЦИИ.
1947. ПЕРЕБИРАЕТСЯ В АНГЛИЮ
1956. ПЕРЕЕЗЖАЕТ В НЬЮ-ЙОРК
1969. ОСНОВЫВАЕТ В США СОБСТВЕННЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОНД, ВПОСЛЕДСТВИИ САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПОДОБНЫЙ ФОНД В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ БИРЖИ
1979. ПРЕДПРИНИМАЕТ НЕУДАЧНУЮ ПОПЫТКУ ЗАНЯТЬСЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬЮ В ЮАР

Маша Гессен

Года три назад я предложила одному американскому журналу написать материал о Джордже Соросе. «О ком?» — спросила меня редактор. Я заверила ее, что Сорос — человек известный: «В Америке его знают все деловые люди. В Восточной Европе вообще все». Проштудировав деловую прессу и убедившись, что одного заявления Сороса достаточно, чтобы в журналах для бизнесменов появилось полдюжины статей, редактор отправила меня в путешествие по соросовским местам Восточной Европы.

В течение нескольких недель в автобусах, поездах и на кухнях незнакомые люди, узнав, что я пишу о Соросе, начинали задавать мне вопросы.

— Правда ли, — спросил меня молодой врач в поезде из Белграда в Будапешт, — что если человек вложил свои деньги в фонд Сороса в 60-е годы, сегодня этот доллар стоит миллион?

— Нет, неправда. Полтора.

— А правда, что он дает миллионы долларов моему народу?

— Нет, десятки миллионов.

— Почему? — Этот вопрос задавали все.

— Представьте себе, — объясняла я, прикидывая план будущей статьи, — что вы все знаете. Представьте, что давно нашли ответы на все вопросы, которые мучили вас, когда вам было 9 или 12, или 17 лет. И ничто не сулило вам успеха: во время немецкой оккупации вашего родного Будапешта ваша еврейская семья пряталась по подвалам и чердакам, а потом вы уехали в Англию и жили в нищете. Но ваше поразительно ясное видение мира позволило вам преодолеть все преграды и стать самым влиятельным финансистом в мире. И все потому, что вы не слушали никого, никогда не следовали советам «знатоков» рынка и руководствовались только своими убеждениями.

Представьте, что вы занимаете невероятных размеров кабинет на 33-м этаже, и вам кажется, что оттуда видна не только большая часть Нью-Йорка, но и весь остальной мир со всеми его недостатками, глупостями и неправильностями. Вы-то ведь знаете, как все должно быть на самом деле. У вас денег, как выражаются американцы, «больше, чем у Бога», каковым, собственно, вы всегда себя и ощущали, — вы с ранней юности склонны к «весьма могучим мессианским фантазиям», по вашему собственному выражению. Почему бы вам не попробовать, наконец, свои силы — то бишь ваши знания вкупе с вашими деньгами — в наиболее быстро меняющихся странах мира?

Обычно люди с такой уверенностью в собственном потенциале стремятся, в зависимости от темперамента, либо занять высокий государственный пост, либо писать книжки о том, как устроен мир. Книжки Сорос писал. В 1952 году, 22-летним выпускником престижной Лондонской школы экономики, он взялся за фундаментальную работу под названием «Бремя сознания». За те 10 лет, что он ее писал, Сорос успел поработать продавцом дамских сумочек и младшим сотрудником финансовой корпорации в Лондоне, затем перебраться в США и получить американское гражданство. В 1962 году он послал свой опус любимому профессору Карлу Попперу. Поппер ученика не вспомнил, а на рукопись отреагировал прохладно.

Окончательно отказавшись от мысли стать профессором, Сорос устроился на работу в финансовую корпорацию, где наконец преуспел, во многом благодаря редкому знанию европейского рынка. В 1969 году он основал собственный инвестиционный фонд, ставший самым успешным в истории американской биржи. Говорят, что и в 90-е годы в комнате, где работали брокеры, продолжал висеть огромный плакат с программным заявлением Сороса: «Я родился в бедности, но в бедности не умру».

Во второй раз Сорос взялся за перо в 1987 году, уже будучи самым высокооплачиваемым человеком на Уолл-стрит, а также начинающим меценатом. За последние девять лет он опубликовал четыре книги, в каждой из которых попытался найти новый способ популяризации своих идей то на примере собственной финансовой карьеры («Алхимия финансов»), то в серии интервью с разными журналистами («Сорос о Соросе»).

Тяга к государственной деятельности не миновала Сороса, и в 1991 году он заявил, что чувствует себя «государственным деятелем без государства». В странах, где он основал благотворительные фонды, Сорос часто встречался с президентами, вел переговоры с премьер-министрами. Собственно, в Соединенных Штатах политики не подозревали о существовании американского гражданина, ставшего одним из влиятельнейших людей в Восточной Европе. В преддверии встречи президентов Буша и Горбачева на Мальте в 1989 году Сорос долго и тщетно добивался аудиенции у американского президента или госсекретаря. Их отказ выслушать его мнение заставил Сороса написать очередную книгу: «Открытие советской системы».

В 1992 году имя Сороса наконец прозвучало на весь мир — действия великого финансиста привели к катастрофическому падению курса британской валюты. Пользуясь обретенной славой, Сорос в 1993 году охотно высказывал свои взгляды на состояние европейских валют и международной политики в интервью с журналистами. В результате Вилли Клас, тогдашний министр иностранных дел Бельгии, обвинил Сороса в попытках развалить Европейский союз путем финансовых махинаций. Благотворительный фонд в Сербии подвергся нападкам словесным и нападению физическому после того, как Сорос высказался за военное вмешательство Запада в Боснии и Герцеговине (в этом году сербское правительство заставило местный фонд вовсе прекратить свою деятельность). Правительство США между тем продолжало в упор не видеть восточноевропейского мецената Сороса.

Только в 1994 году Сорос получил наконец приглашение в Вашингтон: комитет Конгресса по финансам провел парламентское расследование деятельности инвестиционного фонда Сороса и схожих компаний. Сорос, приехав на слушания, прочитал лекцию по инвестициям. Умиротворенные конгрессмены прекратили расследование.

Путь философа

Даже когда Сорос рассуждает о финансах, речь на самом деле

ПРОФИЛЬ

1980. НАЧИНАЕТ В ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ ДАВАТЬ «СТИПЕНДИИ» ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМ ДИССИДЕНТАМ И ОКАЗЫВАТЬ ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖКУ ПОЛЬСКОЙ «СОЛИДАРНОСТИ» И ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ «ХАРТИИ 77»
1981. ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОД, КОТОРЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОНД СОРОСА ЗАКОНЧИЛ С ПОТЕРЯМИ
1984. ПЕРВЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД СОРОСА ОТКРЫВАЕТСЯ В ВЕНГРИИ
1986. ОТКРЫВАЕТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД В КИТАЕ
1987. В СВЯЗИ С РЕЗКИМ ПАДЕНИЕМ ЦЕН НА НЬЮ-ЙОРКСКОЙ БИРЖЕ («ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК») ТЕРЯЕТ 300 МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ
1987. ПОСЛЕ ТОГО КАК АНДРЕЙ САХАРОВ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ВОЗГЛАВИТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД СОРОСА В РОССИИ, СОРОС СОЗДАЕТ СОВЕТ ФОНДА, ВКЛЮЧАЮЩИЙ ЮРИЯ АФАНАСЬЕВА, ТАТЬЯНУ ЗАСЛАВСКУЮ, ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА
1988. ПРАКТИЧЕСКИ ПЕРЕДАЕТ УПРАВЛЕНИЕ СВОИМ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ФОНДОМ МОЛОДОМУ КОЛЛЕГЕ СТЭНЛИ ДРАКЕНМИЛЛЕРУ С ТЕМ, ЧТОБЫ ПОЛНОСТЬЮ ПОСВЯТИТЬ СЕБЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
1989. КОНСТАТИРУЯ, ЧТО РАБОТА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА В КИТАЕ ОКАЗАЛАСЬ ПОД КОНТРОЛЕМ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, ЗАКРЫВАЕТ ФОНД
1991. ОСНОВЫВАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ С ОТДЕЛЕНИЯМИ В БУДАПЕШТЕ И ПРАГЕ
1991. ПРИДЯ К ВЫВОДУ, ЧТО ЕГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД В РОССИИ ОКАЗАЛСЯ В РУКАХ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ШАЙКИ», СОРОС ЗАМЕНЯЕТ ВСЕХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ФОНДА
1991. ОТКРЫВАЕТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД В ЮГОСЛАВИИ

идет о его уникальном представлении о мире в целом. Впервые он попытался ознакомить широкую аудиторию со своими воззрениями в книге «Алхимия финансов», написанной в 1987 году. Спустя четыре года он написал, что книга «произвела большое впечатление как на ученых, восхитившихся моими достижениями в области финансов, так и на профессиональных финансистов, пораженных недоступностью моей философии». Такова судьба истинного междисциплинарника.

По большому счету единственное, что интересует Сороса, — это его философия, которая, как он скромно замечает, «развивает философию Поппера». (Физик Поппер однажды решил сделать из философии настоящую точную науку и занялся разработками в области доказуемости теорий. Сорос является приверженцем идей, изложенных Поппером в работе под названием «Открытое общество и его враги», в которой физик-философ разделывает под орех два тысячелетия западной философии, клеймя мыслителей от Платона до Маркса как врагов открытого общества.) Замкнутый и не располагающий к себе в общении, Сорос неожиданно оживляется, когда разговор касается его интеллектуальных пристрастий.

Философия Сороса — это гремучая смесь философских теорий Поппера, обрывков других теорий, умозаключений самого Сороса, основанных на его наблюдениях за финансовым рынком, новейших теорий из естественных наук и кое-чего из компьютерных исследований. Главное открытие Сороса следующее: человеческое мышление несовершенно, и это несовершенство прямо влияет на развитие исторических событий. Добавим к этому «теорию беспорядка» с ее постулатом, что естественный закон стремления к равновесию теряет свою силу в условиях, которые Илья Пригожин назвал «далекими от равновесия». Все это, собранное воедино, — теория Сороса, впервые опробованная им на финансовом рынке.

«Существуют две крайности, — объясняет Сорос. — Одна — это очень жесткая ситуация, как в Советском Союзе. Вторая — резкие перемены, неконтролируемые, столь быстрые, что человек не может за ними уследить. Это революция или смена режима. В случае с Советским Союзом вы перешли от первого к второму, в то время как на Западе у нас милая ситуация приблизительного равновесия. Когда складывается далекая от равновесия ситуация, природа и последовательность событий меняются. То, что в обычных обстоятельствах считается нормальным, становится ненормальным, и наоборот. Это вообще очень интересный анализ исторических перемен, — заявляет Сорос без ложной скромности. — В этом его прелесть».

Смысл этого высказывания сводится примерно к следующему: в обществе, подверженном переменам, можно при желании добиться невероятного. Вторая основополагающая мысль Сороса звучит так: «В делах человеческих присутствует элемент неопределенности, несвойственный стихийным природным явлениям, таким, как погода. Как сказал Марк Твен, все говорят о погоде, но ничего не меняется. В делах человеческих все по-другому: то, что думают люди, влияет на события». Чтобы изменить курс истории, необходимо изменить мышление людей, — идея, не отличающаяся особой оригинальностью и в Восточной Европе уже опробованная.

Философия Сороса отличается от иных великих учений своей всепоглощающей абстрактностью, чтобы не сказать неопределенностью. Многочисленных интеллектуалов, получающих у Сороса зарплату, это обстоятельство успокаивает. «Это правда, что у Джорджа Сороса на все есть теория, — сказал мне венгерский историк Иштван Рев, декан соросовского Центральноевропейского университета и давний соратник мыслителя-мецената. — Но его теории весьма туманны и гибки. Можно сказать, что на Центральноевропейский университет, например, очень повлияла соросовская философия открытости. Мы очень серьезно относимся к идеям свободы слова. В каком-то смысле наш университет — место, созданное для диспута».

Судя по всему, именно распространенная склонность к философствованию отчасти объясняет постоянный интерес Сороса к Восточной Европе. «В Восточной Европе люди не избегают философских вопросов, — написал Сорос в своей третьей книге «Спонсорство демократии». — Наоборот: они в них страстно заинтересованы. Философия и литература, в особенности поэзия, играют важную роль. Поскольку сам я родом из Восточной Европы, такое отношение мне импонирует».

Путь филантропа

Первую попытку международного меценатства Сорос предпринял не в Восточной Европе, а в Южной Африке, где в 1979 году основал стипендионный фонд для чернокожих студентов Кейптаунского университета. Спустя год он пришел к выводу, что администрация университета использует деньги не по назначению, и прекратил свою деятельность. В 1980 году он стал выдавать «стипендии» восточноевропейским диссидентам и оказывать финансовую поддержку польской «Солидарности» и чехословацкой «Хартии 77». Однако такое мелкое меценатство не могло устроить человека, считавшего, что он способен изменить ход истории. В 1984 году он убедил венгерское правительство помочь ему открыть благотворительный фонд на родине.

Вокруг венгерского фонда вскоре образовалась группа околодиссидентских интеллектуалов, получавших от Сороса материальную помощь. Многие из них продолжают сотрудничать с соросовскими фондами по сей день. Самым нашумевшим действием Сороса в Венгрии стала поставка копировальных аппаратов в публичные библиотеки, осуществлявшаяся при условии, что оборудование будет доступно для всех желающих. Американские журналисты неоднократно приписывали все последовавшие изменения в Восточной Европе, вплоть до падения Берлинской стены, этому судьбоносному поступку. Впрочем, соросовский фонд действительно ощутимо повлиял на ход развития венгерского общества: студенческие организации, финансируемые Соросом в 80-е годы, объединились в «Фидеш» — одну из самых могущественных политических партий в сегодняшней Венгрии.

1992. ДЕЙСТВИЯ СОРОСА ПРИВОДЯТ К КРИЗИСУ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ EXCHANGE RATE MECHANISM И КАТАСТРОФИЧЕСКОМУ ПАДЕНИЮ БРИТАНСКОЙ ВАЛЮТЫ. СОРОС ЗАРАБАТЫВАЕТ 2 МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ И СТАНОВИТСЯ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫМ В ФИНАНСОВЫХ КРУГАХ.
1994. ПОКУПАЕТ АРХИВ РАДИО «СВОБОДА» И ПЕРЕВОЗИТ ЕГО В ПРАГУ, ГДЕ ОСНОВЫВАЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ОТКРЫТОЙ ПРЕССЫ
1994. ОСНОВЫВАЕТ ПРОЕКТ «ИНТЕРНЕТ», НАПРАВЛЕННЫЙ НА РАЗВИТИЕ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ, ОСОБЕННО В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БЫВШЕГО СССР
1995. ДОКЛАД ФСК, ПО СУТИ ОБВИНЯЮЩИЙ СОРОСА В НАУЧНОМ ШПИОНАЖЕ
1995. ОСНОВЫВАЕТ ПРОЕКТ «СМЕРТЬ В АМЕРИКЕ» ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ОРГАНИЗАЦИИ АДЕКВАТНОГО УХОДА ЗА УМИРАЮЩИМИ ЛЮДЬМИ
1996. ВЛАСТИ ЗАПРЕЩАЮТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОРОСОВСКОГО ФОНДА «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО»
1996. ОДНОВРЕМЕННО ВЫХОДЯТ ДВЕ КНИГИ О СОРОСЕ — НЕОФИЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ («ДЖОРДЖ СОРОС — ЖИЗНЬ, ВРЕМЯ И СЕКРЕТЫ УСПЕХА ВЕЛИЧАЙШЕГО ФИНАНСИСТА В МИРЕ») И ОФИЦИАЛЬНАЯ, НАПИСАННАЯ СОРОСОМ В СОАВТОРСТВЕ С ГРУППОЙ ЖУРНАЛИСТОВ («СОРОС О СОРОСЕ»)

В 1986—1988 годы Сорос попытался повторить успешный опыт венгерской организации сначала в Китае (по его собственному признанию, он хотел попробовать себя в самой большой коммунистической стране), затем в Польше и СССР. Китайский фонд подмяли под себя органы госбезопасности, а польская и советская организации оказались бессильными перед лицом соцбюрократии. В результате все три практически бездействовали. В 1989 году, после тяньаньмэньской трагедии, Сорос закрыл фонд в Китае, но в Восточной Европе решил настоять на своем. В течение следующих четырех лет он основал благотворительные организации в 45 городах 22 стран.

Основная характеристика работы Сороса — оперативность. «Пока благотворительный фонд Форда подумывал о том, чтобы начать работу в Восточной Европе, Сорос решительно взялся за дело, — говорит профессор нью-йоркской Новой школы социальных исследований Энн Снитау, активная участница многих соросовских проектов. — Он создавал площадки для деятельности. Я глубоко убеждена, что чем больше площадок, тем больше гражданского общества».

Соросовские «площадки» организованы по принципу «открытой матрицы» (его собственный термин), то есть находятся в состоянии хаоса, свойственного, по мнению Сороса, открытому обществу, — общение между различными фондами и центральным фондом в Нью-Йорке носит стихийный, непостоянный характер. Предмет особой гордости Сороса — то, что никто, включая его самого, не знает обо всех проектах и программах его фондов. Во многих странах соросовские фонды привлекают наиболее выдающихся интеллектуальных деятелей. Всего в благотворительных фондах Сороса сейчас работают примерно 1450 человек, сколько народу прошло через его фонды или проекты за последние 12 лет — не поддается исчислению. Завлеченные не столько соросовской философией, сколько его поистине революционным духом, сотрудники фондов подчас начинают соросовствовать неистово.

В 1994 году руководитель проектов Центрально-европейского университета Карен Гринберг на полном серьезе в интервью со мной заявила: «Он действительно святой». В Москве директор проекта «Преобразование гуманитарных наук», готовящего новые учебники для российских школ и вузов, Елена Соболева выражалась так: «Джордж — гений. Он говорит, что богатые люди делают деньги, а очень богатые — историю. Я это проанализировала даже как экономист, и я считаю, что он прав». Своей целью Соболева видела ни много ни мало «замену голов» всем российским учителям.

Спустя несколько месяцев обезглавлен был московский фонд «Культурная инициатива». Ревизия финансовой деятельности фонда показала, что предназначенные для грантов финансовые стредства месяцами лежали в малонадежных российских банках. Хотя никаких доказательств криминала не обнаружилось, Сорос сместил все руководство. С российскими руководителями ему никогда не везло: в 1991 году он пришел к выводу, что фонд оказался в руках у «комсомольской шайки», и устроил, как он выражается, «путч»; в 1993 году заменил начальство фонда во второй раз. После третьего скандала Сорос решил более не полагаться на услуги российских начальников, а передать управление финансами фонда своему нью-йоркскому институту «Открытое общество». Впрочем, конкретное содержание программ фонда по-прежнему определяют российские специалисты.

Теперешние сотрудники московского фонда Сороса больше похожи на наемных работников, чем на мечтателей. Но и это не спасает от конфликтов. Председатель исполкома российского фонда Екатерина Гениева и советник Сороса по России Алекс Гольдфарб не особо стараются скрыть взаимную неприязнь; конфликт между Международным научным фондом, вроде бы подлежащим закрытию (Сорос уже с полгода назад объявил, что прекращает финансирование фундаментальных наук в России), и фондом «Культурная инициатива» начинает принимать явную форму.

По его собственному признанию, конфликты с единомышленниками Сорос принимает близко к сердцу. Другие неприятности, сопряженные с работой благотворительных фондов, его мало трогают. Более того, многочисленные нападки его врагов в Восточной Европе — такие, как прошлогодний доклад ФСК, по сути обвинявший мецената в шпионаже, и нескончаемые статьи в румынских и венгерских газетах, предостерегающие против сионистско-капиталистической агрессии Сороса, — лишь убеждают Сороса в правильности его действий. Обман сотрудников и просто отсутствие поддержки со стороны потенциальных союзников Сорос переживает тяжело. В 1993 году, решив, что чешское правительство уделяет ему недостаточно внимания, Сорос пригрозил прекратить деятельность Центрально-европейского университета в Праге. В ответ президент Гавел предоставил университету помещение в знаменитом Пражском замке — резиденции самого президента.

В последние годы Сорос противопоставляет неприятностям и конфликтам не угрозы, а все возрастающую активность. С 1993 года он не только многократно увеличил финансирование своих фондов в Восточной Европе, но и основал ряд новых организаций в ЮАР, Южной Африке, на Гаити и в США. Его фонд в США финансирует проекты в Бирме и палестинских районах Израиля. Кроме того, основанные Соросом американские исследовательские институты занимаются «культурой смерти», американской политикой по отношению к наркомании и проблемами тюремного заключения. Неоднократно заявляя, что он будет продолжать свою деятельность, пока не кончатся его деньги (а деньги, учитывая, что в начале 90-х Соросу удавалось заработать по миллиарду долларов в год, кончатся, по всей вероятности, нескоро), Сорос, судя по всему, пытается создать именно тот «максимальный хаос» внутри своей бессистемной сети фондов, при котором невероятное становится возможным. Зачем?

Представьте себе, что вы никогда не чувствуете себя дома. Когда вам было 14 лет, вам приходилось изображать из себя крестника какого-то венгерского бюрократа и вместе с ним объезжать еврейские районы, конфискуя имущество евреев, отправленных в лагеря смерти. Однажды вам самому пришлось разносить повестки об их депортации. Представьте, что с тех пор вы испытываете «раздвоение личности». Юношей в Англии вам не удалось добиться помощи даже от Еврейского благотворительного агентства. Вы стали эмигрантом, преуспели, но весь этот процесс делания денег причинял вам крайние внутренние неудобства — не по моральным соображениям, а потому что вы видели свое призвание в другом. Представьте, что после полувека жизни в англоязычных странах вы все еще изъясняетесь с сильным акцентом по-английски, да и на вашем родном языке вы говорите не чисто. Представьте, что денег у вас больше, чем вы могли бы при всем желании истратить на самого себя, — тем более, что, хотя живете вы пусть и не вызывающе скромно, домашняя роскошь и даже удобство в пути значат для вас не много. Неужели вам не захотелось бы построить дом если не для себя, то хотя бы для своих гениальных идей?

Российский экспорт программных продуктов

Молодые российские фирмы — производители программного обеспечения доказали, что страна может торговать не только оружием и нефтью

Василий Логинов

ДОСТИЖЕНИЯ

ЗА 11 ЛЕТ В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОграммного обеспечения Россия серьезно продвинулась по пути от вывоза «сырья» — умных голов и идей — к экспорту технологий и готовых программ. Экспорт российского программного продукта осуществляется теперь в самых разных географических направлениях. Американские компании, когда-то активно вывозившие российскую программистскую элиту, сейчас открывают свои филиалы прямо в России, что оказалось более выгодно. Однако перед ними уже встает альтернатива: разрабатывать самим или покупать готовые российские продукты или даже фирмы. Новые хозяева называют наших программистов «наши русские спонсоры».

Компьютерный бум 1995 года в Японии способствовал расширению экспорта российских программ на Восток. Крупные японские и корейские производители компьютеров и игровых приставок уже осознали возможности нашей страны. Российская фирма Спирит, например, успешно разрабатывает коммуникационное программное обеспечение для такого гиганта, как NEC.

Эта отрасль малого бизнеса поддерживает существующие научные школы и создает новые, причем реальные, а не фиктивные, как это часто бывало в прикладной науке. К сожалению, значительная часть программистских ресурсов за это время была вывезена. Поэтому дальнейшее развитие индустрии «софтвэр» в России невозможно без целенаправленной подготовки молодых специалистов.

Один из примеров последних достижений российских программистов — иллюстрации, подготовленные в графическом редакторе Picture Man. Эта программа превращает обычный персональный компьютер в домашнюю фотомастерскую или видеостудию.

Обычную фотографию за несколько минут можно превратить в написанный маслом портрет, а отснятое видео — в забавный ролик со спецэффектами. Picture Man имеет также много чисто профессиональных применений — он помогает медикам моделировать пластические операции и примерять зубные протезы, готовит изображения для музейных компьютерных каталогов. Недавно программу закупили администрация президента и силовые ведомства.

Успешное развитие в России индустрии программного обеспечения обусловлено многими объективными факторами. Это и огромный интеллектуальный потенциал страны, и доступность необходимого оборудования, и развитие коммуникационных технологий, обеспечившее интеграцию в мировое компьютерное сообщество.

И все-таки будущее российского программного обеспечения, как и будущее самой России, неопределенно. Развитие всемирной компьютерной сети Интернет открывает большие возможности — это и новые доступные небольшим фирмам методы маркетинга и распространения программных продуктов, и расширение доступа к самым последним технологиям. Все это — при условии, что не опустится снова железный занавес. И за новыми версиями русских программ не придется стоять в очередях, как стояли в ЦУМе за японскими телевизорами в начале восьмидесятых годов. ■

Picture Man 3.0

Перспективы и итоги

Россия превратилась в процветающую компьютерную державу

Борис Парамонов,
Борис Рубин

СЕРВИС

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД КОМПЬЮТЕРАМИ ТОРГОвали в основном по принципу «продал и исчез», не существовало никакой технической поддержки пользователей и гарантийного обслуживания. Теперь и в нашей стране предоставляется сервис мирового уровня: многолетняя бесплатная гарантия, доставка на дом, технические консультации по телефону и другие услуги.

За пять лет в стране изменился сам принцип производства компьютеров. Дело в том, что раньше компьютер в первую очередь должен был быть отечественным. Причем полностью. Сейчас российские компьютеры делаются в основном из стандартных комплектующих и соответствуют самым высоким международным требованиям.

Иными словами, по сравнению с девяносто первым годом существенно возросло качество продукции, представленной на российском компьютерном рынке, как отечественной, так и импортируемой. Если раньше основной процент поставок приходился на плохие IBM-совместимые компьютеры из Юго-Восточной Азии, то теперь в России можно купить почти все, что представлено на мировом компьютерном рынке.

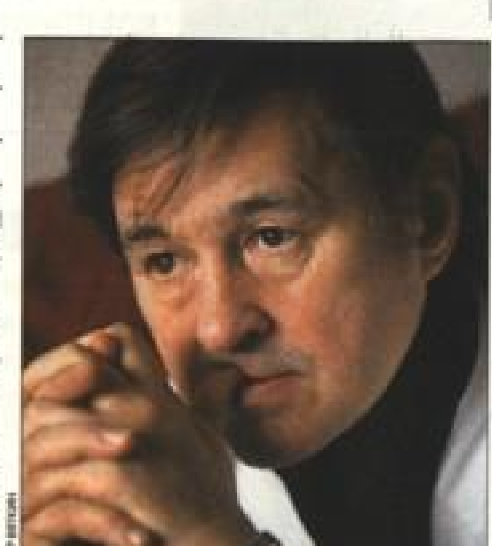
Рекламодатели стали применять западные маркетинговые решения, адаптированные к местным условиям. Более того, теперь реклама какого-нибудь продукта у нас в стране и за рубежом зачастую проходит одновременно. Благодаря этому российские пользователи имеют возможность приобретать новинки сразу после их появления на мировом рынке.

Правда, кое-какие проблемы еще остались. Например, отвратительное состояние наших телефонных линий. Кроме того, замедляет развитие компьютерного бизнеса отсутствие инфраструктуры связи в масштабах всей страны. Производственные мощности также не всегда соответствуют поставленным задачам. Но все эти проблемы постепенно решаются — к примеру, появилось несколько альтернативных сетей связи, таких, как Комстар, Спринт и т.п. Они обеспечивают гораздо более высокое качество связи, чем, скажем, МГТС. Расценки, правда, у них несколько выше. Но, по крайней мере, теперь можно выбирать. А что важнее — низкие цены или высокое качество, это уж пусть каждый для себя решает сам. ■

Государственный театр как «наше все»

Коммерция, эксперимент и кафедра в одном флаконе

Дина Годер,
Елена Груева

РОМАН ВИКТЮК

ИТАК, ПРОШЛО ПЯТЬ ЛЕТ. ДЛЯ ТЕАТРа 1991 год, конечно, не был никаким рубежом, но за эти пять лет кое-что прояснилось.

О зрителе. Не знаю, можно ли по-прежнему утверждать, что наша страна — «самая читающая в мире», но по части любви к театру мы уже явно не стоим на первом месте. Даже на самые модные спектакли попасть в принципе можно. И никогда (кроме редких однодневных гастролей) студенты не свисают гроздьями с балконов. Как и повсюду, зритель выбирает комедии и мелодрамы. На «тяжелых» спектаклях, даже действительно хороших, после премьер залы полупусты. Несмотря на общую бедность, театральных фестивалей по России становится все больше, проходят они шумно и зачастую с излишним шиком: спонсоры, вкладывающие в них деньги, предпочитают престижность и рекламную эффектность разовых акций постоянной поддержке театров.

Одна за другой возникло множество театральных премий. Самая громкая из них — «Хрустальная Турандот» —подчеркивает, что она является призом зрительских симпатий и мнение критики ей безразлично. Напротив, самая основательная— премия СТД «Золотая маска», ставшая с этого года всероссийской, — чисто профессиональная награда.

Профессиональная театральная пресса (убыточная, как и во всем мире) умирает. На первых номерах 1994 года, вышедших с опозданием на год, окончил свои дни толстый академический журнал «Театр», выходивший с 1937 года. Едва начав выходить, умерли «Петербургский театральный журнал» и журнал кукольников «Кукарт». Ставший популярным в театральной среде «Московский наблюдатель» скоро сбавил обороты, начал сильно опаздывать и выходить сдвоенными номерами.

Поначалу казалось, что нас ждет расцвет частного коммерческого театра, образовалось множество антреприз. Но вскоре большинство из них зачахло и умерло. Немногие выжившие больше занимаются гастролями, чем новыми постановками. При российских ценах на театральные билеты трудно рассчитывать, что даже самый модный спектакль станет прибыльным.

Одновременно с угасанием так и не расцветшего коммерческого театра в эти пять лет окончательно умер театр экспериментальный, возникший на руинах перестроечного студийного бума под крылом организованных СТД «Творческих мастерских». Экспериментальный театр жил в последние годы на копейки, показывая разнообразные и занятные спектакли. Последней умерла самая интересная группа — «Мастерская Клима» режиссера Владимира Клименко, работавшего в манере, близкой Ежи Гротовскому.

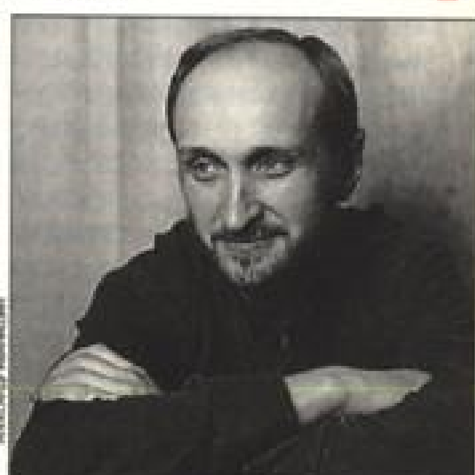
Как ни парадоксально, государственный дотационный театр теперь объединил в себе все. И коммерческую струю, с соответствующим репертуаром и приглашением звезд со стороны по принципу антрепризы, и экспериментальную — с приглашением авангардных режиссеров, чьи спектакли, признаться, диковато смотрятся на традиционных сценах. Одновременно он продолжает выполнять обычную свою функцию просветительского театра-кафедры.

По-прежнему популярны известные мастера: Захаров в Москве, Додин в Питере, многие провинциальные мэтры, но из старших на первый план сегодня вышли те, кто пять — семь лет назад никак не числился среди лидеров. Пряные, чувственные спектакли Романа Виктюка, служившие поначалу для восхищенных зрителей символом западного театра, от «Служанок» до «Философии в будуаре» по де Саду, наконец-то заняли свою нишу. Петр Фоменко, много лет остававшийся в тени, стал фигурой номер один. Именно в эти годы он выпустил несколько великолепных спектаклей и организовал прелестный театр из своих учеников — выпускников ГИТИСа. Кама Гинкас в последние годы своими провокативными и беспощадными постановками по Достоевскому на малой сцене ТЮЗа доказал, что давно уже создал свой собственный театр, чье напряжение и высота не зависят от изменений общественной конъюнктуры.

Еще лет пять назад казалось, что на смену любимовско-товстоноговскому поколению никто не приходит. Молодым, даже интересно заявлявшим о себе, явно не хватало сил и желания быть лидерами. Сейчас отчетливо обозначилась смена поколений, и самое замечательное, что сегодняшние лидеры, которым от тридцати до сорока, не сосредоточены, как бывало, в одной Москве. Сергей Женовач — москвич, Григорий Козлов — из Питера, из Екатеринбурга (а теперь уже из Питера) — Анатолий Праудин, из Казани — Борис Цейтлин, из Воронежа — Михаил Бычков. ■

ХРОНИКА

1991
Январь. Создание нового театрального журнала «Московский наблюдатель».
Апрель. Впервые в Санкт-Петербурге проходит международный фестиваль «Балтийский дом», ставший впоследствии ежегодным.
Сентябрь. «Играем «Преступление», режиссер Кама Гинкас (МТЮЗ).
Октябрь. II съезд Союза театральных деятелей РСФСР. Председателем избран Михаил Ульянов.
Фестиваль спектаклей Камы Гинкаса в Санкт-Петербурге.
Декабрь. «Бесы», режиссер Лев Додин (Малый драматический театр, СПб).
1992
Январь. «Лысый Брюнет» с участием Петра Мамонова. (Театр им. Станиславского).
Открытие театра Романа Виктюка.
Март. «А чой-то ты во фраке?», режиссер Иосиф Райхельгауз (театр «Школа современной пьесы»).
«Игроки XXI», режиссер Сергей Юрский (антреприза «АРТель АРТистов»).
«Пространство Божественной комедии «Ревизор», режиссер Владимир Клименко («Творческие мастерские»).
Октябрь. Первый международный фестиваль им. А.П.Чехова в Москве с участием спектакля Петера Штайна.
Из Рижского ТЮЗа после 30 лет работы уволен главный режиссер Адольф Шапиро, («не пропагандирующий латвийскую культуру»).
1993
Январь. Создание «Санкт-Петербургского театрального журнала».
Февраль. «N-Нижинский» с участием Олега Меньшикова и Александра Феклистова (антреприза «Богис»).
Май. «Без вины виноватые», режиссер Петр Фоменко (Театр им. Вахтангова).

СЕРГЕЙ ЖЕНОВАЧ

Июль. Скандальный раздел Театра на Таганке, затем образование театра «Содружество актеров Таганки».
Сентябрь. «Иванов и другие», режиссер Генриэтта Яновская (МТЮЗ).
В течение года. Образован новый театр «Экспериментальная мастерская Петра Фоменко», антрепризы: «Богис», «Et cetera», «Театр «А».
1994
Январь. «Орестея», режиссер Петер Штайн с труппой, набранной из российских театров.
«Нумер в гостинице города NN», режиссер Валерий Фокин (Центр Мейерхольда).
Февраль. «Башмачкин», режиссер И.Золотовицкий (антреприза «Богис»).
Открытие антрепризы «Русский Глобус».
Апрель. «Великолепный рогоносец», режиссер Петр Фоменко («Сатирикон»).
Сентябрь. «Чайка», режиссер Марк Захаров («Ленком»).
Октябрь. «Смертельный номер», режиссер Владимир Машков (Театр О.Табакова).
Декабрь. «К.И. из «Преступления», режиссер Кама Гинкас (МТЮЗ).
1995
Март. «Жак Оффенбах, любовь и тру-ля-ля», режиссер Генриэтта Яновская (МТЮЗ).
«Последние», режиссер Адольф Шапиро (Театр О.Табакова).
Апрель. «Превращение», режиссер Валерий Фокин («Сатирикон»).
Май. «Макбет», режиссер Темур Чхеидзе (БДТ).
Сентябрь. «Медея», режиссер Юрий Любимов (Театр на Таганке).
В течение года. Трилогия по «Идиоту» Достоевского («Бесстыжая», «Рыцарь бедный», «Русский свет»), режиссер Сергей Женовач (Театр на М.Бронной).
1996
Январь. «Карамазовы и ад», режиссер Валерий Фокин («Современник»).
Февраль. «Плач Иеремии», режиссер Анатолий Васильев (театр «Школа драматического искусства»).
Март. «Пиковая дама», режиссер Петр Фоменко (Театр им.Вахтангова).
«Золотая маска». Фестиваль лучших спектаклей российского театрального сезона 1994—1995 годов в Москве.
Март — июль. Второй международный фестиваль им. Чехова в Москве с участием спектаклей Петера Штайна, Эймунтаса Някрошюса, Питера Брука, Деклана Доннеллана, Джорджо Стрелера и др.
Май— июнь. Фестиваль «Берлин в Москве».

Музыкальный театр у разбитого корыта

«У нас была прекрасная эпоха...»

Ярослав Седов

ЮРИЙ ГРИГОРОВИЧ

ПЕРЕМЕНЫ В ОПЕРНОЙ РЕЖИССУРЕ последних лет позволяют думать, что завершилась целая эпоха и мы присутствуем при формировании нового театрального языка. Эти перемены во многом вызваны распространением видеокассет с записями современных оперных постановок и резко расширившимся потоком информации о зарубежной оперной жизни. Теперь, когда каждый интересующийся может увидеть на кассетах весь репертуар «Метрополитен» и Венской оперы, театры стесняются рисовать на задниках «натуральные» деревья и выдавать тучных пенсионерок за молодых красавиц (разве что постановка перенесена с какой-нибудь священной сцены, как, например, старая «Аида» театра «Ла скала», поставленная в Мариинском).

Мариинский во главе с Гергиевым честно заработал первое место по числу постановок: несколько оперных премьер в год (иногда — разные версии одной и той же оперы и балета), фестивали, гастроли. Все солисты постоянно что-то репетируют: не одна роль пригодится, так другая. Если же в родном театре никак не пробиться, есть ежегодные оперные фестивали: Шаляпинский в Казани, Михайловский в Чебоксарах, а для молодых артистов — масса конкурсов. Некоторые энтузиасты только и делают, что кочуют по всевозможным конкурсам. К сожалению, для многих это вынужденная мера: и балетный и оперный репертуар сильно сократился.

Возникло множество балетных трупп, колесящих по всему миру с типовым набором из пяти-шести популярных классических спектаклей (чаще всего перелицованных).

С одной стороны, в опере появляются произведения, давно не исполнявшиеся в России («Саломея», «Золушка» в Петербурге, «Двое Фоскари», «Валли», «Эрнани» в Москве и др.). Но в то же время Москва долгие годы обходится не только без классики XVII века, немецкого зингшпиля, французской лирической оперы, но и без основы основ — всеми любимых и самых кассовых «Кармен», «Аиды», «Мадам Баттерфляй», «Турандот» и др. Из-за отсутствия средств и системы менеджмента Россия не входит в «общий рынок» оперных звезд. Хотя суперзнаменитости масштаба Паваротти пару раз посещали Москву и Петербург, широкая публика незнакома с певцами «среднего поколения» Европы и Америки. Отечественные певцы, выходя на мировой уровень, как правило, исчезают из российской оперной жизни, в лучшем случае изредка появляясь на родине.

В балете огромное количество исполнителей остается невостребованным — модные опыты в духе модерна (устаревшие на Западе, но только что открытые в России) требуют, чтобы артист был послушной «глиной» в руках хореографа. Поэтому молодые постановщики не знают, что делать с танцовщиками, обладающими индивидуальностью.

Что же касается оперетты, то она настойчиво осваивает микрофоны и современные световые эффекты, тщетно надеясь, что это делает ее похожей на американский мюзикл. ■

ХРОНИКА

1991
Апрель. Международная ассоциация деятелей хореографии учредила ежегодный приз «Benois de la dance». Пять лет подряд председатель ассоциации Юрий Григорович вручал его на сцене Большого театра, с 1996 года церемония перенесена в Париж.
Июль. В Москве и Петербурге прошли гастроли балета «Гранд-опера» со спектаклями «Сон в летнюю ночь» Ноймайера, «В ночи» Дж.Роббинса и недавно реконструированной постановкой «Весны священной» Нижинского.
Ноябрь. После скандального ухода Евгения Колобова из Театра Станиславского и Немировича-Данченко вместе с половиной оркестрантов, хористов и солистов Юрий Лужков основал для мятежного дирижера московский муниципальный театр «Новая опера». Стараниями поклонников маэстро коллектив быстро стал самым модным в Москве, но собственного помещения до сих пор не получил.
1992
Март. Галина Вишневская отпраздновала в Большом театре свое возвращение в Россию и 45-летие творческой деятельности, а также учредила благотворительный фонд помощи артистам. Петь на своем вечере в Большом театре Вишневская не решилась. Тем пикантнее оказалось поздравление ее давней подруги-соперницы Ирины Архиповой, исполнившей арию графини из «Пиковой дамы»:
«...Ну времена!
Повеселиться толком не умеют!
Что за манеры! Что за тон!
Ни танцевать, ни петь не знают...»
Октябрь. «American Dance Festival» посетил с гастролями Москву.
Японская труппа «Токио-балет» показала в Москве, Петербурге и Киеве «Сильфиду» Тальони и «Кабуки» Бежара.
Ноябрь. Благотворительные концерты Монтсеррат Кабалье в Большом и Мариинском театрах. Доходы перечислены в фонд развития этих театров.
1993
Сентябрь. В рамках фестиваля немецких театров танца труппа Пины Бауш посетила Москву и Петербург со спектаклями «Кафе Мюллер», «Весна священная» и «Контактхофф».
1994
Август. В Петербурге состоялся

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

первый международный балетный конкурс «Майя», посвященный Майе Плисецкой. По условиям конкурса участники должны были представить композиции на музыку «Кармен-сюиты», воплотив в них свое отношение к Плисецкой-Кармен.
1995
Март. В Большом театре произошла революция: **7 марта** — Юрий Григорович письменно уведомил дирекцию театра о том, что больше в Большом не служит.
10 марта — артисты устроили забастовку против назначения Владимира Васильева художественным руководителем театра.
24 марта — вице-премьер Юрий Яров и министр культуры Евгений Сидоров представили Васильева труппе Большого театра в качестве художественного руководителя-директора. Владимир Викторович заверил, что пригласит работать Марка Захарова, Никиту Михалкова, Мориса Бежара, Франко Дзеффирелли и наконец-то возьмется решать новые задачи: поставит свою редакцию «Лебединого озера».
Ноябрь. Майя Плисецкая отпраздновала на сцене Большого театра свой день рождения и 50-летие творческой деятельности, исполнив «Лебедя», «Айседору» и «Курозуку», где садилась на «шпагат».
1996
Январь. Игорь Моисеев отпраздновал в Большом театре свое 90-летие. Он показал лучшие номера Ансамбля народного танца, получил из рук президента РФ орден «За заслуги перед Отечеством» и исполнил замысловатый филиппинский танец меж лежащих на полу бамбуковых шестов.
Июнь. Концерт Монтсеррат Кабалье под патронажем президента России. ■

Музыкальная жизнь: классика и авангард

В Москве один оркестр со многими названиями

Виктор Славин,
Дмитрий Ухов,
Елизавета Дюкина

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ В ОДНОЙ только Москве появилось более двух десятков симфонических оркестров — от Российского национального и Президентского до муниципальных и частных. Другое дело, что людей не хватает: музыканты, успевающие работать сразу в нескольких коллективах, шутят, что в Москве есть только один большой оркестр со многими названиями. Появились серьезные частные звукозаписывающие фирмы, например «Solid-records» Андрея Гаврилова, электроакустический «Термен-центр» Андрея Смирнова.

С 1990 года, несмотря на угрозы закрытия, работает радиокомпания «Орфей», которая передает не только записи музыкальной классики, но и ведет трансляции с зарубежных оперных и симфонических фестивалей и из «Метрополитен-опера». К сожалению, нет серьезных музыкальных программ на телевидении. Раньше они были занудно-«образовательными», теперь стали коммерческо-развлекательными, как «Музыка в эфире».

Престиж и карьера музыкального деятеля перестала жестко зависеть от официального признания: для современного менеджмента имя важнее званий. Наряду с большими гастрольными объединениями типа Росинтерфеста появились независимые продюсеры — Татьяна Гудкова и Дмитрий Ухов. Есть и частные продюсерские компании, например фирма Вадима Дубровицкого. Молодых музыкантов поддерживает масса новых программ (самая масштабная из них — «Новые имена» — отметила в 1995 году свое пятилетие).

Появились возможности для осуществления международных проектов, причем не только в центральных городах: фестиваль «Немое кино — живая музыка» проходит в Екатеринбурге, фестиваль «Софья Губайдулина и ее друзья» — в нескольких городах.

К сожалению, нет современного популярного музыкального журнала. «Музыкальная жизнь» и «Музыкальная академия» дышат на ладан. Но есть регулярные обзоры музыкальных событий в газетах «Сегодня», «Коммерсантъ», «Культура» и «Музыкальное обозрение». ■

КЛАССИКА

1991
Декабрь. Гастроли Берлинского филармонического оркестра под управлением Клаудио Аббадо в Москве.
Концерты Исаака Стерна на «Декабрьских вечерах».
1992
Июнь. Первый юношеский конкурс имени Чайковского в Москве.
Октябрь. Исполнение оратории Генделя «Мессия» в Государственном Кремлевском дворце оркестром под управлением Иегуди Менухина.
1993
Ноябрь. Международный музыкальный фестиваль «Софья Губайдулина и ее друзья» в Петербурге, Екатеринбурге, Казани.
1994
Март. Самый значительный за последние годы международный фестиваль скрипичной музыки, посвященный 85-летию Юрия Янкелевича — создателя современной российской скрипичной школы. Концерты и мастер-классы его учеников — Виктора Третьякова, Владимира Спивакова, Татьяны Гринденко, Рубена Агароняна, Дмитрия Ситковецкого, Доры Шварцберг и других прошли в Москве, Петербурге, Петрозаводске, Владимире, Нижнем Новгороде.
Октябрь. Фестиваль музыки Альфреда Шнитке в Москве.
1995
Серия концертов «Звезды в Кремле»: выступление Ирины Архиповой в Грановитой палате, Елены Образцовой — в Оружейной, Виктора Третьякова и Юрия Башмета — в Патриарших.
Двухгодичный фестиваль «Ирина Архипова и Валерий Гергиев представляют: певческие биеннале Москва — Санкт-Петербург». Идея фестиваля заключалась в том, чтобы лучшие российские певцы, добившиеся за последние годы успеха в Европе и Америке, выступили перед соотечественниками. Всех лучших собрать не удалось, но с января 1995 по июнь 1996 года в Москве и Петербурге побывали многие знаменитости. Цикл камерных программ Елены Ивановой.
1996
Май. Международный фестиваль современной музыки «Немое кино — живая музыка» в Екатеринбурге.
Из Музея музыкальной культуры имени Глинки в Москве украдены две уникальные скрипки: одна работы Якоба Штайнера, другая — Антонио Страдивари, завещанная Давиду Ойстраху бельгийской королевой Елизаветой и переданная в музей после его смерти.

МОНТСЕРРАТ КАБАЛЬЕ

Поп- и рок-пятилетка в отсутствие социального заказа

«Русский шансон» объединил всех

Алексей Певчев

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ РОССИЙСКИЕ рок-музыканты поняли, что необходимо строить собственный цивилизованный шоу-бизнес на основе опыта подпольного менеджмента и самиздата. Рухнувшая еще в 1988 году монополия фирмы «Мелодия» открыла дорогу для образования независимых коммерческих студий звукозаписи.

Одним из наиболее важных этапов в российской музыке последних пяти лет стало открытие разнообразных клубов. У молодых групп появилась, наконец, реальная возможность поработать на нормальной аппаратуре и обратить на себя внимание менеджеров. Появилась возможность выпускать пластинки «независимых» групп, чье творчество далеко от массовой популярности. Столичный ДК им. Горбунова «Фили» стал настоящим демократичным рок-н-ролльным центром, где концерты проходят с завидным постоянством и наравне с маститыми музыкантами типа «Аквариума» или «Чай-Ф», выступают молодые коллективы. Для молодежи 90-х ДК Горбунова («Горбушка») стал сродни залу Политехнического музея для поколения их родителей.

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ

Большинство устроителей концертов и директоров фирм сейчас отчетливо понимают, что рок не является больше монопольным властителем молодежных дум. Поп-музыка, в основном пугающего уровня, накатывает с еще большей силой, чем во времена «Ласкового мая». Немногие профессиональные поп-звезды, играющие грамотную поп-музыку и обладающие элементарным сценическим вкусом, погоды не делают.

Однако неверно было бы говорить о полном упадке рока как такового. Наши рок-группы чаще делают ставку не на показ грандиозных шоу (исключение составляет группа «ДДТ»), а на работу в клубах, где они набирают очки и деньги, чтобы потом сконцентрироваться на студийной работе. Яркий пример тому — проекты Гарика Сукачева «Неприкасаемые» и «Боцман и Бродяга» (совместно с Александром Ф. Скляром). Этот необычный коллектив исполняет песни в жанре городского романса или, более точно, «русского шансона».

Налицо тяга современных музыкантов к старым, забытым песням (новогодняя программа на ОРТ, последняя пластинка А.Макаревича, альбомы «Митьковские песни» и «Раскинулось море широко...»). Безусловная популярность блатной песни (исполнители которой уверены в том, что играют «русский шансон») — явление того же порядка.

Происходит и массовое возрождение забытых «эстрадных единиц». Это привело к появлению на музыкальном рынке альбомов Юрия Антонова, ансамблей «Песняры», «Самоцветы» и других, всерьез рассчитывающих вновь занять место на музыкальном Олимпе. ■

ПОП-РОК

1991
Июнь. — август. Концерты «Рок против дождя» (Парк культуры им. Горького).
1993
Апрель. Вручение Б.Ельциным медали «Защитник Свободной России» музыкантам, среди которых А.Макаревич, К.Кинчев, группа «Мистер-Твистер» и другие. (Позднее Кинчев возвращает медаль, узнав о гибели журналиста Дм. Холодова.)
Декабрь. Срыв акции «Русский прорыв» — консолидации ранее оппозиционных групп «Гражданская оборона», «Инструкция по выживанию» и других с политическими экстремистами (Прохановым и К°).
1994
Февраль. Принятие решения о создании российской фонографической ассоциации.
Апрель. Фестиваль независимой музыки «Индюки» с участием групп «Аукцыон», «Телевизор», «Ногу свело» и др.
1995
Январь. Юрий Шевчук отправился с миротворческой миссией в Чечню, где дал около 50 концертов.
Май. Концерт «Maxidrom» в «Олимпийском» с участием сильнейших представителей рок- и поп-сцены.
Сентябрь. Фестиваль «Единый мир», многочасовой марафон с участием рок- и поп-музыкантов, артистов театра и кино.
Ноябрь. Фестиваль «Учитесь плавать» в ДК им. Горбунова с участием молодых групп, представителей «тяжелой» альтернативной музыки.
1996
Апрель — Июнь. Серия презентационных концертов в ГЦКЗ «Россия»: «Аквариум», «Чай-Ф», «Алиса», «Браво» (с участием экс-вокалистки Жанны Агузаровой), Константина Никольского.
Май. Новая программа «Картонные крылья любви» группы «Машина времени» в Лужниках.

Джаз умер. Да здравствует джаз!

«Буржуазная» музыка в «необуржуазной» стране

Николай Дмитриев,
Владимир Корнеев

СОГЛАСНО ИЗВЕСТНОЙ ФОРМУЛЕ Вяч. Вс. Иванова, периоды социально-политической активности обычно сопровождаются социокультурным застоем. Не исключение и новейшая история российского джаза. В советские времена наш джаз «варился в собственном соку», но «варился» весьма продуктивно, приготавливая очень и очень оригинальные и «вкусные» культурные продукты. Правда, до поры все это было недоступно остальному миру. Во второй половине 80-х произошло «открытие» советского джаза, сопровождавшееся шумным успехом наших музыкантов. После эпохи «гласность-джаза» и «перестройка-джаза» в нашей джазовой жизни наступило явное затишье, своего рода повторное его «закрытие», а по сути — нормализация отношений со всем прочим джазовым миром. В результате на мировой сцене остались единицы российских музыкантов, действительно того достойных.

Началось тихое умирание советского джаза и постепенное становление джаза российского. Диксиленд все чаще слышен на улицах и на презентациях. Мейнстрим постепенно оседает в нарождающихся немногочисленных и бедных джаз-клубах, а также в процветающих новорусских ресторанах и барах, время от времени появляясь на редеющих российских джазовых фестивалях. Новый джаз звучит в нечастых, но регулярных концертах на филармонических площадках и опять-таки на фестивалях. Круг музыкантов практически не расширяется. Почти нет новых ярких имен, мастера потихоньку исчерпывают свой творческий потенциал, эксплуатируя собственные находки и достижения 60-х, 70-х и 80-х. Единственная действительно яркая новая фигура, внезапно ворвавшаяся в 1989 году в наш новый джаз, — тувинская певица Саинхо Намчылак — довольно скоро перебралась в Европу и теперь лишь изредка радует нас своими появлениями в России. Три года назад уехал и Михаил Альперин, еще раньше — Вячеслав Ганелин и Анатолий Вапиров, а также многие другие музыканты. Владимир Тарасов практически не появляется в России. Владимир Резицкий распустил свой «Архангельск», просуществовавший более двадцати лет, и выступает в основном как продюсер архангельского фестиваля. Новосибирский пианист Юрий Юкечев оставил джаз и занимается композицией и педагогикой. Его партнер саксофонист Владимир Толкачев ушел из нового джаза в мейнстрим. Зато по-прежнему активны Владимир Чекасин, Сергей Курехин, Вячеслав Гайворонский, Аркадий Шилклопер, Владимир Волков, Сергей Летов, Михаил Жуков...

За последние пять лет в жизни нашего джаза ярких и значительных событий, увы, почти не было. А посему основными событиями пятилетки становятся юбилеи — отголоски прошлого, пусть достойного и замечательного, но прошлого... Возможно ли движение вперед с лицом, обращенным назад? ■

ОЛЕГ ЛУНДСТРЕМ

ДЖАЗ

1991
Издание британской фирмой LEO RECORDS четырех компакт-дисков под общим названием «Заговор» с записями звезд советского нового джаза с фестиваля 1989 года в Цюрихе.
Рождение и смерть на российском ТВ ежемесячной передачи «Джаз-Тайм».
Октябрь. Первый и последний фестиваль нового джаза в прямом эфире на Всесоюзном радио.
Декабрь. Последний фестиваль «Звезды советского джаза» в Красноярске.
1992
Июль. Представительная команда российских музыкантов джазового мейнстрима выступила на фестивале в Пори (Финляндия).
Октябрь. В Москве прошел фестиваль «Москва — Рио — Нью-Йорк» с участием звезд латиноамериканского джаза из США и Бразилии.
Вышел в свет последний (четвертый) номер журнала «Джаз».
1993
Январь. Возрождение Оркестра московских композиторов в новом качестве — своеобразной сборной команды звезд российского нового джаза.
Сентябрь. На московском радио прошел концерт «Вперед к прошлому», собравший в студии музыкантов, представлявших новую и старую импровизационную музыку из Японии, Германии, Австрии и России.
В Вильнюсе начинают выходить компакт-диски новой фирмы грамзаписи SONORE RECORDS, представляющей творчество Владимира Тарасова, трио ГТЧ и ряда других российских музыкантов.
1994
Январь. Очередные российские гастроли известных зарубежных музыкантов свободного джаза: шведского саксофониста и композитора Дрора Файлера, английского певца Фила Минтона и швейцарского саксофониста Вернера Люди.
Июль. В Москве состоялся джазовый фестиваль, посвященный 60-летию старейшего в мире джазового биг-бэнда — Оркестра Олега Леонидовича Лундстрема, в котором принял участие легендарный американский певец Рэй Чарльз.
Начала издание джазовых компакт-дисков московская фирма грамзаписи SoLyd Records. Появилась на свет новосибирская джазовая фирма грамзаписи «Ерматель».
1995
Апрель. Российские гастроли возрожденного в российско-американском статусе ансамбля «Аллегро».
Май. Радиостанция «Ракурс» начинает прямые трансляции джазовых концертов.
Лето. Концерты американских знаменитостей: вокального ансамбля «Манхэттен Трансфер» и Оркестра Каунта Бэйси.
Ноябрь. Очередные гастроли по России выдающегося американского саксофониста Нэда Ротенберга.
1996
Апрель. Концерты, посвященные 80-летию Олега Лундстрема.

Невыносимая легкость нытия

Кинопятилетка: больной скорее мертв, чем жиголо

Юрий Гладильщиков

ПРОИСШЕДШЕЕ ЗА ПЯТИЛЕТКУ С кинематографом СССР, а потом России... Нет, не печально — анекдотично. Дремали и мечтали о кино-Китеже — явился кино-Киже. Сопровождающие — знамениты, позируют на презентациях и цветных разворотах журналов, но того, кого сопровождают, отчего-то не видать. И фиг, собственно, с ним.

Аккурат к столетию бывшего Великого Немого с ним приключился абсолютно объяснимый конфуз. Фильм (конкретный, великий или, напротив, дрянной) более не значим. Значимы — фильмы. В пакете, цикле, контексте. В кино испробовано практически всё — все стили, жанры, монтажные принципы. Авангард почти невозможен. К тому ж эпоха сдвига, смеси: в сознании современного синефила на равных уживаются Гриффит, Виго, Антониони, Кроненберг, Карпентер, Тарантино — кинематограф стал своего рода музеем, где продуманность и выверенность всей экспозиции концептуальней всякого отдельного экспоната. Устроители лучших фестивалей прекрасно понимают, что публика будет оценивать не фильмы, а принципы составления программы, не детали — а картину в целом, и что вообще: вне контекста сегодня уже и оценивать разучились.

Тем не менее: повсюду в мире первичной, скажем так, ячейкой кинопроцесса остается показ. Сеанс.

В России — сеансы-то и исчезли. Никто ничего не смотрит. Интересно не кино — интересны персонажи, имеющие к нему какое-то отношение. Персонажи — по некоему загадочному закону — остаются ньюсмейкерами и звездами.

Чем меньше работаешь — тем даже лучше. Где Климов? Бог знает, но все знают, что он очень большой режиссер, и только зловредность г-на с именем Юрия Кара, в параллель к нему затеявшего тот же самый проект («Мастер и Маргариту»), заставила его гордо отказаться от давнего гениального замысла. Бедный-бедный Норштейн, у которого уже лет пятнадцать нет средств, дабы завершить гениальную «Шинель», — давайте-ка дадим ему еще одну, сто двадцатую премию за творчество... Про Германа уж молчу.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «УТОМЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ»

Рекорд (по официальным, но, боюсь, неточным данным) был установлен в 1990-м, когда ситуация с рублем и долларом поощряла к режиссуре даже ларечников и лотошников: аж триста (в основном преотвратительных) картин. От июня 1991-го к июню 1996-го протянулась устойчивая тенденция — все меньше отечественных фильмов (вплоть до криков 1995-го: на «Ленфильме» — одна лента, и та заморожена, на «Мосфильме» — одна, то ли две), все хуже их среднее качество (даже при наличии отдельных полушедевров), мы становимся все более и более неинтересны миру. Котируются лишь братья Михалковы — но оба воспринимаются как мэтры не российского, а вообщеевропейского кино. Даже баловавшие СССР и Россию Берлин и Торонто (нынче — фестивали № 2 и № 3 в мире) фактически потеряли к нам интерес. Только фанат Серж Лозик — глава монреальского фестиваля — опрометчиво (это уж на мой взгляд) готовит к августу большую ретроспективу русского постперестроечного кино.

Для парадных, привычных на шоу и телепрезентациях «звезд кино», которых мы теперь по полному праву можем называть «собственно российским кинематографом», пятилетка прошла в нескончаемых войнах. Революционный запал Союза кинематографистов, ставшего к концу 80-х чуть ли не самостоятельной политической партией, требовал перманентного поиска внешних врагов. 1991-й — это бойкот кинематографистами пугливого кравченковского ТВ, а также война с Таги-Заде и его страшным АСКИНом (АСсоциацией Коварных ИНогородних прокатчиков): ровно за полмесяца до июня 1991-го Исмаил Сулейманович осуществил тот самый, все еще памятный выезд в Канн, куда захватил шестьсот прокатчиков, много икры, плохой фильм «Иван Грозный» и где затмил даже Мадонну. Страх перед Таги-Заде сопровождался парадоксально сладкой надеждой, что наконец-то пришел настоящий богатый хозяин, который только поначалу грозит плеткой, а потом станет платить, как платят в Голливуде, и особым заискиванием перед Марком Григорьевичем, поскольку в нем тоже видели такого вот подлинного владельца.

Когда испарился враг внешний, начались те самые инерционные бои с врагами внутренними: Союз против Киноцентра; те, кто помоложе, против тех, кто постарше; один национальный фестиваль против другого (неосторожно поехал на «Тавр» — забудь про «Шок»). Когда закончились и внутренние враги, наступила тоска: масса киномейкеров вконец приуныла, лишь изредка закипая и по привычке требуя средств от женщины-матери-любовницы. Сиречь родины.

Из-за экономических парадоксов (делать фильм в России невыгодно) не сформировался базовый кинематографический класс продюсеров. Представители — есть, класса — нет. Звездами среди кинофункционеров могут считаться лишь двое (оба не продюсеры). Один из них — Сергей Соловьев (он же режиссер) — в 91-м сказал, что глупо тратить деньги родины на Московский фестиваль, поскольку кинематографистам не на что жить и работать; в 93-м сказал, что найдет деньги на фест у богатых спонсоров; в 95-м — взял их у все той же родины, а всем, кто ругался, сказал все, что про них думает, в особо язвительном письме. (По опубликованным данным, фест стоил 9 млн. долларов. Для сравнения: смета Берлина, по сведениям журнала Screen International, 7,4 млн, Торонто, где фестиваль вдесятеро крупнее Московского, всего 4,9 млн, а Венеции и того меньше — 3,8.) Другой деятель — Марк Рудинштейн — лелеем кинособществом за троих (за себя, Таги-Заде и кого-то третьего, потенциального), однако вопреки скепсису пессимистов 1991-го не оказался калифом на час и потихоньку отстроил фестивальную державу. Редкий для нашего кино случай устойчивости и (даже) поступательного развития.

Три явных героя труда пятилетки — Михалков, Рудинштейн и Соловьев. Их и будем считать фильмами. ■

МАРК РУДИНШТЕЙН

ХРОНИКА

1991

Июнь. Дебютный фестиваль «Кинотавр» с двумя отдельными конкурсами «Кино для всех» и «Кино для избранных», организованный мало кому известным Марком Рудинштейном.

Тогда же. Первые прилюдные вскрики о том, что наших фильмов в прокате нет (публика соглашается смотреть лишь «Маленькую Веру», «Интердевочку», «Бабника» да «Русскую рулетку»). Революционная кинообщественность начинает с ужасом осознавать, что свобода — это не свобода снимать что хочу на дармовые госденьги. Попытка провести через Верховный совет СССР закон о квотах на ввоз в страну иностранной кинопродукции.

Июль. Американцы бойкотируют XVII Московский кинофестиваль из-за пиратских показов по гос-ТВ «Хищника» и других голливудских картин.

Сентябрь. «Урга» Никиты Михалкова берет главный приз — Золотого льва — на фестивале в Венеции. Прежде из наших там побеждал лишь Тарковский («Иваново детство», 1962).

Октябрь. В прокате (впервые) сразу два свежайших голливудских хита: «Русский дом» и «Крестный отец-3».

Декабрь. Главную «Нику» за 1990-й («Ника» разыгрывается с опозданием) получает «Астенический синдром» Киры Муратовой, но подлинным героем оказывается Говорухин, взявший три «Ники» за антикоммунистический фильм «Так жить нельзя».

Декабрь. Опять-таки первое присуждение призов московской кинопрессы (прямо как в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и т.д.). Увы, премия, хотя и вручается регулярно, авторитетной не стала. В том числе из-за некомпетентности абсолютного большинства голосующих — членов журналистской кинотусовки.

1992

Весь год. Яростная битва руководства союзов кинематографистов с идеологами отделения Киноцентра за владение имуществом. Скандальные статьи в прессе, громкие разборки в суде. Соловьев против Шмырова, Говорухин против Гусмана. Битва затихла внезапно, как и началась.

Сентябрь. Первый «Киношок» в Анапе. «Шок», как и «Тавр», сумел стать фестивалем ежегодным, однако, несмотря на амбиции отцов-основателей, в лидеры так и не вырвался.

Декабрь. Рязановским «Небесам обетованным» отдают безумное количество «Ник» (шесть) за 1991 год.

1993

Февраль. Один из Серебряных медведей Берлина достается «Солнцу неспящих» Теймураза Баблуани (оно, конечно, Грузия, да «Ника» и «Кинотавр» пытаются объединять всё СНГ).

Март. «Урга» входит в пятерку претендентов на «Оскар» за лучший зарубежный фильм года, но уступает французскому «Индокитаю».

Июнь. Первый Фестиваль фестивалей в Петербурге: удавшаяся попытка организовать у нас хоть сколько-нибудь недилетантский международный фест.

Июль. Провальный XVIII Московский, неудача коего в основном объяснялась неумением тогдашних устроителей выбивать деньги из правительства. Вскоре умер директор фестиваля Юрий Тигранович Ходжаев.

Сентябрь. Таджикско-швейцарско-российский и вполне слабенько-конъюнктурный «Кош ба кош» Бахтиера Худойназарова получает Серебряного льва Венеции.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Декабрь. «Урга» завоевывает «Феликс» (евро-«Оскар») как лучший европейский фильм года.

1994

Январь. Первый «молодежный» кинофорум в Ялте, призванный объединить всех, кому от 30 и до 50, обнародовать манифест «Номинация: кино. XXI век» и внедрить в массы мысль о существовании в нашем кино «новой волны». Несмотря на примиренческие телеграммы, очевидна конфронтация: «молодые» — «мэтры», форум — руководство Союза кинематографистов России. Программный альманах к столетию кино «Прибытие поезда» (который должны были снять победители форума) вышел не через год, как замышлялось, а лишь в декабре 1995-го и при многих своих приятностях манифестом-таки не стал.

Февраль. Один из Серебряных медведей Берлина достался «Году Собаки» Семена Арановича.

Апрель. Съезд Союза кинематографистов России, окончательно обозначивший желание некогда революционных кинематографистов вернуться к социализму, госопеке, регулярным дармовым постановкам, гарантированной оплате труда. Главой союза переизбран идеолог обратных перемен, некогда начавший киноперестройку Сергей Соловьев.

Май. Каннский скандал. Никита Михалков, ожидавший, что «Утомленные солнцем» завоюют Золотую пальмовую ветвь, получает в итоге второй по значению приз (Гран-при), да еще и на пару с Чжаном Имоу (китайский фильм «Жить!»). Главный приз отдали «Криминальному чтиву» Квентина Тарантино. По версии Михалкова, вице-президент Каннского Катрин Денёв расплатилась с американцами за «Оскара», врученного «Индокитаю». Единственным нашим победителем Канна остался Михаил Калатозов («Летят журавли», 1958).

Июнь. «Кинотавр» разделился на два самостоятельных фестиваля: внутренний и международный.

Декабрь. Обладателем главных «Ник» за 1993-й становится «Макаров» Владимира Хотиненко, место № 2 фактически занимают «Дети чугунных богов» Томаша Тота, что расценивается некоторыми экспертами как принципиальный поворот национальной киноакадемии к кинематографу нового поколения.

1995

Февраль. Один из Серебряных медведей Берлина присужден «Пьесе для пассажира» Вадима Абдрашитова и Александра Миндадзе.

Март. Триумф Михалкова и «Утомленных солнцем»: «Оскар» за лучший зарубежный фильм года.

Июль. XIX Московский фестиваль под патронажем новоявленной команды Сергей Соловьев — Александр Абдулов — Александр Атанесян: обычный провинциальный фестиваль со случайной программой и бесчисленными накладками, каким-то образом оказавшийся чуть ли не самым дорогостоящим в истории кино. Обвинения в адрес жюри, что оно фильмов не смотрит. Сомнительное решение «главный приз не присуждать».

Сентябрь. «Мусульманин» Владимира Хотиненко взял второй по значению приз кинофестиваля в Монреале (конкурс № 4 в мировой табели о рангах).

Декабрь. Отказ Михалкова от участия в споре за «Нику», где прежде прокатили его «Ургу». В отсутствие «Утомленных солнцем» самая слабая конкуренция за все годы существования внутринационального «Оскара».

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «ПРИБЫТИЕ ПОЕЗДА»

После долгих склок и обсуждений. Переход студии имени Горького под патронаж новой «молодой» команды во главе с Сергеем Ливневым.

1996

Февраль. Конкурс Берлина обходится без нас, но председателем жюри приглашен Михалков.

Май. Конкурс Канна обходится без нас, но прочитать почетную лекцию о природе кинематографа зван Михалков-Кончаловский, а «Кавказский пленник» Сергея Бодрова получает значимый приз ФИПРЕССИ (Международной федерации кинопрессы) для внеконкурсных картин.

Июнь. Очередной «Кинотавр» демонстрирует исключительную (по качеству отбора) зарубежную программу. Фактически первый профессионально организованный международный кинофестиваль в России. Каталоги мирового уровня. Что до конкурса отечественных картин, то он был самым слабым за все 90-е. Каков кинематограф — таков и конкурс.

Некоторые другие фильмы 1991 — 1995-го: «Цареубийца», «Затерянные в Сибири», «Блэк энд уайт», «Повесть непогашенной Луны», «Сатана», «Пегий пес, бегущий краем моря», «Ребро Адама», «Чекист», «Униженные и оскорбленные», «Ой вы, гуси», «Нога», «Патриотическая комедия», «Арифметика убийства», «Циники», «Бесконечность», «И возвращается ветер», «Армавир», «Дом под звездным небом», «Жертва для императора», «Облако-рай», «Круг второй», «Отражение в зеркале», «Духов день», «Изыди», «Ближний круг», «Луна-парк», «Самостоятельная жизнь», «Чувствительный милиционер», «Нелюбовь», «Афганский излом», «Анкор, еще анкор!», «Маленький гигант большого секса», «Увидеть Париж и умереть», «Пустыня», «Камень», «Прорва», «Сады Скорпиона», «Улыбка», «Счастливые дни», «За день до...», «Кикс», «Любовь», «Дюба-дюба», «Остров мертвых», «Барабаниада», «Мечты идиота», «Вива, Кастро!», «Русский регтайм», «Над темной водой», «Пешаварский вальс», «Ты у меня одна», «Окно в Париж», «Гонгофер», «Никотин», «Стрелец неприкаянный», «Жизнь с идиотом», «Увлеченья», «Русская симфония», «Подмосковные вечера», «Лимита», «Серп и молот», «Тихие страницы», «Курочка Ряба», «Замок», «Плащ Казановы», «Музыка для декабря», «Время печали еще не пришло», «Мелкий бес», «Лунные псы», «Американская дочь», «Особенности национальной охоты», «Барышня-крестьянка», «Духовные голоса».

Остались за кадром: ежегодные «Овены», а также «Лики любви» и «Дюк». За эти годы практически угасли кинорынки (сохранился едва ли не один). Публика перестала ходить даже на голливудские хиты. Произошла легализация видеобизнеса, что одновременно вывело пиратство на более изощренный уровень.

Искусство принадлежит банкам

Для богатых – авангард, для народа – Церетели

Андрей Толстой

По насыщенности событиями прошедшие пять лет могут сравниться только с такими переломными годами в истории российского изобразительного искусства XX века, как, например, 1910 – 1915 или 1917 – 1922-е. По существу, полностью изменилась роль изобразительного искусства в обществе. Возникла нормальная художественная жизнь вообще и легальный художественный рынок (как современного, так и старого искусства) в частности.

За это время прошло множество выставок, появились новые галереи, музеи, художественные институции – Государственный центр современного искусства, Институт современного искусства и др. Правда, до сих пор так и не создано ни одного музея нового и современного искусства, хотя в попытках недостатка не было. Дальше всех продвинулся в этом направлении специальный отдел московского музея-заповедника «Царицыно», который уже давно коллекционирует произведения художников так называемого «андерграунда».

Однако музейное строительство продолжается. В основном завершены работы по реконструкции Третьяковской галереи. Активизировал свою собирательскую и выставочную деятельность Русский музей в Петербурге. Этому немало способствовала передача ему обширных помещений Мраморного дворца и Михайловского замка. В Москве был открыт Музей личных коллекций при ГМИИ им. Пушкина. Здесь собраны уникальные частные коллекции русского и европейского искусства за последние 200 лет.

Для зрителей открылись так называемые «перемещенные художественные ценности», попавшие в хранилища ГМИИ, Эрмитажа и других музеев в конце Великой Отечественной войны.

Празднование победы реанимировало монументальное искусство, пребывавшее несколько лет в застое. Правда, монументы Зураба Церетели на Поклонной горе, памятники Вячеслава Клыкова – маршалу Жукову на Манежной площади и Николаю II, воздвигнутый недавно в селе Тайнинском под Москвой,– лишены того величия, на которое претендуют. Пожалуй, только монумент жертвам репрессий в Магадане Эрнста Неизвестного несколько лучше прочих.

К примечательным особенностям художественной жизни последних лет можно отнести появление так называемых «корпоративных коллекций». Это не просто вложение средств крупных финансовых и экономических структур в искусство, но и вполне благородное просветительское дело, поскольку такие коллекции показываются в разных городах.

Заметной тенденцией в выставочной политике стала организация частными галереями и государственными музеями экспозиций старых и современных художников-эмигрантов.

Современное российское искусство и художественный рынок представлены в последние годы множеством крупных акций. Международная ярмарка АРТ МИФ, проводившаяся в 1991 и 1993 годах, а также организованный ею фестиваль московских галерей 1992 года стали своеобразным полигоном, где «обкатывались» различные модели существования изобразительного искусства – от галерей до корпоративных коллекций, от самодеятельных объединений художников до консалтинговых агентств. После прекращения деятельности АРТ МИФа функцию полигона взяли на себя разного рода фестивали современного искусства, такие, как «Кукарт», «Новые территории искусства», « Пограничные зоны искусства» и др.

За последние два года заметно изменился рынок галерей, многие из них не смогли удержаться на плаву, другие, чтобы выжить, занялись дилерством в области антиквариата. Эта ситуация характерна и для больших, и для малых городов.

В 1996 году была проведена художественная ярмарка по программе «Арт Москва». Планируется провести еще две в надежде на оживление и развитие художественного рынка. ■

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ. 1995, №8

АРИСТАРХ ЛЕНТУЛОВ. ЦЕРКОВЬ. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АЛЬФА-БАНКА

ХРОНИКА

1991

Январь. Выставка художников-нонконформистов «Другое искусство. 1956 – 1976» (Государственная Третьяковская галерея на Крымском валу).

Октябрь. Международная художественная ярмарка АРТ МИФ 2 (Манеж); более 70 галерей из СССР и зарубежных стран.

1992

Май. Первый аукцион аукционного дома «Альфа-Арт» (отечественное и зарубежное искусство XVIII-XX веков).

Сентябрь. Фестиваль московских галерей под эгидой АРТ МИФа (Москва).

1993

Март. Выставка «Великая утопия. Русский и советский авангард 1925 – 1932» (ГТГ, затем в Государственном Русском музее в Петербурге).

Июнь. Фестиваль современного искусства «Кукарт» (Царское Село).

Сентябрь. Первая российская биеннале станковой графики (Калининград).

Сентябрь — октябрь. Фестиваль «Новые территории искусства» (Красноярск).

Октябрь. Международная художественная ярмарка АРТ МИФ 3; около 40 российских и зарубежных галерей.

В Москве начинает выходить «Художественный журнал» –первое специализированное издание по современному искусству.

1994

Январь. Открытие Музея личных коллекций при Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина.

Март — апрель. Ретроспективная выставка произведений Владимира Татлина (ГТГ на Крымском валу, затем в ГРМ).

Сентябрь. Фестиваль «Пограничные зоны искусства» (Сочи).

Декабрь. Создан Государственный центр современного искусства при Министерстве культуры РФ.

1995

Март — апрель. Открытие после длительной реконструкции старого здания ГТГ.

Первые выставки «перемещенных» произведений искусства: «Дважды спасенные» (Государственный музей изобразительного искусства имени Пушкина), «Неведомые шедевры» (Эрмитаж).

Май. Открытие комплекса монументов и Музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе и памятника маршалу Георгию Жукову на Манежной площади.

Июнь — сентябрь. Открытие памятников Сергею Есенину и Владимиру Высоцкому на Бульварном кольце в Москве.

Ежегодный международный художественный «семинар-пленер» «Культурдорф» (Царское Село).

Октябрь. Выставка «Пять веков европейского рисунка» (коллекция Ф. Кенигса) в ГМИИ.

Выставка «Примитив в России (XVIII– первая половина XIX веков)» (ГТГ на Крымском валу).

Ноябрь. Выставка «Новые меценаты России» в Музее личных коллекций (корпоративные собрания ведущих московских банков).

1996

Март — май. Выставка «Москва – Берлин. Берлин – Москва. 1900 – 1950» (ГМИИ).

Апрель. Выставка «Золото Трои» (ГМИИ).

Первая московская международная фотобиеннале.

Май — июнь. Московская художественная ярмарка по программе «Арт Москва»

Фестиваль современного искусства «Берлин в Москве. Мир без границ» (выставки в 9 галереях)

Открытие памятника Николаю II (село Тайнинское, Московская обл.)

Открытие памятника жертвам сталинских репрессий (Магадан)

Самое правдивое из искусств

Как известно, от Кремля начинается новая русская архитектура

Дмитрий Швидковский

Архитектура – искусство «долгое» и «правдивое». Она неспособна быстро реагировать на политическую конъюнктуру в силу дороговизны и немалых сроков строительства. Но если она все-таки фиксирует перемены в жизни страны, то перемены подлинные, связанные с существенными процессами, происходящими и в экономике, и в идеологии.

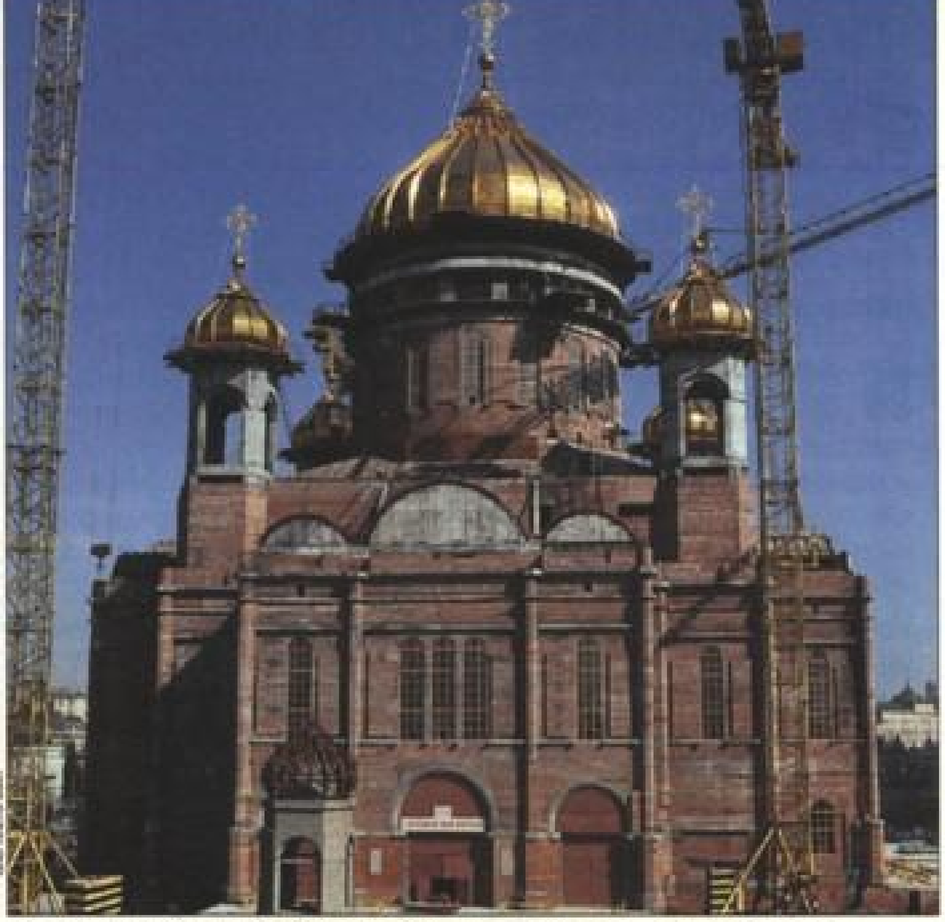
Поэтому понять, что же зафиксировала архитектура за последние пять лет истории России, особенно интересно. Перемены в самой архитектуре огромны: редко когда и где жизненная среда центральной части страны менялась столь быстро.

Самое существенное, пожалуй, – это появление нового типа расселения. Вокруг Москвы, а также поблизости от большинства крупных городов сформировалась обширная зона, где за последние пять лет было построено и продолжает строиться множество частных домов – почти везде из красного кирпича. Прежние дачные местности превращаются в субурбанистические районы с высоким стандартом жилищ, принадлежащих наиболее состоятельной части нашего «среднего класса». Этот процесс характерен для современного мира в целом, особенно для США; его развитие идет быстрыми темпами и в России.

Очень важно также, что в России после долгого перерыва опять стали строить церкви. Восстановлены сотни храмов, построены новые – правда, их число значительно меньше и выдержаны они в старых архитектурных традициях: духовные ценности все еще связываются с привычными, узнаваемыми формами, а не с поиском новых образов.

Одно из самых ярких «архитектурных свидетельств» недавней истории – несомненное лидерство Москвы в российском строительном искусстве, что ощущалось в течение всей советской эпохи, но в наше время приобрело абсолютный характер. Все наиболее яркие события в русской архитектуре последних пяти лет свершились в столице. И она приобрела новый облик – причем окраины остались почти прежними, а кардинальные перемены произошли в центре города. На московских площадях и улицах возводится «идеология в чистом виде». Особенно поразительно то, что архитектура Москвы стала подчеркнуто историчной. На наших глазах возникает концепция города, где архитектурные образы не просто говорят, но «кричат» о возрождении исторической России с ее традиционными вкусами, противопоставленными невнятной «новизне» градостроительства «эпохи застоя».

История и ее образы победили в архитектуре как Москвы, так и всей России. Надолго ли? Это скоро станет ясно. Но то, что уже сделано, изменить будет очень и очень трудно – даже, как прежде, с помощью динамита. ■

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

СТРОИТЕЛЬСТВО НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ

ХРОНИКА

Становление «имперской идеи»

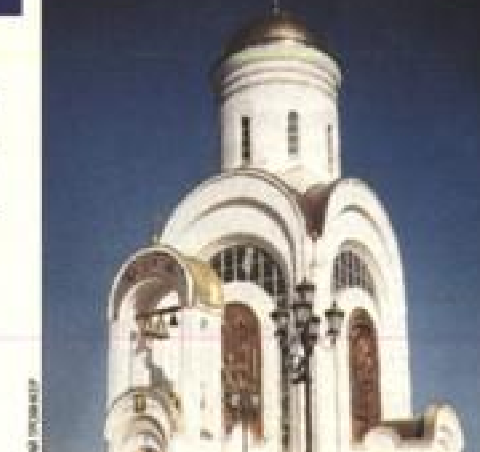
1993 — 1994 гг. Восстановление уничтоженной в советское время церкви Казанской Божьей матери на Красной площади.

Апрель 1995 г. Завершение главного мемориала Победы на Поклонной горе. В триумфальный ансамбль включается храм Святого Георгия – первая «новая» по своим формам церковь в Москве.

Осень 1995 г. Воссоздание Иверских ворот Китай-города (кстати, делающее невозможным участие танков в парадах на Красной площади). Восстановление истории в ее зримых образах становится главной тенденцией в архитектуре центра Москвы.

1993 — 1996 гг. Идет проектирование и строительство подземного комплекса на Манежной площади. По замыслу комплекс должен был напоминать новый подземный торговый центр «Les Halles» в Париже, но в ходе своего осуществления проект все более историфицируется, «выходит на поверхность» города во множестве скульптур, большинство из которых уже отлиты и ждут только завершения строительных работ.

1994 — 1996 гг. – проектирование и строительство храма Христа Спасителя. Трудно представить какое-либо архитектурное начинание XX века, которое столь же ярко говорило бы о намерении восстановить исторические духовные ценности. Окончание строительства Национального Собора в Вашингтоне или завершение грандиозного храма Святого Семейства в Барселоне к 500-летию открытия Америки Колумбом не могут сравниться со строительством собора Христа Спасителя ни по своим масштабам, ни тем более по темпам работ. И хотя еще совсем недавно многие сомневались в необходимости восстановления храма, поднявшиеся над городом купола, почти мистически «притягивающие» к себе пространство Москвы и зрительно объединившие центр столицы России, заставили многих критиков совершенно переменить свою точку зрения. ■

ХРАМ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

Конец эпохи

Пунктир литературной жизни: от Союза к Букеру

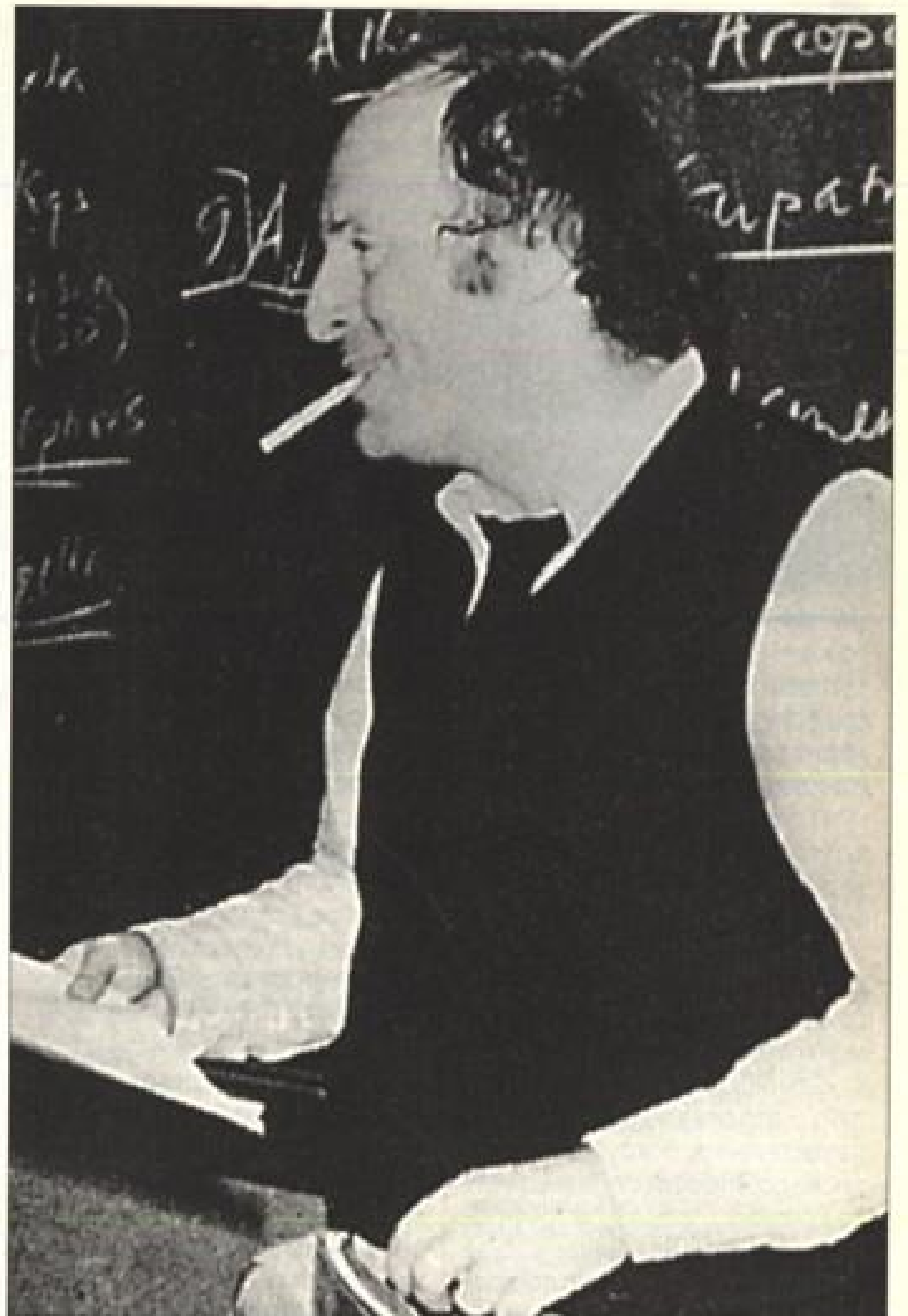
Николай Александров
(«Эхо Москвы»)

Понятно, что любая выборка событий последних пяти лет страдает достаточной степенью условности и субъективности. Память, конечно, избирательна, но интересно проследить, что именно она избирает. И если не путь, то «пунктир» развития все-таки просматривается.

От распада Союза писателей до приезда Солженицына, от приезда Солженицына до смерти Иосифа Бродского. От пленумов и съездов — к премиям и презентациям. От миллионных тиражей «толстых» журналов — к тиражам более чем скромным. Появление (и исчезновение) новых журналов; рождение (и смерть) новых издательств, книжных магазинов — все это не просто «обстановка жизни», но обретение «других форм» литературного существования и, смею сказать, другой литературы и другого литератора. Писатель-чиновник приказал долго жить, то есть стал просто чиновником. И это славно.

В 1991 году отечественная словесность и литературная общественность с робостью и застенчивостью смотрела на писателей-эмигрантов. Каждый приехавший, будь то Андрей Синявский или Эдуард Лимонов, встречался с какой-то трепетной надеждой. Ждали приезда Солженицына. Солженицын приехал — и ничего не произошло. Более сильное влияние, на литературу по крайней мере, оказало пришествие Букера: современная литература получила денежный эквивалент. Но главное, конечно, не в этом. Букер структурировал современную литературу. Даже при всей спорности букеровского рейтинга распределение мест на сегодняшнем литературном Олимпе без него теперь невозможно.

Журнальный поток повторных публикаций и судорожного восполнения лакун «прошлой» литературы сошел на нет. Популяризацией классического наследия гораздо успешнее занялись издательства. Книжный бум 90-х постепенно мутировал от охоты за очередной новинкой до мучительного выбора в условиях книжного изобилия: покупать или не покупать. От бесчисленных «избранных», сборников и антологий рынок пришел к собраниям сочинений. Хронику легко было бы превратить в библиографию, если задаться целью назвать более или менее занятные книжные события истекших пяти лет. Все, о чем мечталось в немые застойные годы, все, что переписывалось от руки, выуживалось из спецхранов, передавалось из рук в руки, — стало до скучного доступно. Анна Ахматова и Николай Гумилев, Владимир Набоков и Дмитрий Мережковский, Марк Алданов и Константин Леонтьев, Василий Розанов и Владимир Соловьев, воспоминания Андрея Белого, Федора Степуна, дневники Зинаиды Гиппиус, Корнея Чуковского, романы маркиза де Сада, Германа Гессе, «Москва — Петушки» и «Хроники Нарнии», «Улисс» и «Тропик рака», «Голем» и «Маятник Фуко», Сартр и Бергсон, Ницше и Кьеркегор, и так далее и тому подобное. А если к этому прибавить альманахи «Минувшее» и «Лица», философские журналы «Путь» и «Логос», ученые труды Юрия Лотмана и Михаила Гаспарова, «Тайную доктрину» Елены Блаватской и «Русский эротический фольклор»...

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Калейдоскоп имен, жанров, тем, и все это в разных изданиях, вариантах и вариациях: том, три тома, «полутом» — с комментариями и без них, с предисловиями и без оных, репринтное, факсимильное, в супере... За пять лет издано столько, что едва ли усвоится за последующее пятилетие.

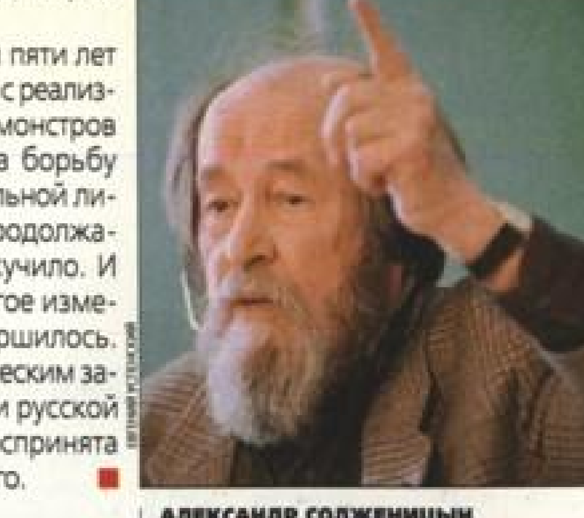
В читательском сознании исчезла граница между писателями эмигрантами и неэмигрантами. Вручение Букера-95 Георгию Владимову — еще одно красноречивое тому доказательство.

Массовая литература, поначалу повергавшая в некоторый шок, стала обыденным атрибутом книжных прилавков, где на смену детективам Агаты Кристи и Чейза, эротике, боевикам, триллерам Дина Кунца пришли русский триллер и дамский роман, оттеснивший на второй план продукцию вроде «Русской красавицы» Виктора Ерофеева.

Литература отделилась от журналистики. Социальная злободневность, жизненная правда, политический пафос благополучно обосновались на газетных полосах и перестали восприниматься как знаки достоинства художественной прозы.

Пять лет критика отвечала на сакраментальный вопрос: есть ли у нас литература или хотя бы литературный процесс. «Процесс пошел» — это однозначно. И литература пошла. Другое дело куда. Современную изящную словесность (то есть толстые журналы прежде всего) читают не все, и совсем немногие читают с увлечением. Не много и звезд на современном литературном небосклоне. Потускнели Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, растворились в одиозности Юрий Бондарев и Василий Белов, зато остался писателем Виктор Астафьев. Не поражают воображение Владимир Войнович и Василий Аксенов. Приелся Александр Кабаков, поднадоел Владимир Сорокин. Почти некого назвать из совсем молодых писателей, за исключением, пожалуй, Олега Павлова и Дмитрия Бакина.

На всем протяжении пяти лет постмодернизм боролся с реализмом, и битва этих двух монстров благополучно заменила борьбу андерграунда с официальной литературой. Сражение продолжается, но порядком наскучило. И все же. За пять лет многое изменилось и многое завершилось. Именно так — символическим завершением целой эпохи русской литературы — была воспринята смерть Иосифа Бродского. ■

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

ХРОНИКА

1991 В августе состоялся пленум Союза писателей СССР. Принято решение: союз не распускать.
Нужно «по-новому обжить культурное пространство». — Евгений Евтушенко.
Из правления Союза писателей выведены: Валентин Распутин, Юрий Бондарев, Феликс Кузнецов, Николай Горбачев.
В сентябре создается альтернативный Союз писателей России. Начинается дележ имущества Союза писателей.
Разгорается полемика вокруг «Прогулок с Пушкиным» Андрея Синявского и «Бесконечного тупика» Дмитрия Галковского. В Синявском видят литературного Дантеса, в Галковском подозревают гениальность. От последнего ожидают окончание «Бесконечного тупика». Ожидания не оправдываются.
Директор издательства «Советский писатель» Анатолий Жуков объявил, что убытки его фирмы по плановой литературе в 1991 году составят 3,5 млн. рублей, а в 1992-м возрастут еще вдвое.
Опубликованы стихи Тимура Кибирова «Сереже Гандлевскому».
О некоторых аспектах нынешней социокультурной ситуации» («Новый мир» № 9).
Первое частное издательство «Глагол» издало роман Эдуарда Лимонова «Это я, Эдичка».
Вышел одиннадцатый, «эротический» номер журнала «Литературное обозрение».
В «Митином журнале» напечатана «Любовь постмодерниста» Вячеслава Курицына.
Английская торговая фирма «Букер» учредила премию в 10 тыс. фунтов стерлингов за лучший роман на русском языке. Первым председателем жюри стала Алла Латынина.
По «толстым» журналам катится «Красное колесо» Александра Солженицына.
Вышел литературно-художественный альманах «Личное дело №» со стихами Михаила Айзенберга, Сергея Гандлевского, Тимура Кибирова, Виктора Коваля, Д.А. Пригова, Льва Рубинштейна, Дениса Новикова.

1992 Андрей Синявский на вопрос, какое у него самое заветное желание, ответил: «Накормить страну».
И признался, что пока к нему в России относятся не слишком дружелюбно: «С большим трудом печатают, с большим трудом впускают в страну. Я вот в четвертый раз приезжаю — каждый раз скандал на границе».
«Иван Петрович — тот самый, про которого в любой книге написано что-нибудь вроде: «Иван Петрович встал со скрипучего стула и подошел к распахнутому окну» — умер, и великая русская литература превратилась в обыкновенную современную словесность». — Александр Генис, «НГ», 15.01.92.
В феврале — заявление Русского пен-центра: «Если правительство и общество останутся сегодня равнодушными к судьбам литературных журналов и книгопечатания, неизбежное культурное одичание скажется на судьбах нескольких поколений и, как в пору революции 1917 года, оставит России одно будущее — ее прошлое».
В марте создано издательство имени Сабашниковых.

Иду. А навстречу
Идут идиоты...
Генрих Сапгир

Вышел первый номер журнала «Комментарии».

Прохоров Сазон
Воробьев кормил,
Бросил им батон —
Десять штук убил.
Олег Григорьев
(умер 30.04.92)

В мае в издательстве Мичиганского университета вышла антология новой русской поэзии «Третья волна».
В библиотеке журнала «Огонек» вышла книжечка рассказов «русского Камю» Дмитрия Бакина «Цепь».
«Никаких переворотов в художественном сознании я не предвижу, будет возрастать роль личности в литературе — это несомненно». — Алла Латынина.
Покончил с собой Юрий Карабчиевский.
В сентябре вышел первый номер журнала «Новое литературное обозрение» («НЛО»).
В декабре появился журнал «De visu» (вышел нулевой номер). Этот историко-литературный и библиографический журнал посвятил себя литературе конца XIX — первой трети XX века, то есть периоду от символизма до социалистического реализма.
Лауреатом первой Букеровской премии стал Марк Харитонов за роман «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». Среди других претендентов были Дмитрий Галковский («Бесконечный тупик»), Олег Ермаков («Знак зверя»).

1993 В январе в Институте мировой литературы прошла конференция «Русский авангард в контексте европейской культуры».
В марте вышел «черный», «мистический» номер «Иностранной литературы».
«Новый мир» публикует роман Владимира Шарова «До и во время» (№ 3—4), о котором ожесточенно спорят критики, в том числе и сотрудники «Нового мира». Для одних это — «новое слово в литературе», для других — скучная спекуляция на русской литературе XIX века.
Летом в «Иностранной литературе» печатается роман Джона Фаулза «Волхв» в переводе Бориса Кузьминского — своего рода культовый роман эстетствующей интеллигенции.
Издательство «Новости» начинает выпуск десятитомного собрания сочинений Дина Кунца. Это один из первых случаев, когда пик популярности американского писателя у себя на родине совпал с его переводом на русский язык.
В Петербургском издательстве «Лимбус-пресс» вышел трехтомник Сергея Довлатова, побивший все рекорды спроса.
26 июля умер Владимир Яковлевич Лакшин.
В сентябре прошли первые Розановские чтения.
28 октября скончался Юрий Михайлович Лотман.
Лауреатами Букера-93 стали Виктор Пелевин (Малый Букер) за сборник рассказов «Синий фанарь», Владимир Маканин (Букер Большой) за роман «Стол, покрытый сукном и с графином посередине».

Пчлн дмн дх згнн
лтл нд гршн змл
пржн дн вспмнн
прд нм тонлс тлп
Д.А.Пригов (М.Ю.Лермонтов)
«НЛО» № 6.

1994 Журнал «De visu» при поддержке телеканала «2х2» возобновил свою деятельность и, выпустив три номера, прекратил существование.
В издательстве «Полярис» вышел трехтомник Хорхе Луиса Борхеса.
В издательстве «Согласие» вышел трехтомник Георгия Иванова.
Журнал «Знамя» (№ 4—5) опубликовал роман Георгия Владимова «Генерал и его армия».
Александр Исаевич Солженицын вернулся в Россию и, совершив путешествие по всей стране, прибыл в Москву. Было пасмурно. Шел дождь.
«Благодаря целевой поддержке массовых библиотек и, конкретно, их подписке на периодику фондом Джорджа Сороса — практически ни один из «толстых» журналов, при всех криках о «катастрофе» и «конце» культуры, не закрылся, не обанкротился. Но большинство их, так же как и прежде, не существуют на подписку (то есть по-прежнему не зависят исключительно от читателя)». — Борис Дубин («НЛО» № 9).
Владимир Сорокин эпатирует публику романами «Норма» и «Роман».
Букеровскую премию получил Булат Окуджава за роман «Упраздненный театр».

1995 Премии своим авторам вручили журналы «Знамя» и «Иностранная литература».
В № 1 «Знамени» опубликована повесть Сергея Гандлевского «Трепанация черепа».
Жюри Букера-95 возглавил Станислав Рассадин.
На тома собраний сочинений Андрея Белого и Василия Розанова, выходящие в издательстве «Республика», уже никто не обращает внимания.
Журнал «Дружба народов», сменив главного редактора, начал героический «выход из прорыва», печатая номера за второе полугодие и одновременно восполняя задолженность за первое. «Прорыв» был ликвидирован.
В так называемый шорт-лист Букера-95 вошли Олег Павлов («Казенная сказка»), Евгений Федоров («Одиссея») и Георгий Владимов («Генерал и его армия»). Победил последний.
В канун вручения Букера из недр «Независимой газеты» на свет появился Антибукер. И присудил награду Алексею Варламову за повесть «Рождение».
Премии своим авторам вручили журналы «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир».
Андрей Макин получил Гонкуровскую премию за роман «Французское завещание» («Le testament francais»).

1996 28 января умер Иосиф Бродский.
Председателем жюри Букера-96 стала Ирина Прохорова, главный редактор журнала «НЛО».
В издательстве имени Сабашниковых вышли «Замогильные записки» Франсуа Рене Шатобриана в переводе Веры Мильчиной и Ольги Гринберг.
Бондаревский Союз писателей вручил премию имени Шолохова Геннадию Андреевичу Зюганову.
В издательстве «Согласие» вышел трехтомник произведений Гайто Газданова.

Вольный эфир

Российский телезритель устал от развлечений

Андрей Букин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О СОЗДАНИИ РОссийского телевидения и радио было принято фактически одновременно с Декларацией независимости России, в июне 1990-го. Это был первый и единственный момент за всю историю новой российской электронной прессы, когда интересы власти и журналистов совпали.

На протяжении последующих шести лет законодательная власть в большей степени, а исполнительная в меньшей пыталась подчинить себе СМИ. В результате в России до сих пор нет единого закона о телевидении и радио. Их деятельность регулируется набором законов, указов, постановлений, принятых в разное время и по разным поводам: законом о средствах массовой информации, о рекламе, об освещении в государственных средствах массовой информации деятельности органов государственной власти, рядом президентских указов, часть из которых, кстати, гарантирует независимость любой прессы. Однако, несмотря на титаническую борьбу между разными ветвями власти, телевидение развивается быстро и успешно.

Первая радиопередача Всероссийской государственной телерадиокомпании вышла в эфир уже 5 декабря 1990 года, а первая телепередача — в мае 1991-го. Затем, вопреки отсутствию законодательной базы, а может быть, благодаря ему, стали появляться новые теле- и радиостанции. За шесть лет их возникло огромное множество, почти столько же погибло. Выжило около 3000 радиостанций и более 600 телеканалов, не считая пиратских и нелегальных. Даже Федеральная служба телевидения и радио, созданная для регулирования этого процесса, не знает, сколько же вещателей сейчас в России.

В 1993 году во время октябрьских событий существование нескольких телекомпаний сыграло, возможно, ключевую роль в спасении демократии. Пока шел штурм «Останкино», альтернативное Российское телевидение начало вещание с Шаболовки, из запасной студии. Даже если бы погромщики двинулись на Шаболовку, вещание не прервалось бы, поскольку существовало еще несколько специальных резервных студий.

ЗОЛУШКА ИЗ ВЕНЕСУЭЛЫ НАШЛА ПРИНЦА

Создание телевидения и радио заново имеет как очевидные минусы — большие расходы, неопытность персонала, так и плюсы — возможность строить телевидение сразу на уровне последних технических достижений. Уже сейчас Европейский вещательный союз с некоторой завистью и восхищением смотрит на российское цифровое телевидение. А вот десять миллионов россиян, его смотрящих, возможно, особого восхищения не испытывают. Дело в том, что сегодня технические возможности превосходят способность тележурналистов создавать достаточное количество программ должного качества. Так что следующая стадия развития ТВ и радио в России будет стадией развития производящих телерадиоструктур.

Возникновение независимого телевидения и радио оказалось полезным не только для рекламодателей и зрителей. Оно способствовало появлению в России новой науки — аудиометрии, занимающейся изучением аудитории. Исследования показали, что одна из проблем сегодняшнего телевидения заключается в преобладании развлекательных программ и нехватке документальных и просветительских, а также передач о культуре и науке вроде «Очевидное — невероятное». Зритель едва ли в состоянии потреблять больше развлечений, чем сейчас. Опросы показывают, что рост телеаудитории возможен только при увеличении доли документальных сериалов и передач .

История телевидения и радио пока еще не стала самостоятельной дисциплиной, несмотря на существование Академии телевидения. Поэтому мы предлагаем вам хронику развития телевидения, подготовленную при участии Лидии Польской, Григория Симановича и Сергея Муратова. ■

ХРОНИКА

1991

«Мыльная опера», растревожившая души российских телезрителей еще в 1988 году образом рабыни Изауры, превращается в телевизионную обыденность для миллионов зрителей, сопереживающих знойным страстям смуглых господ и дам из сериала «Богатые тоже плачут». Она начинает приносить большие деньги за счет бешеного интереса рекламодателей.

Май. Прекращает свое существование «министерство телевидения» — Гостелерадио. Одновременно с появлением нового государственного канала появляется и новая точка зрения на происходящие события. Телеканал «Россия» занимает нишу оппозиционера, критикующего власти «слева». Такая ситуация сохраняется вплоть до августовского путча, после которого главой «Останкино» назначают Егора Яковлева, и оба главных телеканала становятся «ельцинскими».

1992

Январь. Начинает работу первая независимая вещательная телекомпания ТВ6, созданная при участии Теда Тернера. Изначально канал ТВ6 задумывался как информационный. Но жизнь, как говорится, «внесла свои коррективы». На первом канале «Останкино» появляется программа «Итоги» Евгения Киселева.

Появление негосударственного телевидения стимулировало развитие производящих телекомпаний. Становится практикой покупка вещателями программ у независимых производителей. Благодаря ВИДу, REN TB и пр. в эфир выходит все больше развлекательных программ. Телевидение начинает ориентироваться на зрительский спрос. Основным критерием оценки программ становится не отзывы критиков, а рейтинг.

Появление спутникового, кабельного телевидения, первых дециметровых каналов. На некоторых домах и балконах появились диковинные «тарелки». Пространство телезрелищ и телеинформации стало расширяться не с помощью, но при молчаливом согласии или вялом сопротивлении государства. Стали вовсю продаваться и транслироваться по кабельному ТВ пиратские копии западных фильмов.

1993

Программы НТВ «Сегодня», «Итоги», «Намедни» выходят на 5-м канале. Это начало работы первого успешного информационного телевидения.

СТРАСТНАЯ МАРИЕЛЕНА

1994

Январь. Начинается регулярное вещание НТВ на 4-м канале. Концепция кинопоказа НТВ заставляет другие каналы резко активизировать поиски кинофильмов. С появлением ОРТ конкуренция в кинопоказе обостряется, но НТВ сохраняет позицию лидера.

1995

Январь. На канале НТВ появилась программа «Куклы». Она не была российским изобретением, прием и традиция заимствованы у западного телевидения. Однако «Куклы» стали первым в истории нашего телевещания сатирическим художественным циклом, высмеивающим действующих политиков высшего ранга.

Март. Убит Владислав Листьев.

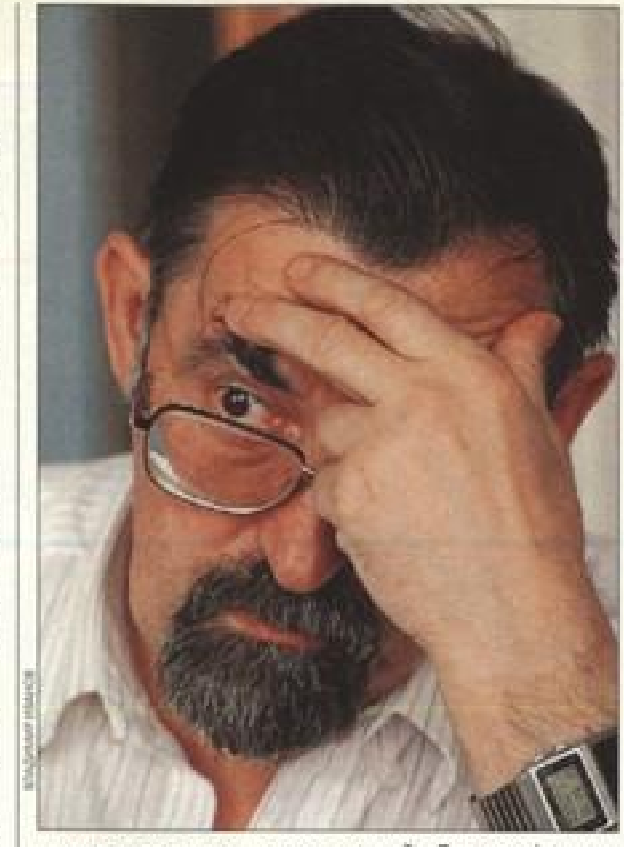
Апрель. Выход в эфир канала ОРТ. Впервые государственный телемонстр частично перешел в частные руки. Завершилась эпоха суперканала-монополиста, потерявшего к этому времени и творческое лицо, и государственное финансирование. Началась невиданная структурная, кадровая и творческая перестройка внутри самой крупной и, казалось бы, устойчивой телекомпании страны.

1996

Май — июнь. Широкомасштабное участие телевидения в президентской предвыборной кампании. Чем бы ни увенчались усилия телеканалов, предвыборное телевидение продемонстрировало обществу готовность осознанно и добровольно поступиться принципами демократизма ради спасения демократии как таковой. Формально не нарушая постановления Центризбиркома, государственные, полугосударственные и частные каналы используют все средства и возможности эфира для прямой и косвенной агитации за Бориса Ельцина. Достаточное ли это оправдание, и окажутся ли эффективными средства — неизвестно.

«Не хватает времени на науку»

С членом Президентского совета Леонидом Смирнягиным беседует Дмитрий Пинскер

— За пять дней до выборов вы уезжаете со студентами географического факультета на практику?

— Я еду в Воронежскую область и одновременно с практикой намереваюсь посетить несколько избирательных участков. Получим удостоверения наблюдателей и там все посмотрим.

— А как вас отпустили из Москвы?

— Ну, я буду участвовать в выборах как наблюдатель. А потом неделю после голосования, пока не будет официальных результатов, делать в Москве нечего, кроме как заниматься спекуляциями вокруг неточных и не всегда достоверных данных. А 25 июня, когда надо будет готовить второй тур, я приеду.

— Вы двадцать лет работаете со студентами. Изменилась ли как-то молодежь за это время?

— Никакой особой динамики нет, и это настраивает на оптимистический лад. Всегда примерно один и тот же народ. Возможно, потому, что это Московский университет, географический факультет — к нам идут все больше романтики.

Конечно, что-то меняется. С точки зрения базового образования они сейчас подготовлены хуже. По географии в частности. При том, что требования к знаниям резко повысились. За три последних года в особенности. Я в некотором унынии из-за этого, поскольку приходится переделывать лекции.

Есть, правда, отток из аудиторий в бизнес. Года три-четыре назад я терял лучших студентов — они уходили на биржи, преуспевали там. Потом жалели, но вернуться не могли, поскольку увязали в слишком больших деньгах.

— Откуда тогда эта тяга к знаниям у нынешних студентов и такая требовательность?

— Ребята, по-моему, стали практичнее. Они не верят в халяву. Раньше их приводили на факультет за ручку родители, теперь они думают своей головой. Хотят полноценных знаний. Но что меня особенно поражает — студенты очень ценят то, что называется просвещением. Не хотят тупо забивать голову знаниями.

— Университет, которому вы отдали всю жизнь, влачит сейчас нищенское существование. Как вам удается оставаться ельцинистом?

— Но ведь нельзя судить о системе только по зарплате или деньгам, отпускаемым на студенческую практику. Надо смотреть на другие стороны образования. К примеру, стала доступна любая литература, особенно это коснулось нас, географов-зарубежников. Удивительное время. Теперь они могут купить журнал «Economist» в обычном ларьке. Это, кстати, и для преподавателей важно, поскольку раньше я был в каком-то смысле оракулом, читал в спецхране этот самый «Economist» и в их глазах выглядел большим прогрессистом. А теперь они сами все читают. У меня, конечно, есть некоторая фора, благо кое-куда успел съездить и кое-что посмотреть. Но эту фору надо наращивать.

— А чему вас могут научить студенты?

— Например, работе с компьютером. Меня студентка-второкурсница обучала программе построения компьютерных карт. Потом записала в журнале: «Ученик попался сметливый, на обучение ушло всего пятнадцать минут».

Вообще по части технического оснащения они меня здорово обогнали. Еще четыре года назад, когда мы купили компьютер, студенты просто поселились на кафедре. А теперь у них у всех стоят дома такие и даже лучше. Они так далеко ушли вперед, что мне подчас трудно с ними разговаривать.

— Небось и зарабатывают больше вас?

— Курса с четвертого, да. Меня это радует.

— А что, кроме академических знаний, вы можете передать студентам? Жизненный опыт, походные навыки, умение разжигать костер, наконец?

— Я не умею разжигать костер. В этом отношении паразитирую на ребятах.

Что я передаю, так это оптимистический заряд. Рождается он, конечно, из глубокого пессимизма, из постоянного ожидания от жизни какого-нибудь подвоха. Но этот настрой, что трудности надо переживать по мере их поступления, я передаю. А потом, кроме самих трудностей, есть еще и мои переживания по их поводу. Поскольку с неприятностями я сделать мало что могу, то сам учусь и других учу контролировать свою реакцию на них.

Если ближе к профессии, то мне удается передавать им некий общий подход к гуманитарным наукам, при котором сама наука становится мягче, что ли.

— О вас рассказывают забавные истории: про письма-факсы, про домофон...

Для меня было совершенно неожиданным мое назначение в Президентский совет. Мы шли по Кремлю вместе с Эмилем Паиным, несколько растерянные, и ожидали увидеть толпу ученых человек в триста. Мы считали, что нас позвали на какое-то совещание. Вошли в зал, а там всякие собчаки и поповы. Я как-то сразу скис. Паину пришлось толкать меня в бок, чтобы я пожал руку президенту, — настолько я очумел. Потом, когда у меня появился именной бланк, я написал на нем: «Ты думал, что я полное говно, а я, между прочим, член Президентского совета» — и разослал через факс своим друзьям по всему миру. Мой приятель Гриша Йоффе повесил этот факс в рамочке у себя в Редфорде и всем показывает.

— А с надуванием щек?

— Это уже не так весело. Просто на моего зятя как-то очень сильно накатила мафия, а он живет в том же доме, что и я. Правда, в отдельной квартире. Я-то живу в коммуналке. Поскольку существовала опасность, что меня тоже как-то «прихватят», перед глазком видеодомофона я надувал щеки, дескать, открывайте, все в порядке. А если лицо обычное, то меня пускать не надо. Что-то вроде истории с цветочным горшком у Штирлица.

— Член Президентского совета, ведущий президентский аналитик живет в коммунальной квартире?

— Да. Но это мое личное дело. Семейные проблемы. Живу в доме, в который переехал еще мой дед. Я там вырос. В квартире еще пять семей, кроме меня. Классическая коммуналка с тазами и тараканами.

— А склоки и писанье в щи?

— Нет, обстановка у нас исключительно дружеская. Они мне помогают по хозяйству, за что я очень признателен.

— Вы все-таки планируете уйти из администрации и вернуться к преподаванию, научной работе?

— Думаю, что вернусь обязательно. Мне в администрации надоело. Закончатся выборы, доведу до конца кое-какие дела, и все. Вот членом Президентского совета я бы остался.

— А что вас тяготит на Старой площади, что мешает работать?

— Терпеть не могу приходить и уходить по часам. Я привык к более свободному графику, привык работать дома по утрам, пока голова свежая. А тут надо плестись на работу, где тебя ждет гора мелочей. В любой момент может обрушиться что-то сверхсрочное. Это все не по мне. Опять же на здоровье отражается.

И вообще все время тянет заниматься тем, чем в этих стенах заниматься не положено. Хотя здесь огромные возможности для занятий научной работой. Доступен любой материал — двери открыты в любом архиве. Но на науку времени просто не хватает.